

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 4/АПРЕЛЬ 2006

Подписка на ЧП по объединённому каталогу «Пресса России». Индекс 71083 - для индивидуальных подписчиков, 73492 - для предприятий

**СВЕТУ ХРИСТОВУ —
ОКОЛО 2000 ЛЕТ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО
В 1991 ГОДУ

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ —
АЛЬМАНАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ,
НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И ФАНТАСТИКИ
УЧРЕДИТЕЛИ:
ЗАО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»
ЗАО «ДЕСНИЦА»
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ-77-5609
ОТ 20 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Страничка «Чудес и приключений» в Интернете на сайте по адресу: WWW.DIVESA.RU

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

**Биографической серии
«Жизнь замечательных людей» — 115 лет!**

В феврале 2006 года исполнилось 115 лет со дня основания знаменитой серии ЖЗЛ, общий тираж которой теперь насчитывает более 200 млн. книг. Основанная в 1890 году выдающимся русским просветителем Ф. Павленковым (1839–1900) и продолженная в 1935 году М. Горьким (1868–1936), серия стала первым у нас в стране универсальным собранием биографий. Поздравляем коллектив старейшего издательства нашей страны «Молодая гвардия» с замечательным юбилеем!

50

**Перепела
способны
насытить
человека не
только телесной
пищей.**

30

**Кто заплетает косички
в гривах лошадей?
Эту давнюю загадку
удалось разгадать
лишь в последние
годы.**

13

**Столь близкие нашему
сердцу птицедевы
Сирий и Алконост
до прихода на Русь
прожили целую жизнь.
В. Васнецов
«Песня радости и песня
печали» (1896)...**

60

**Каменной радугой
называют интерьер
Исаакиевского собора в
Петербурге, созданного
О. Монферраном.
Бюст О. Монферрана.
А. Фолетти. 1857**

№ 4 МАРТ 2006

СВЕТУ ХРИСТОВУ – ОКОЛО 2000 ЛЕТ

О ежегодном предпасхальном чуде в Иерусалиме – Схождении с неба Благодатного огня читайте на стр. 2

Фотография на обложке
Виктора Корнюшина

Издатель –
ООО ИД «ЖУРНАЛИСТ»

Генеральный директор,
Главный редактор
Геннадий Мальцев

Редакционная коллегия
Сергей Дёмкин

журналист

Виктор Дыгало

контр-адмирал

Борис Минин

Президент Международной академии
общественного развития

Феликс Разумовский

историк

Анатолий Соловьёв

лётчик-космонавт, Герой Советского Союза

Юрий Тартанов

академик Международной

академии информатизации

Михаил Фырнин

шеф-редактор

Аллан Чумак

парапсихолог

Борис Щербаков

директор ЗАО «Десница»

Редакторы отделов

Ирина Данченко

Рубен Спендиаров

Художник-дизайнер

Сергей Панасян

Набор

Анна Юдина

Корректор

Елена Свирина

Представитель редакции
в Санкт-Петербурге

Инна Харченко

Тел.: 8-812-3109483

Наш представитель в Риге и Прибалтике

Наталья Лебедева

Тел.: 8-10-371-767-05-93

- 2 Владимир Крючкин. **Пламенная любовь Бога**
- 6 Александр Обухов. **«Наутилус»,
сработанный топором**
- 8 Николай Блохин. **Гонорар из могилы**
- 10 Александр Косарев. **«Золотая» тайна
Бонапарта**
- 13 Юлия Дунаева. **Женщины, которые поют**
- 16 Альберт Валентинов. **Зачем клону папа?**
- 18 Глобус
- 20 Николай Черкашин. **Нептун в противогазе**
- 23 Книги, подаренные редакции
- 24 Юрий Фролов. **Душа в нагрузку**
- 26 Василий Михеев. **Полотно для кремлёвского
тела**
- 30 Игорь Бурцев. **Парикмахеры из чащи**
- 32 Сергей Васильев. **Виктория серебряной
чеканки**
- 33, 57 Чудеса в решете
- 34 Владимир Корочанцев. **Громовержец на
трибуне**
- 41 Елена Мазова. **Держите руку на пульсе...
Луны!**
- 42 Нам пишут
- 44 Владислав Корякин. **Одиссея над бездной**
- 50 Михаил Козлов. **Птица, приносящая
богатство**
- 52 Олег Назаров. **Там, где бродят огни**
- 58 За семью печатями
- 60 Юрий Туйск. **«Цветник» под сводами храма**
- 62 Ростислав Николаев. **Почему не ныли раны у
Шамиля?**
- 63 Антон Васильев. **Мастер-класс на
Патриарших прудах**

Адрес редакции: 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 16, комн. 501
Телефоны: (095) 152-06-92, 152-57-51.
Служба распространения: 125319, Москва, ул. Черняховского, 16.
Телефоны: 152-86-16, 152-06-92. E-mail: 4ip@nm.ru, elena-la@yandex.ru

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материалов без письменного разрешения редакции запрещается. Редакция в переписку не вступает. Цена свободная. Отпечатано в ОАО «Чеховский полиграфический комбинат», 142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1. Формат 84x108 1/16. Заказ № 848. Тираж 22 300 экз.

© «Чудеса и приключения», 2006.

Колонка редактора

СЛЕДЫ БОГА

Рассказывают, что один француз пере-секал пустыню с арабским проводником. Каждый день араб преклонял колени на раскалённом песке и молился Богу. Не-верующий француз долго смотрел на это и однажды вечером спросил араба:

– Откуда ты знаешь, что Бог вообще есть?

Проводник на мгновение остановил взгляд на насмешнике и сказал:

– Откуда я знаю, что есть Бог?... Откуда я знаю, что прошлой ночью мимо нас прошёл верблюд, а не человек? Не по следу ли на песке?

И, указывая на солнце, чьи последние лучи гасли на горизонте, араб добавил:

– Это не след человека...

Подобных следов в мире, наверное, великое множество, но есть среди них один, самый уникальный – Благодатный огонь. Каждый год по молитвам Иерусалимского Патриарха он сходит в храме Воскресения Христова в Великую Субботу, возжигая приготовленные свечи. Этого величайшего чуда ждут тысячи верующих, для которых Благодатный огонь есть зримое присутствие живого Бога в нашей жизни. Иногда Огонь возникает быстро, через несколько минут, а бывает, на это уходят часы. Непонятно, откуда появляется Огонь? В один год он возник в виде голубых шариков, рассыпанных по мраморной доске Гроба Господня, а в другой – засияла вся эта мраморная доска и выпустила из себя пламя. Огонь бывает и бело-голубой, и ярко-красный. И постепенно его божественное пламя превращается в обычное, обжигающее.

Чудо Схождения огня, по свидетельству историка Евсевия, случилось впервые на заре христианства, примерно в конце II – начале III столетия, при патриархе Наркиссе. Не имея масла, священники заполнили лампы водой. И всё же Сошедший огонь зажжёт их, и горели они даже ярче, чем лампы масляные.

Благодатный огонь с ходит только к православному Патриарху. В XVI веке Католикос всех армян уговорил турецкого правителя отдать ему право молиться о чуде. Патриарха не пустили в храм, и он молился недалеко от входа. И Благодатный огонь вышел прямо из колонны, у которой тот стоял, и рассёк её до основания (см. фото на стр. 4). С этого времени Благодатный огонь был признан всеми.

Удивительно, почему философы не считают Огонь ещё одним доказательством бытия Божия?

Михаил Фырнин

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ БОГА

Много столетий известно миру это чудо...

Приготовленное к погребению тело Иисуса Христа было положено в погребальную пещеру, расположенную на месте маленькой часовни, называемой по-гречески Кувуклией. И каждый год в Великую Субботу на смертное ложе Спасителя к верующим сходит с неба Благодатный огонь, укрепляющий веру и согревающий сердца Божественной любовью к миру и человеку...

Узкая улочка старого Иерусалима ведёт нас, паломников из России, к Святой Святых – к храму Воскресения Христова, или, как его чаще всего здесь называют, к храму Гроба Господня.

На дворе 2004-й год. Этот год оказался редким: в один день совпали Пасхи всех христианских конфессий. Поэтому в Иерусалим съехалось народу в десять раз больше, чем в обычный год.

Все приехали встретить Пасху. Но разговоры сейчас в основном идут не о ней, а о Благодатном Огне, который каждый год сходит в храме Гроба Господня, и о том, как в эти минуты оказаться в храме.

Чтобы избавить храм от огромной толчеи, власти Иерусалима раздали паломникам через местные монастыри пригласительные билеты. Естественно, многим они не достались. В числе обделённых оказалась и наша паломническая группа. Но надежды мы не теряли.

11 апреля, Святая Суббота. В 8 часов утра мы стоим на плоской крыше каменного строения в каких-нибудь 15–20 метрах от главного входа в храм Гроба Господня. Это самое близкое место, куда наш гид из иерусалимской паломнической службы смог нас проташить сквозь кордоны полиции.

Солнце палит всё сильнее и сильнее. Температура воздуха приближается к +35°C. Становится жарко и душно. С крыши мы видим, как сквозь строй полиции и солдат из армейских частей в храм проходят представители городских властей, иерархи церкви, аккредитованные журналисты, сотрудники посольств и прочие гости.

Оказалось, что с нашей крыши в храм есть своеобразный чёрный ход, но он перекрыт полицией. Народ на крыше всё прибывает и прибывает. Становится тесно. Иногда полиция через чёрный ход пропускает в

Великая Суббота. Печать у Гроба Господня

храм людей с пригласительными билетами. Это нагнетает обстановку среди тех, кто, не имея билетов, вот уже часа четыре находится здесь без шансов на успех. Время от времени они напирают на полицию, и возникают серьёзные потасовки. Нервы выдерживают не у всех: с крыши в гостиницу начинают уходить люди пожилого возраста. Полицейские начальники уверяют оставшихся, что без пригласительных билетов им тоже надо идти домой.

В толпе проходит слух, что за 40–50 долларов какие-то арабы проведут всех желающих в храм. Вскоре нашлись и эти арабы сомнительного бизнеса, и паломники, готовые испытать такое счастье. Я вместе с одной

женщиной из нашей группы посчитал неудобным покупать место у Гроба Господня и был уверен, что, если Спасителю будет угодно, Он поможет пройти к его главной святыне.

Минут через сорок после наших молитв вдруг засветился всеми цветами радуги главный крест на крыше храма. Цвет свечения менялся каждую минуту и был кристально чистым. Это обнадёжило нас в том, что мы попадём в храм. И действительно, минут через двадцать полиция неожиданно открыла свой заслон и пропустила нас.

И вот мы в храме, в правой его части. Место это не очень удобное, но всё же, хотя и под острым углом, мы видим Святую Кувуклию. В руках у нас, как и у всех, по два пучка свечей. По 33 свечи в пучке – по возрасту Христа. Мы счастливы, хотя народу в храме – не менее трёх тысяч человек, и дышать трудно, и кажется, что мы все дышим собственным выдыхаемым воздухом. Справа и слева чьи-то локти упираются тебе в рёбра, кто-то давит на тебя и спереди, и сзади, и размять ноги ты тоже не можешь, потому что их нельзя сдвинуть даже на миллиметр. Некоторые не выдерживают: я вижу, как из храма с большим трудом выводили и выносили людей в полубессознательном состоянии – мужчин, женщин и даже молоденьких девушек. У тех, кто остался в храме, иногда не выдерживала психика. Люди оскорбляли друг друга и даже дрались. Неся над головой свою аппаратуру, выбиравшись на свет Божий и некоторые кинооператоры, потому что снимать в такой толчее было просто невозможно.

Стук!.. стук!.. стук!.. – доносится до нас звук ударов чего-то металлического о каменный пол храма. Это церемониймейстеры – по старой традиции в турецком одеянии – идут вокруг Кувуклии, пристукивая об пол своими жезлами. Народ уступает им место. Появляется Крестный ход во главе с

Патриархом Иерусалимским Ире-
неем. Процессия три раза проходит
вокруг Кувуклии. Затем на ней гасятся
все 43 золотые лампы. Патриарха,
в одном белом подряснике, проверя-
ет неправославная комиссия на пред-
мет, нет ли у него того, от чего он мог
бы в Кувуклии зажечь свечи. С двери
Кувуклии снимается большая воско-
вая печать. Вход к Гробу Господню от-
крыт. Патриарх исчезает в Кувуклии.

Нетерпение всех, ожидающих Огня
в храме, возрастает. Рядом со мной
какая-то украинка запела молитвы. Я
невольно стал подпевать ей. От это-
го стало даже легче дышать. Неожиданно
раздалось пение православных
арабов, призывающих своим пением
Благодатный огонь. И вдруг на потолке
храма стали лопаться одна за дру-
гой несколько лампочек дежурного
света. Наступила полнейшая темнота.
Неожиданно в храме появился голу-
бой свет, точнее, сполохи голубо-
го света. Они быстро передвигались
по всему храму. Это всех заворажи-
вало. Все ждали главное чудо. И оно
пришло. В дверях Кувуклии появился
Патриарх с пучками зажжённых све-
чей. Храм взревел ликованием сча-
стья. Все тянулись к свечам Патриа-
рха, чтобы зажечь свои свечи. Как-то
мгновенно зажглись самопроизвольно
все 43 золотые лампы на Кувук-
лии, за какие-то секунды в руках па-
ломников всего храма загорелись
ярким пламенем свечи. Чудом Огонь
перебросился на вторые и третьи яру-
сы храма. Только что ссорившиеся от
возбуждения, до драки, паломники
из разных стран теперь улыбались
друг другу и проводили по своим ли-
цам горящими факелами необжига-
ющего Огня. Так длилось минут 5–7,
затем Огонь приобрёл свои обычные
свойства.

Благодатный огонь – сам по себе
великое Чудо, но его сопровождает
много других чудес. В моём архиве
хранится любительская фотография,

Схождение Благодатного огня в Иерусалиме в храме Гроба Господня. Фото А. Клочихина, 2002

снятая паломницей возле Кувуклии в
момент ожидания схождения Благо-
датного огня. Женщина уверяет, что
во время съёмки в видеоискателе она
ничего кроме полутора десятков го-
лов паломников не видела. Каково же
было её удивление, когда на снимке

над головами паломников появилось
изображение светящихся ярко-жёл-
тых нимбов!

Что же происходит в Кувуклии, когда
туда для молитвы входит Иерусалим-
ский патриарх и остаётся там один на
один с Гробом Господним? Что видит

Мраморная плита, покрывающая тридневное ложе Иисуса Христа

Когда в XVI веке православного Патриарха не пустили в храм Воскресения Христова, то он молился о Схождении Огня около этой колонны. И Огонь вышел прямо из колонны и расщепил её.

он в момент схождения Благодатного огня? Ведь все паломники, ожидающие выхода Патриарха из Кувуклии с зажжёнными свечами, видят уже результат. Таких паломников за все время схождения Благодатного огня, наверное, набралось уже больше миллиона. Что рассказывают Патриархи о своих переживаниях в Кувуклии? И есть ли хоть один свидетель, который видел действия Патриарха возле Святого Гроба?

Оказывается, и рассказ такой есть, и свидетель такой тоже существует. Зовут его отец Митрофан. Он старейший монах, несший послушание в качестве смотрителя и стража Гроба Господня. Родился отец Митрофан в 1900 году в Малой Азии в религиозной семье. Звали его Мальтиадис. Во дни его юности начались великие гонения на православных христиан со стороны турок. Жестокие янычары беспощадно вырезали греческое

население. Погибли тогда и родители Мальтиадиса, и его братья и сестры. Сам юноша оказался на турецкой каторге. Однажды он не выдержал и, взмолившись Богу, дал обет, что если тот освободит его от турецкого ига, то он доберётся до Святой земли и в граде Иерусалиме станет Его верным рабом и будет служить у Гроба Господня.

Всё так и произошло. Мальтиадису удалось бежать с турецкой каторги, он добрался до Иерусалима и, приняв постриг, поступил в помощники к смотрителю Гроба Господня, к старцу отцу Антонию. Началось его долгое и верное служение Богу. И всё бы ничего, если бы не один случай.

Как-то однажды старец дал молодому помощнику следующее распоряжение: до входа в Святую Субботу в Кувуклию Патриарха поставить на плиту Гроба Господня Золотую лампаду, а рядом положить Святую книгу с молитвами, заложив нужную страницу толстой свечой. «Лампада на Гробе Господнем?! Зачем она там? — удивился молодой отец Митрофан, в душе которого появилось сомнение. Он говорил себе: — О, доверчивый, простодушный народ! Мне-то известно, что на Гробе стоит лампада. Если бы ты знал об этом, радовался ли бы ты теперь?! Кто знает, каким образом Патриарх зажигает огонь? А ты в своей простоте и наивности считаешь его Благодатным!»

Чтобы прояснить истину, отец Митрофан решил во что бы то ни стало тайно подсмотреть за действиями Патриарха у Святого Гроба. И он готовился к этому целый год, до следующей Пасхи.

И вот настала Пасха 1926 года. Часов за десять до наступления Святой Субботы отец Митрофан сумел спрятаться в тесной крипте напротив Гроба Господня. Он поместился там только потому, что был очень худым, а за горевшими лампадами, в темноте, его невозможно было разглядеть. Один Бог знает, какие душевные сомнения терзали душу отца Митрофана, пока он ждал момента, когда Патриарх наконец появится в Кувуклии. И вот он слышит шаги Патриарха Дамиана I. Отец Митрофан замер, боясь нечаянно кашлянуть. В темноте он услышал голос Патриарха, видимо, по памяти читающего первые строки Последования на Схождение Благодатного огня. Неожиданно над Гробом Господним появился голубой Свет, и сама по себе зажглась Золотая лампада. Отец Митрофан увидел ясно лицо Патриарха. Тот стоял на коленях перед Гробом Господним и, весь в слезах, читал молитвы. И чем больше он читал, тем сильнее и сильнее начинал кружиться над ним голубой Свет. Наконец Свет

прекратил кружение и остановился над головой Патриарха и превратился в сияющий нимб. Продолжая читать молитвы, Патриарх одновременно поднимал над головой три пучка заранее приготовленных белых свечей. И неожиданно все эти свечи сами загорелись. От этого чуда отец Митрофан чуть не потерял сознание. Ему стало стыдно, что он усомнился в вере.

Сорок дней скрывал тайну отец Митрофан, мучившийся угрызениями совести. «Что же делать?» – спрашивал он себя. И однажды внутренний голос сказал ему: «Ты должен исповедаться самому Патриарху!» Собравшись с духом, отец Митрофан поведал всё Дамиану I.

Поначалу Патриарх осудил дерзкий поступок, но когда отец Митрофан, стоя в слезах перед ним на коленях, сказал, что совершил эту дерзость только для того, чтобы изгнать из себя сомнение и ещё больше укрепиться в вере, простил его.

В обмен на признание Дамиан I поведал отцу Митрофану свои впечатления. И оказалось, что всё то, что видел во время таинства у Священного Гроба отец Митрофан, Патриарх совсем не видел. Он не видел ни нимба над своей головой, ни момента, когда сами собой возжигаются свечи. Потому что глаза патриарха удержаны на чтении Священной книги, и молитву он не может прервать. После разрешительной молитвы Дамиан I сказал отцу Митрофану: «Иди, чадо моё, я благословляю тебя. Бог, удостоивший тебя увидеть Благодатный огонь, да будет всегда с тобой!»

Но отец Митрофан не был единственным человеком, видевшим Патриарха во время таинства схождения Огня. История знает и ещё одного. Им был монах-абиссинец, живший на Святой земле. Имя его сейчас никто не помнит. В течение тридцати лет он мучился тайной появления Огня. У него было страстное желание увидеть, что совершается во время Последования Благодатного огня в Великую Субботу, и он годами просил Бога об этом. Он приложил много усилий, чтобы разузнать тайну, однако ничего у него не получилось. Остаться в Кувуклии незамеченным при неусыпных взорах ответственных лиц и стражей Гроба Господня было невозможно. Но в 1960 году этот монах-абиссинец, воспользовавшись обычной суматохой, незаметно вошёл в Кувуклию, спрятавшись там в крохотном пространстве придела Ангела. Смуглый цвет лица делал его совершенно незаметным. Он слился с темнотой, царившей внутри Кувуклии, забравшись в закруглённый угол, и стоял там совершенно неподвижно. Никто из неправославных, проверявших Ку-

Горит Божественный огонь! Фотографии Виктора Корнюшина

вуклию, не заметил его присутствия. Заметили его только тогда, когда православный архиерей стал передавать Благодатный огонь армянскому епископу. Вслед за ним вошёл католический священнослужитель, и вот тогда-то и обнаружили нежеланного посетителя.

Возмущение их было сильным. Без всяких вопросов они набросились на несчастного и стали его избивать. Абиссинец при этом оставался со-

вершенно спокойным, кротко терпя побои и унижения. «Бейте меня сколько хотите! – возглашал он. – Убейте меня, но я увидел наконец то, чего так страстно желал и ждал в течение тридцати лет. Я видел, как вся Кувуклия была объята пламенем огня и была похожа на пещь огненную. О, как я счастлив теперь! И если даже я умру сию минуту, то погружусь в море Божией Благодати, ибо я уже был в преддверии Царства Небесного».

«НАУТИЛУС», СРАБОТАННЫЙ ТОПОРОМ

Учёные до сих пор спорят о том, кто «автор» первой в мире подводной лодки: голландец Дреббелль, итальянец Джованни Альфонсо Борелли, англичане Саймонс или Дей? Между тем приоритет здесь по праву принадлежит русскому изобретателю-самоучке Ефиму Никонову, создавшему почти триста лет назад «потайное огненное судно» — прообраз современных субмарин.

Рисунки Льва Вяткина

Имя мастерового Петровской эпохи даже не упоминается в некоторых солидных изданиях, посвящённых освоению морских глубин. Так, например, Хельмут Ханке в книге «Люди, корабли, океаны», вышедшей у нас тридцать лет назад, нашему умельцу уделяет одну строку, да и то называя его Тихоновым (!?). Однако дошедшие до нас документы того времени убедительно свидетельствуют о вкладе русского корабеля в покорение водной стихии.

О жизни талантливого мастера известно не много. Его дела запечатлены в основном в журнальных записях Адмиралтейств-коллегии и бумагах обер-серваерской конторы (управление главного корабельного инженера времён Петра I).

Ефим Никонов происходил из семьи крепостных крестьян села Покровское-Рубцово, входившего в Московский уезд. В старину село было вотчиной матери царя Михаила Фёдоровича Романова, здесь находился царский дворец. Немудрено, что местные жители издавна славилась как искусные ремесленники — столяры, портные, камнерезы и златошвейки. Сами они называли себя не иначе как «в художестве работниками».

С началом петровских преобразований стране потребовалось много

умелых рук для строительства Петербурга, военно-морского флота, металлургических и оружейных заводов.

В 1700 году царь-реформатор, стремясь обеспечить России выход к Балтийскому морю, вступил в войну со Швецией, продолжавшуюся 21 год.

Ефим Никонов вряд ли избежал бы солдатской службы, но его, как толкового плотника, взяли на верфи, расположенные на реках Сясь и Свирь. Здесь, на строительстве кораблей для Балтийского флота, и зародилась у мастера мечта создать «потайное огненное судно», которое могло бы скрытно, под водой, подплывать к кораблям противника и топить их. Ефим изготовил несколько маленьких моделей «Нептуновой лодки», но все попытки познакомиться с ними других корабелов заканчивались неудачно. Мастеровые только смеялись или начинали угрожать: не бросишь баловство — доложим начальству.

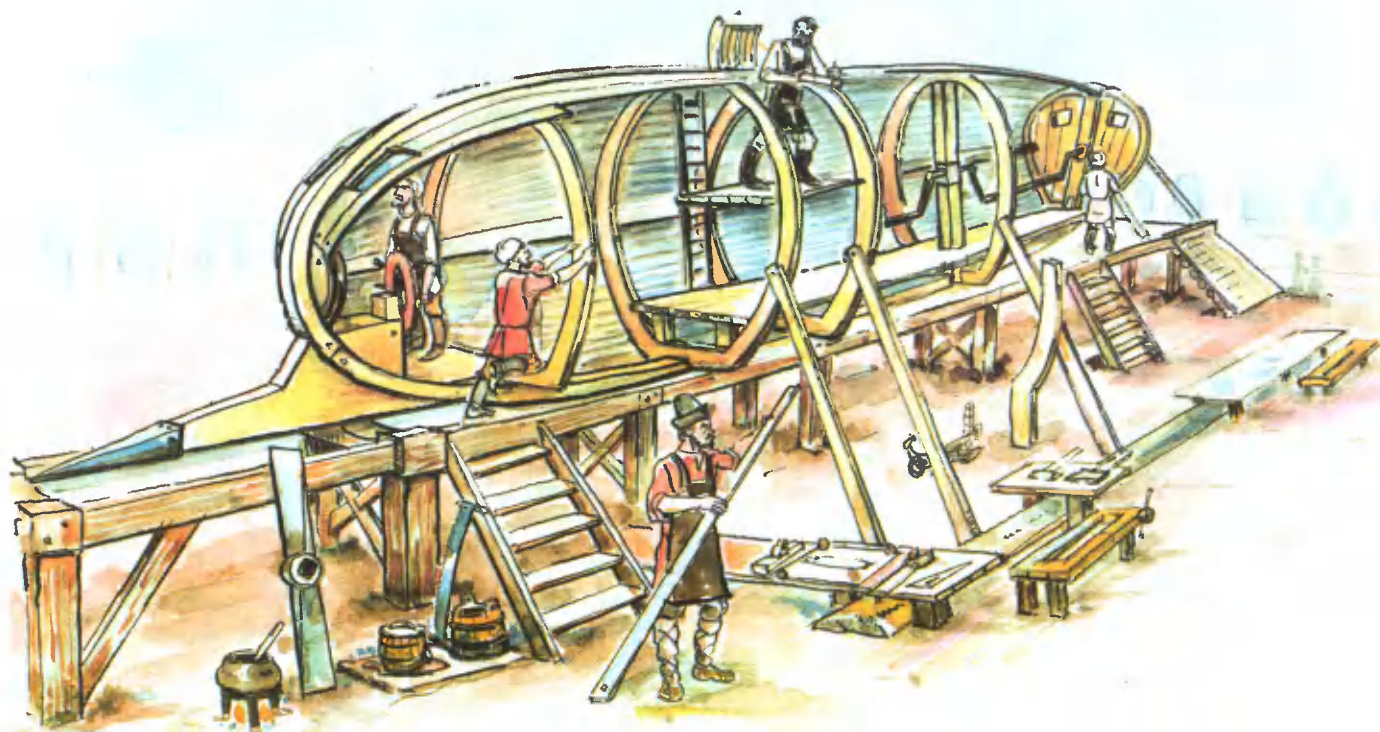
Никонов понимал, что без покровительства на самом высоком уровне ему не осуществить свою мечту. Поэтому летом 1719 года изобретатель направил челобитную царю. В ней говорилось: «Потерянием своего живота клянюсь построить к военному случаю... удобное судно, которое в море в тихое время будет из снаряду

разбивать корабли, и для пробы тому судну учиню образец...»

Это послание либо не дошло до Петра, либо он не нашёл времени, чтобы его рассмотреть. Ведь в 1719 году, после гибели Карла XII, сменившая его на престоле королева Ульрика-Элеонора, заключив мир с нашими союзниками по антишведской коалиции, решила продолжать войну с Россией. Вполне естественно, что самодержец в такой напряжённый момент оставил без внимания грамоту корабельного плотника.

Не дождавшись ответа, Никонов послал вторую челобитную, в которой прямо говорил, что может построить потайное судно, способное «подбить под самое дно военный корабль».

На сей раз мастера вызвали в Петербург для конфиденциальной беседы с царём. После этой встречи Пётр дал указание Адмиралтейств-коллегии содействовать изобретателю. Её президент и главный корабельный инженер (обер-серваер) И. М. Головин так отреагировал на высочайшую волю: «Крестьянину Ефиму Никонову... велеть образцовое судно делать, а что к тому делу надобно лесов и мастеровых людей по требованию оного крестьянина Никонова отправлять из конторы, а припасы и по его ж требованию из конторы адми-

И. Баткин
2006..

ралтейских дел денежное жалование с начатия его работы давать по 3 алтына 2 деньги на день и ныне в зачёт давать 5 рублей».

Спустя четыре месяца, в июне 1720 года, Никонов доносил И. М. Головину: «В нынешнем 1720 году февраля месяце по указу царского величества повелено мне... строить потаённое судно модель. И я оную модель в совершенство, что надлежит, привёл, а ныне у меня остановка учинилась в оловянных досках, на которых надлежит провертеть, по моему разуму, пять тысяч дыр...»

Скоро все приготовления были завершены и мастер произвёл испытания своего детища в присутствии царя на галерном дворе в обстановке строгой секретности. «Потаённое судно», по свидетельству очевидцев, напоминало удлинённую бочку, обшивку которой туго скрепляли медные обручи. Никонов несколько раз погружался на своём корабле в воду, всплывал и совершал разные «эволюции», что вызвало восхищение Петра.

Теперь изобретателю поставили задачу построить «потаённое огненное судно большого корпуса». Чтобы его вооружить, Адмиралтейств-коллегия направила заказ в артиллерийские мастерские на изготовление специальных пороховых ракет.

К концу 1720 года судно было готово к спуску. За проводимыми работами следил главный распорядитель судостроения Ф. М. Апраксин, докладывавший Петру о ходе дел. «Подводный корабль» находился в большом сарае, от которого вёл длинный деревянный спуск к воде, густо намазанный жиром. И вот настал долгожданный миг. Из-под судна выбили подпорки, и оно, сначала медленно, а затем все ускоряя движение, помчалось вниз. Раздался глухой удар о воду и сильный всплеск. Плавательный аппарат получил повреждения, и о проведении испытаний не могло быть и речи. Петру, который, превозмогая болезнь, приехал на «полигон», было ясно, что Никонов не виноват в этом конфузе. Царь распорядился отремонтировать корабль и провести намеченные испытания.

Наступила зима 1721 года. Тон в документах Адмиралтейств-коллегии, относящихся к работам Никонова, становился более жёстким: «Крестьянин Ефима Никонова, который строит потаённые суда, отослать в адмиралтейскую контору, где велеть ему, Никонову, оные суда совсем достроить, и медные трубы сделать конечно с сего числа в месяц, и для того приставить к нему капрала или доброго солдата и велеть быть у того дела неотлучно».

Работы по доводке подводного корабля затянулись. И совсем плохо пошла дела у Никонова после того, как 28 января 1725 года скончался его августейший покровитель.

Весной 1725 года судно наконец было спущено в Неву, однако из-за длительной остановки работ оно рассохлось и пропускало воду. Со смертью царя-реформатора интерес чиновников к Никонову и его детищу угас. Материалы на ремонт «Нептуновой лодки» не отпускались, а на пропитание мастеру положили алтын (3 копейки) в день. Те, кто ранее, видя расположение Петра к изобретателю, хвалили Никонова, теперь глумились над ним, видя в самоучке зарвавшегося мужика.

29 января 1728 года по решению Адмиралтейств-коллегии Ефим Никонов «...за те его недействительные строения и за издержку не малой на то суммы» был лишён звания корабельного мастера, разжалован в рядовые работники и сослан на астраханскую верфь. Дальнейшая судьба корабеля-самородка неизвестна. Но нам, свидетелям удивительных достижений в покорении Мирового океана, надо помнить имя и дела нашего соотечественника, «морского Левши», по меньшей мере на столетие опередившего своё время.

Елена Сергеевна и Михаил Афанасьевич Булгаковы. Москва. 1936

В один из вечеров, когда Булгаков, несмотря на болезнь, ещё мог говорить, он сказал жене Елене Сергеевне, что хочет составить завещание. И пусть в нём будут такие строки: человек, который придёт к нему, Булгакову, на могилу после того, как будет опубликован роман «Мастер и Маргарита», и придёт в день, когда Михаил Афанасьевич сжёг первый вариант рукописи романа, и положит цветы на могилу, — этот человек должен получить определённый процент от авторского гонорара. Елена Сергеевна пообещала мужу, что выполнит его волю. 10 марта 1940 года Михаил Афанасьевич умер.

Весной 1969 года, утром после сноса в Москве последнего дома уже исчезнувшего к тому времени Охотного ряда, в котором находилось первое «Стереоскопическое кино», на Новодевичьем кладбище появился молодой человек. Он был один. И искал он могилу одного человека. Точного её места он не знал. Помнил лишь, что этого человека похоронили в вишнёвом саду неподалёку от могилы Антона Павловича Чехова, среди могил старейших артистов Художественного театра.

Он прошёл от ворот старого кладбища до степной придорожной часовенки на могиле Чехова, что находится ближе к западной ограде монастыря.

Пришедший перечитывал надписи. Позади моги-

ГОНОРАР ИЗ МОГИЛЫ

Эту историю о необычном завещании Михаила Булгакова автор услышал от журналиста Бориса Прохорова, много лет проработавшего собственным корреспондентом газеты «Рабочая трибуна» по Северному Кавказу.

лы Чехова погребён Александр Иванович Эртель, автор романов «Гарденины», «Смена», «Две пары». Рядом – могила Льва Поливанова, московского педагога, издателя ряда учебников по русскому языку и словесности. У самой западной ограды покоится поэт Алексей Плещеев.

И всё же молодой человек нашёл то, что искал. Позднее ему рассказали, что чёрный с прозеленью ноздреватый камень-надгробие, лежащий на могиле, прежде был на могиле Гоголя – писателя, которого покойный обожал и к которому как-то обратился во сне со словами: «Учитель, укрой меня чугунной шинелью!» Это потом молодой человек сосчитал, что от ворот старого кладбища до могилы автора «Мастера и Маргариты» семьдесят шагов. Именно могилу Михаила Булгакова искал в тот весенний день молодой человек. Нашёл и расстроился: ни одного цветка. Он вернулся к выходу, к цветочному магазину, купил букет и принёс его на могилу. Постояв немного, он уже собирался уходить, как вдруг услышал тихий голос:

– Молодой человек, подождите.

Со скамейки, стоявшей чуть дальше по тропинке, поднялась пожилая дама и пошла ему навстречу.

– Простите, как вас зовут? Мне очень нужен ваш домашний адрес и номер телефона.

– Зачем он вам? – смутился молодой человек.

– Сейчас я не стану ничего объяснять. Поверьте, мне действительно нужен ваш домашний адрес. Вам ничто не угрожает, – ответила незнакомка.

Молодой человек предостерегся:

– Владимир Невельский, журналист из Ленинграда.

Дама записала фамилию, имя, отчество, ленинградский адрес, телефон и, поблагодарив, пошла к выходу. А молодой человек терялся в догадках: кто это был, что всё это значит?

«Мистика какая-то. Чертовщина», – думал он.

Через несколько дней он вернулся в Ленинград и о встрече с незнакомкой забыл. Но недели через две на его домашний адрес из Москвы пришёл почтовый перевод. Страшно удивила сумма. Деньги были огромные.

«От кого они?» – не мог угадать молодой человек. На бланке почтового перевода не было ни слова.

Дня через два в его ленинградской квартире раздался телефонный звонок:

– С вами говорит Елена Сергеевна Булгакова. Вы получили перевод? Да, его послала я, выполняя волю покойного Михаила Афанасьевича. Он был большим шутником и выдумщиком. Даже когда заболел, устраивал розыгрыши.

И Елена Сергеевна рассказала Невельскому о необычном завещании Булгакова:

– Вы оказались на кладбище именно в тот день, когда Михаил Афанасьевич схёг первый вариант «Мастера и

Маргариты». Вы положили цветы на его могилу, когда роман полностью был напечатан и за него выплачен гонорар. И вы оказались именно тем человеком, которому предназначалась часть гонорара за опубликованный роман.

Так, спустя 29 лет, Елена Сергеевна выполнила последнюю волю Михаила Афанасьевича. В следующем, 1970-м, году она умерла, её тело кремировали, а прах уложили под камень с могилы Гоголя. На нём теперь можно прочесть:

«Писатель Михаил Афанасьевич БУЛГАКОВ. 1891–1940.

Елена Сергеевна БУЛГАКОВА. 1893–1970».

К сожалению, Владимир Невельский не оставил сведений, в какой же именно день весной 1969 года он оказался на Новодевичьем кладбище. Нет упоминания об этом событии ни в дневнике Елены Сергеевны, ни в её воспоминаниях. Есть лишь одна зацепка: необыкновенное приключение с Невельским произошло на следующий день после того, как на Охотном ряду взорвали дом, где находилось «Стереокино».

«Мы подошли к окну, перече́ркнутому, как в военные годы, двумя наклеенными на стекло бумажными полосками, и стали всматриваться в темноту, стараясь разглядеть, что же происходит внизу, на улице, – вспоминал Невельский. – А там уже ничего не происходило. В час ночи раздался глухой хлопок, и мы увидели, как приподнялась

на мгновение крыша небольшого, примыкавшего к нашей гостинице дома, вздрогнула и осела почти вровень с тротуаром».

На глазах Невельского и его коллег дом превратился в груды щебня, а вместе с ним исчезло и первое «Стереокино». Кажется, в ту ночь Невельский написал такие строки:

*Взрыв грохнул в час.
Затрепетали шторы.
Задребезжало
жалобно стекло,
И охнул мир,
И рухнул мир, который
Зарядами на щебень
Разнесло.*

«Стереокино» находилось на площади Свердлова, 3/6. Это и есть бывший и нынешний Охотный ряд.

Владимир Невельский не знал, что ему делать с немалыми деньгами, полученными по завещанию Михаила Булгакова. Посоветовавшись с отцом, он купил деревянный катер. Художник по просьбе Невельского нарисовал буквы. Потом их вырезали из латунной пластины и прикрепили к борту катера – огромные, сверкающие золотом буквы: «Михаил Булгаков».

«А потом катер отправился в своё первое плавание – по Неве, по Фонтанке, – вспоминал Владимир Невельский. – Он шёл мимо здания публичной библиотеки. Была весна, и у входа стояла большая очередь студентов. Увидев надпись на борту, они кинулись к набережной и долго аплодировали идущему по реке «Михаилу Булгакову»».

Александр Косарев

«ЗОЛОТАЯ» ПАЦИНА БОНАПАРТА

Более четверти века раскрывал её наш автор.

Рисунки Бориса Косульникова

Среди награбленных ценностей, вывезенных из Москвы Наполеоном, были и восемь бочонков золотых монет, которые, по кладоискательской легенде, французы спрятали где-то в районе Борисова. Интерес к этому кладу подогревался время от времени сообщениями то о найденных на дне Березины золотых и серебряных монетах, то данными о по-

вышенном содержании серебра в воде одного из окрестных озёр.

Мой интерес к наполеоновскому кладу возник ещё в 1977 году после публикации в газете «Неделя». Однако долгие годы найти достоверную информацию о сокровищах не удавалось. Лишь несколько лет назад в одном из архивов я обнаружил «Дело канцелярии минского губер-

натора. О кладах, найденных в Минской губернии. Начато 20 июня 1896 года, окончено 8 ноября 1897 года». Среди прочих документов здесь оказалась и докладная записка отставного губернского секретаря Юлиана Рачковского, в которой чиновник просит оказать ему содействие в раскопках зарытых в окрестностях Борисова бочонков с золотыми монетами.

Через много лет после войны с Наполеоном, пишет Рачковский, в его дом зашёл пожилой солдат, назвавшийся Евхимом, и рассказал удивительную историю.

Когда французы отступали из Борисова к переправе, наведённой через Березину в десяти вёрстах от города, в деревни Студёнка, он с десятью товарищами напал на французский крытый шарабан, запряжённый тройкой лошадей.

Возница-француз при виде опасности соскочил с козел, обрубил постромки и умчался на одной из пристяжных лошадей. Наши же солдаты, бросившись к повозке, увидели в ней восемь бочонков. Сбив с одного из них обручи, солдаты обнаружили золотые червонцы. Спешно вырыв яму и сыпав туда золото, солдаты набросали сверху поломанные ружья и сабли, засыпали яму землёй и бросились догонять свои части.

Рачковский сообщает далее: «Солдат Евхим хотел показать моему отцу, где зарыты червонцы. Но за ночь всё замело снегом. Ещё через ночь Евхиму сделалось хуже, и он сказал: «Видно, не пользоваться мне богатством. Все мои товарищи погибли, остался один я. И мой конец близок».

Вот, собственно, и вся скудная информация, на которую я опирался в своих поисках. Но меня воодушевляло то, что общий район действий был очерчен точно. Солдат Евхим говорит о времени захоронения клада так: «Когда французы двинулись к Березине...» Отсюда я делал вывод: захоронение клада произошло в момент отступления французских войск от Старо-Борисова к Студёнке, к свежестроенным переправам. Вполне вписывалось в эту легенду и упоминание, что на следующий день пятеро из десяти закапывавших клад солдат погибли в бою. Видимо, это произошло в известном сражении при Брилях, в котором действительно обе стороны понесли значительные потери.

И всё бы хорошо, но только никаких следов сокровищ отыскать не удавалось. Следы прочих исторических кладов я так или иначе, но находил, а здесь сохранялась полная неясность. Работая на местности, мне не удалось обнаружить даже следов подходящего раскопа, которые бы свидетельствовали, что ценности выкопаны.

Тщательно обыскав прилегающую к реке местность, я тогда подумал: если клад и был некогда зарыт здесь, то произошло это именно тут. И не нахожу я его только потому, что он спрятан на участке совершенно непроходимом. Но, как потом оказалось, я сильно заблуждался.

Случилось так, что в начале этого года одному моему знакомому поисковику позвонил житель из Борисова и заявил, что у него есть сведения о месте захоронения клада наполеоновских времён. Проверить эту информацию попросили меня.

Вышедший на нас белорус проводил меня на давным-давно просвеченный мною заливной луг, расположенный

рядом с широким водоотводным каналом. «Вот здесь лежит старинный клад», – торжественно объявил он, щедро обводя рукой площадь примерно в половину квадратного километра.

Я, естественно, поинтересовался, откуда ему это известно. Он ответил, что сведения о кладе передавались из поколения в поколение в одной деревенской семье, предок которой видел, как отступающие французы закапывали на лугу какие-то ящики. Возникали два противоречия с легендой.

Во-первых, захоронение сделали французы, а вовсе не наши солдаты. А во-вторых, зарывались ящики, а не золото из разбитых бочонков. Пришлось провести повторную проверку. Ещё раз прочесав местность на правом берегу водоотводного канала, я перешёл на левый берег. Ещё несколько проходов – и я уткнулся в крохотное озерцо. Получалось так, что именно сюда и больше никуда в далёком 1812 году были опущены таинственные ящики и, следовательно, никакой связи между искомыми восемью бочонками и озерцом нет.

Следствие моё зашло в тупик. Там, где мог быть закопан клад, не было ни его самого, ни следов того, что он выкопан.

Я вернулся в Москву и через некоторое время случайно встретился с корифеем кладоискательского дела В. Т. Смирновым. Выслушав историю поисков, он деликатно улыбнулся и уверенно заявил, что там, где я искал легендарные бочонки, они никак не могли быть зарыты. Естественно, я попросил его изложить свою версию событий, описанных Рачковским в 1897 году.

– Нет, любезнейший, восемь бочонков никак не могли быть закопаны у берегов Березины, – сказал Смирнов, – и вообще это событие, если, конечно, оно когда-нибудь происходило, могло случиться только около реки Сха (левого притока Березины).

События, по его мнению, разворачивались так: армия Петра Христиановича Витгенштейна сумела опередить войска Наполеона и неожиданным ударом с юга захватила мосты через Березину в районе Борисова, перерезав противнику путь к отступлению. Французский гарнизон города, как только зарохотали русские пушки, а штурмовые отряды (среди них был и 14-й егерский полк графа Ламберта) пошли в атаку на предмостные укрепления, бросился бежать.

Возникает законный вопрос: в какую сторону французы направились? Если взглянуть на старую карту города, то становится понятно: удирать тыловики могли только на запад, в направлении Неманицы, поскольку к этому населённому пункту уже подошли передовые части маршала Удино, отступающие из Москвы. Ведь для спасения жизни и награбленного у них был только один мост и только одна дорога – на Оршу. Получалось, что именно по ней и устремился основной поток бегущих.

Но, как это обычно и бывает, нашлись желающие не плестись в плотном потоке подвод, тарантасов и бричек, а обогнуть поневоле возникшую пробку по боковой дорожке. И такая возможность была! По просёлочному тракту, который через деревню Углы выходил к Неманице. Предположим, что и повозка с бочонками свернула на него. Но, к счастью, эта дорожка проходила по торфяному лугу, на

котором было два топких участка. И вполне возможно, что повозка застряла на одном из них.

А что же наши войска? Заняв мосты на Березине, они прошли через город и продолжили преследование противника. Но в ноябре дни короткие, и вскоре командиры отдали приказ становиться на ночлег. Приказ застал воинов 14-го егерского полка примерно в полутора вёрстах от моста через реку Сха, в густом сосновом лесу, сохранившемся и до сей поры.

Бойцы, расположившись в незнакомом месте лагерем, выслали разведку. Десять человек двинулись вправо и вышли на дорогу Борисов–Орша. А ещё десять были высланы в противоположную сторону и выбрались из леса как раз на ту просёлочную дорогу, где несколькими часами ранее застряла повозка с золотом. Далее всё хорошо известно из рассказа того же Евхима. Десять разведчиков, держа оружие наготове, прошли через перелесок и вышли на пустынный, прилегающий к реке луг.

Заметим: расстояние от края перелеска до застрявшей на дороге повозки достаточно большое, и у настоящего сидевшего около неё возницы было время, чтобы унести ноги на пристяжной лошади. А далее всё, как и в предыдущей версии. Тяжёлые бочки разбивают, а их содержимое торопливо закапывают недалеко от реки у росших там громадных дубов. Правда, никаких дубов в той местности теперь нет, но они могли быть раньше.

Проследим, как же развивались события далее и как они согласуются с изложенной Евхимом легендой.

Утром все десять несказанно обогатившихся солдат как ни в чём не бывало возвращаются в свою часть и вместе со всеми преследуют отошедших из Борисова французов. Но вскоре подразделения 14-го егерского полка на-

парываются на изготовившуюся к стрельбе французскую батарею и батальон тяжёлых кирасир.

«Значит, – решаю я, – именно в этом бою 14-й егерский полк понёс настолько тяжёлые потери, что после этого был выведен за Березину и в дальнейших активных боевых действиях участия не принимал. И, стало быть, битва при Брилях не имеет к легенде ни малейшего отношения! Обескровленный 14-й полк в дальнейшем охранял лишь вспомогательные дороги на правом берегу реки, вдалеке от разворачивающихся впоследствии сражений».

Получалось, что все мои предыдущие выводы и многолетние поиски были в корне ошибочны и поэтому дать результата просто не могли. Искать пресловутые червонцы следовало на левом берегу Схи. Мне пришлось прочесать огромное пространство: от моста через реку до деревни Углы.

Один раз я даже подумал, что удача наконец-то мне улыбнулась. Как-то прибор показал, что в земле находится цветной металл, но при проверке аномалии радужные надежды быстро рассеялись. Оказалось, что на метровой глубине лежали куски толстых освинцованных кабелей.

Всё это происшествие говорит о том, что, возможно, история клада была просто придумана старым солдатом. Вспомним, что он, больной и уже пожилой человек, был принят на постой к самому предводителю местного дворянства. С чего это такая честь рядовому ветерану? Может, думая получить материальную помощь и хороший приём, он просто сочинил эту привлекательную легенду? Так или иначе, но согласитесь, что, борясь с одолевшей его болезнью, он вполне мог выдумать историю с золотом лишь для того, чтобы получить небольшую сумму денег.

Итог многих лет поиска – неутешительный. Шансов на то, что в окрестностях Борисова по-прежнему лежат воделенные бочки, почти нет, но красота и спокойствие тамошней природы заставляют меня вновь и вновь приезжать в эти благословенные места на поиски золота...

Юлия Дунаева

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ ПОЮТ

Сказочно-былинные птицедевы Сирин и Алкност уже много веков живут на Русской земле и давно стали здесь родными. Между тем эти удивительные создания – настоящие иммигрантки, и у каждой из них своя древняя история.

РУСАЛКА НА ПТИЧЬХ ПРАВАХ

Помните смертоносный остров из гомеровской «Одиссеи», на котором жили сирены, завлекавшие мореплавателей «сладкопением»? Что представляли собой эти мифические существа? Нежный чарующий голос проще всего ассоциируется с образом юной женщины или птицы. А почему бы не соединить их в одно целое? Так и поступили некоторые античные и средневековые авторы. В произведениях Овидия и Исидора Севильского сирены – это полуженщины-полуптицы. Однако, как и у Гомера, они связаны с морем, что привело в дальнейшем к появлению у сирен наряду с птичьими рыбьих атрибутов. Например, в одном из bestiариев XII века сирены имели голову и туловище женщины, ноги и крылья птицы, а сзади – рыбий хвост. В ходе последующей эволюции образа крылья и лапы исчезли. Сирены превратились в полуженщин-полурыб и получили со временем новые имена – русалок, или ундин.

Но старый «имидж» сирены не канул в Лету. Как и многие другие подобные персонажи античных мифов, сладкоголосая полуженщина-полуптица была включена в систему христианских символов. В греческом «Физиологе» – раннехристианском сборнике рассказов о животных и фантастических существах – сирена изображалась в виде женщины-птицы. Сопроводительный текст сообщал, что сирена

живёт в море и своим сладким пением погружает мореплавателей в тяжкий сон; уснув, они ведут свои корабли на камни и, потерпев крушение, служат сирене пищей. Однако трактовался образ в «Физиологе» уже с чисто христианских позиций. Пение

Связь образа сирены-птицы с морем, видимо, сохранялась на протяжении первых веков нашей эры. Например, в Государственном Эрмитаже хранится капитель византийской мраморной колонны V–VI веков, найденной в Херсонесе в 1889 году.

Её украшают резные фигурки полуженщин-полуптиц, держащих в лапах рыбу.

Однако со временем христианская символика вытеснила античный миф. Главным стало Божественное пение, и коварная роковая сирена постепенно превратилась в райскую сладкоголосую птицу Сирин, которую зачастую стали изображать даже со святым нимбом вокруг головы.

Алкност. Лубок. XIX век

сирены – это Божественное слово, входящее в душу человека. Услышавший его забывает обо всём мирском, преисполняется духовной благодати и начинает служить Господу.

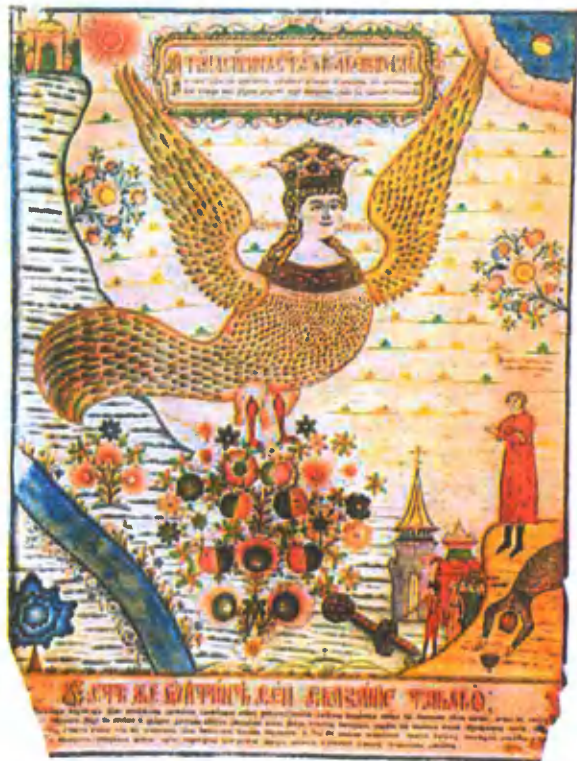
и Кеику. Алкиону мучили недобрые предчувствия, и она каждый раз плакала, когда муж покидал её.

Однажды зимой, в сезон частых штормов, царю пришлось отправить-

ПЕРНАТЫЙ СИМВОЛ БОЖЬЕГО МИЛОСЕРДИЯ

Согласно древнегреческому мифу, когда-то страной Фессалией (часть современной Греции) правил король по имени Кеик, сын богини утренней звезды Геспер. Кеик взял себе в жены прекрасную девушку по имени Алкиона (это слово созвучно греческому названию птицы зимородок). Отцом девушки был бог ветров Эол.

Земли Фессалии располагались вдоль морского побережья. Среди жителей страны было много рыбаков и мореплавателей, нередко приходилось выходить в море

Сири́н. Лубок XIX век

ся в Дельфы морем. Как ни просила его Алкиона остаться на берегу или хотя бы взять её с собой, Кеик не изменил своего решения. Рыдая, рассталась Алкиона с супругом, ожидая беду. Дочь Эола знала, как грозны ветры, бушующие в море.

В пути корабль Кеика попал в сильнейшую бурю. Огромные волны разбились судно в щепки, и все, кто на нём был, включая царя, погибли.

Алкиона не находила себе места, не получая от мужа никаких известий. Но вот однажды ей приснился ужасный сон. Она увидела бледного Кеика с пустыми глазницами и водорослями в бороде. В тот же миг она проснулась и в страхе побежала на берег моря. Там она увидела мёртвое тело своего мужа, плавающее у берега. Заломив руки от горя, Алкиона бросилась в море, чтобы погнаться в волнах так же, как и её любимый супруг.

Однако боги не дали ей умереть. Как только Алкиона коснулась воды, она превратилась в яркого зимородка и взмыла вверх. Через несколько мгновений к ней присоединился второй зимородок – её оживший муж Кеик. Их любовь оказалась сильнее смерти. А алкион-зимородок с тех пор строит гнёзда на морском берегу и выводит птенцов в зимнее время. И пока они не покинут гнездо, на море всегда стоит тихая погода.

На самом деле зимородок предпо-

читает селиться по берегам рек и озёр, а птенцов, как и большинство других европейских птиц, выводит летом. Но всё же некоторая реальная подоплёка у мифа есть. Зимородок питается мелкой водной живностью – рыбёшками, моллюсками, личинками водных насекомых. Зимой, когда жизнь в пресных водоёмах замирает, зимородок действительно перебирается на морское побережье, особенно в тихие бухты или в устья рек. Если говорить о Средиземноморье – а ведь именно в данном регионе родился миф об Алкионе, – то в холодное время года этих птиц там значительно больше, чем летом. Ведь к местным пернатым присоединяются путешественники с севера. Поэтому у неосведомлённого наблюдателя вполне может сложиться впечатление, что зимородки размножаются.

Как и в случае с Сирином, история об Алкионе со временем благополучно перекочевала из античной

литературы в средневековую. В упомянутом «Физиологе» она также получила христианских толкование сюжета. Птица Алкион стала здесь символом Божьего милосердия. В самом деле, если даже для маленькой птицы Господь готов усмирить свирепые бури, чтобы дать ей спокойно вырастить птенцов, то неужели Он не позаботится о венце творения – человеке?

Позже, в средневековых bestiariaх, символическое значение Алкиона оставалось прежним, но вот о повадках птицы сообщались новые сведения. Оказывается, зимородок не строит гнёзда на морском берегу, а откладывает яйца прямо в воду. Они погружаются в пучину, но это обстоятельство не мешает птенцам благополучно появиться на свет. По другой версии, гнездо у зимородка есть, но оно плавает в море, подчиняясь воле ветра и волн. Четырнадцать дней на таком утлом «судёнышке» Алкион высиживает яйца, и всё это время стоит хорошая погода. Моряки, верящие в это предание, стали называть длительные периоды тихой погоды на море «алкионовыми днями».

Следы Алкиона «нашли» и в зоологии. Существует разновидность кораллов, колонии которых не имеют твёрдого известкового остова. Иногда они отрываются от дна и плавают на поверхности, напоминая собой неопрятный ворох веток. Древние учё-

ные считали их гнёздами зимородка, уже покинутыми выросшими птенцами. Когда зоологи наконец поняли свою ошибку, они в память о развешанном мифе дали таким кораллам латинское название *Alcyonaria*, которое сохраняется и по сей день.

Итак, с Алкионом, кажется, уже всё ясно. Но при чём здесь Алконост? Немного терпения.

Средневековые собрания толкований христианских понятий и символов, к которым относились и bestiarii, были самой распространённой литературой того времени. Их переводили на многие языки, в том числе и на восточнославянские. Во всяком случае, в XIII веке старославянские списки с книг подобного рода уже существовали. При многочисленных переписываниях были неизбежны ошибки и искажения. Возможно, однажды некто, выводя слова «Алкион есть...», написал «Алкионестъ». Потом ошиблись ещё раз, и получилось «Алконостъ». Наверное, славянскому уху это слово было приятнее, поскольку со временем Алконост совершенно вытеснил своего «прародителя» Алкиона. Впоследствии и символическое значение этого существа утратило связь с «отцовским» мифом. Главным в его образе, так же, как и в образе Сирина, стало райское пение, прославляющее Бога и святых.

НОВАЯ РОДИНА КРЫЛАТЫХ «ВОКАЛИСТОВ»

Птица Сири́н попала в нашу страну вместе с византийскими мастерами, которые после Крещения Руси приехали сюда, чтобы строить храмы и княжеские палаты, расписывать, лить, чеканить и заниматься прочими ремёслами, а также обучать своему искусству русских умельцев. Изображения существ с женской головой и птичьим телом встречаются на различных предметах прикладного искусства, изготовленных в Киевской Руси в XI–XII веках. Особенно часто – на женских украшениях, выполненных в технике перегородчатой эмали. Этот вид ювелирного искусства развивался в Византийской империи начиная с VIII века. На киевских изделиях нередко можно видеть «портреты» фантастических животных, причём почти все они – старые знакомцы, представленные в средневековых европейских bestiariaх.

Из Киевской Руси Сирины попали в Новгородскую и Владимирскую. Облик чудесной птицы с женской головой доносят до нас, например, рельефы на стенах Георгиевского собора, построенного в первой половине XIII века в Юрьеве-Польском. В Новгороде XII–XIV веков изображение птицы Сирина часто использовали в книжной графиче-

ке. Наряду с другими фантастическими существами, фигурками людей и животных птицеведы украшали заставки и «инициалы» – большие заглавные буквы в начале каждого текста.

Алконост появляется в Русском государстве значительно позже – только в XVII веке и получает распространение по мере развития искусства лубка. Пернатое создание изображали либо отдельно, либо вместе с птицей Сирином. Отличить их друг от друга было очень просто: Алконост, помимо крыльев, имел ещё и пару рук. У Сирина были только крылья.

Канонические изображения этих существ особенно часто встречались на старообрядческих лубочных картинках и настенных печатных листах. Их гравировали в основном на меди, иногда на дереве. «Портреты» птицеведов обычно сопровождали соответствующими текстами из книги «Хронограф», или, как часто говорили старообрядцы, «Гранограф». Это издание было составлено ещё в XV веке, вероятно, в южнорусских землях и представляло собой компилятивную энциклопедию по всеобщей истории, дополненную космографиями, сказаниями и легендами. Одним из источников «Хронографа» скорее всего были популярные византийские хроники, которые, в свою очередь, вобрали в себя множество средневековых книг различной тематики. Сирина и Алконоста в «Хронографе» посвящались отдельные главы. Лубочные изображения птицеведов, как правило, сопровождались такими текстами:

*Птица райская, зовомая Сирин,
Глас ея в пении зело силён.
На востоце
в едемском раю пребывает,
Непрестанно пение красно воспеваает.
Преподобным
будущю радость возвещает,
Которую Господь
святым своим обещает.
Временем влетает и на землю к нам,
Подобно сладкопесенно
поёт якоже и там.
Всяк бо человек во плоти живя,
Не можете слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Таковыи от жития сего отлучится.
Но не яко там он пребывает,
А во след ея теча пад умирает.*

*Птица райская Алконост
близ рая пребывает,
Некогда и на Ефрате реце бывает.
Егда же в пении глас испускает,
Тогда и сама себе не ощущает,
А кто во близости ея будет,
Той в мире сём всё позабудет.
Тогда ум от него отходит,
И душа из тела исходит.
Таковыми песнями святых утешает*

Сирины

Сирин. Олонецкая губерния

*И будущую им радость возвещает.
И многая благая тем сказует,
То и яви перстом указывает.*

Русский Север – Архангельская и Олонецкая губернии – один из тех районов России, где культура старообрядцев получила широкое распространение. Лубочные изображения птицеведов были здесь нередки в XVIII – первой половине XIX века, вплоть до начала гонений на староверов при Николае I. Настенные печатные листы оказали влияние на развитие народного прикладного искусства. Отсюда Сирины перекочевали на сундуки, лавки и прялки Выги и Оне-

ги, Великого Устюга и Пермогорья. Виктор Васнецов, работая над хранящейся сейчас в Третьяковке картиной «Песни радости и песни печали (Сирин и Алконост)» (1896 г.), несомненно, знал традиционные русские изображения птицеведов. Однако слепо следовать канонам, видимо, не хотел. Его птица Алконост, в отличие от лубочной, лишена рук, так же, как и Сирин. Кроме того, у Васнецова «пернатые вокалисты» впервые выступили в разных амплуа: Сирин стал символом радости, а Алконост – печали. Вслед за художником эту «специализацию» поддержали в XX веке Александр Блок и Владимир Высоцкий.

ЗАЧЕМ КЛОНУ ПАПА?

Величайшее научное достижение, задуманное во благо человечества, стало трагедией для многих людей.

В 1978 году в Англии появилась на свет Луиза Браун – первый в мире ребёнок, полученный путём искусственного зачатия. Муж её матери был бесплоден, и тогда жена, с его согласия, обратилась к учёным, только что разработавшим технологию помощи таким семьям. У женщины изъяли яйцеклетку, оплодотворили её в пробирке спермой донора – другого мужчины и поместили обратно в матку. Беременность и роды прошли успешно.

С тех пор этот способ помощи бездетным семьям, предвестник клонирования, широко распространился по миру. Только в США ежегодно рождается 30 тысяч «детей из пробирки». Нормальных, здоровых детей. Сотни семенных банков хранят в своих кладовых миллионы доз спермы в металлических сосудах, заполненных жидким азотом, при температуре минус 196°. Ежегодный всемирный экспорт спермы оценивается в 100 миллионов долларов, а объём всей репродуктивной области медицины достигает четырёх миллиардов долларов.

РЕБЕНКА ПЛАКАЛА ВСЮ ДОРОГУ

Казалось бы, всё великолепно. В очередной раз посрамили Природу, осуществив то, до чего она не дотумасовалась. И в очередной раз Природа доказала, что эксперименты над ней даром не проходят. Потому что первые «дети из пробирки» выросли, и некоторые из них решили найти своих биологических отцов. А выражаясь по-научному – свою идентичность. О том, какая это трагедия – узнать, что человек, с которым живёшь, не твой настоящий отец, рассказал немецкий журнал «Шпигель».

Ребекке Томпсон было четыре года, когда мать доверила ей тайну: у неё не родной отец. Ребекка была только рада этому, потому что человека, считавшегося её отцом, она не любила: у него постоянно плохое настроение, он ворчит и бьёт их обеих. А кто же родной отец – как он выглядит, когда придёт, где он?

– В семенном банке, – ответила мать.

Что такое банк, Ребекка уже знала – большое красивое здание, где рабо-

туют богатые люди. Значит, и её родной отец богат и, конечно, любит её, а поэтому однажды он придёт к ней.

Когда Ребекке исполнилось 22 года, её мать умерла от рака. Именно тогда Ребекка поняла, что должна разыскать своего настоящего отца. Свои поиски она провела как настоящий детектив. Сначала отыскала врача, проводившего искусственное оплодотворение. Тот категорически отказался назвать имя донора спермы. Донорам гарантировалась анонимность: в противном случае десятки «детей из пробирки» могли бы претендовать на родство со всеми вытекающими последствиями. Но Ребекке удалось узнать, что у этого врача донорами всегда были студенты медицинского колледжа. Она достала выпускные альбомы этого заведения и начала изучать фотографии студентов. Искла голубоглазого блондина, как она сама.

«Я заставила себя рассматривать эти фотографии совершенно хладнокровно, – рассказывала она. – Скупулёзно изучала лицо, глаза, нос, рот, анализировала все черты сходства. И наконец нашла. Вот этот – мой отец».

Дальше всё было проще. Найти врача в Америке, зная имя и окончание учебного заведения, легко. И Ребекка узнала, что сейчас её избраннику около пятидесяти, он работает неврологом в Канзас-Сити. Девушка звонит ему, пытается объяснить, кто она и чего хочет. Человек тотчас бросает трубку. Она делает ещё три попытки. На третьем звонке человек начинает кричать: она должна исчезнуть из его жизни, иначе он обратится в полицию. «Я чувствовала себя, как последняя дрянь», – вспоминает Ребекка.

Казалось бы, всё кончено. Но Ребекка не может оставить поиски. Что-то внутри неё требует узнать, кто же она наконец. И девушка берёт на работе короткий отпуск, садится в свою «Хонду» и мчит в Канзас-Сити, за 1100 миль. Там она два дня выслеживает человека, которого считает своим отцом, снова и снова примеряя его черты на себя. Наконец звонит в его дверь, собрав всё мужество, чтобы не повернуть назад.

«Открыла его жена, – рассказывает Ребекка. – Она разглядывает меня, сначала недоверчиво, и вдруг начинает улыбаться». Ребекка хватается за первую пришедшую в голову ложь: она из Солт-Лейк-Сити, заблудилась, ищет улицу по соседству. Женщина приглашает войти, усаживает на софу, достаёт карту города. А Ребекка сидит в трансе. «Мне хочется вскочить и убежать, а она говорит, что должна мне помочь, что я чем-то похожа на её дочь». На серванте она видит фотографию детей. Девочка действительно похожа на неё. А затем входит сын её предполагаемого отца. «Мой сводный брат поразительно похож на меня. Дружески подаёт мне руку, садится рядом, мы беседуем, и выясняется, что любим одну и ту же музыку, читаем одни и те же книги». Предполагаемый же отец Ребекки так и не появился. «Жена неоднократно звала его, но он не вышел из своего кабинета. Почему – неизвестно. А ведь я не хотела от него никакой помощи, никаких денег. Я просто хотела его видеть. Ведь он часть моей жизни, и поэтому я хотела знать, кто я есть».

Эти полчаса, проведённые в чужом доме, – самые прекрасные и страшные в её жизни. Затем она садится в машину и едет обратно. «Я останавливалась лишь затем, чтобы заправиться и купить новые носовые платки». Ребекка плачет все 1100 миль. В Канзас-Сити она больше никогда не поедет.

ТРЕТИЙ – НЕ ЛИШНИЙ

Многие истории первого поколения «детей из пробирки» похожи на историю Ребекки Томпсон. А ведь всё начиналось прекрасно. Для бездетных супружеских пар ампула со спермой – прекрасная альтернатива, никакого сравнения с марафоном усыновления. Тем более что дети из семенного банка всегда желанны. Мало того, что они наполовину родные, они полностью обеспечены, как говорят медики, здоровым наследственным материалом: ведь в доноры отбирают по всем медицинским показателям здоровых мужчин, да ещё всю их родню проверяют вплоть до бабушек и деду-

шек. Особенное внимание обращается на здоровую психику донора.

И тем не менее, как только «ребёнок из пробирки» узнаёт о своём происхождении (а родители первого поколения этих детей считали себя обязанными открыть тайну их рождения), именно с психикой у многих начинаются сложности. В дружной семье наряду с биологической матерью и так называемым социальным отцом появляется невидимый третий. Для одних, как для Ребекки Томпсон, он становится мечтой детства и трагедией всей жизни. Перед другими, как перед Биллом Кордром, который только в 37 лет узнал правду, это открытие поставило вопросы, на которые с седой древности пытаются ответить лучшие умы человечества: кто я, откуда пришёл, куда иду? Чтобы ответить на них, он 19 лет безуспешно искал своего отца, хотя мать умоляла не делать этого. Впрочем, как уверяет Билл, ничего не зная, он с самого детства что-то подозревал. «Мой отец и я были совершенно разными. Он был маленьким, мускулистым, с резкими, грубыми манерами. Я же, напротив, был высоким, тощим и интересовался такими «не мужскими» вещами, как эстетика и дизайн. Для меня он всегда был чужим, и теперь я неожиданно понял, почему».

Вместе с Ребеккой Томпсон и многими другими выходцами из семенного банка Билл Кордрой основал группы взаимопомощи, а в своей квартире открыл международный клуб детей без отцов. Задача этих организаций – помочь искусственно зачатым преодолеть психологический барьер, почувствовать себя полноценными людьми. Такими же, как все. «Это терзающее душу чувство: знать, что ты начался не в пылу любовной страсти под покровом темноты, – говорит Билл, – а в холодной пробирке, на конвейере, сотворённый у всех на виду равнодушными руками».

Эти проблемы «детей из пробирки», которых сейчас во всём мире по весьма приблизительным подсчётам от шестисот тысяч до полутора миллионов, всколыхнули общество. И в ряде стран идёт поиск, в том числе и на законодательном уровне, как эти

проблемы сгладить. Теперь врачи, производящие искусственное зачатие, не пользуются любой спермой, а обязаны подобрать донора, как можно более похожего на социального отца. Исключение составляет Индия, где многие женщины требуют от врачей подбирать им белокожего мужчину. И анонимность донорам уже не гарантируется. Они должны быть готовыми к тому, что когда-нибудь их навестит юное создание с претензией на родство. Разумеется, никакие материальные обязательства это на доноров не накладывает – только человечность. А в затяжном споре: должны ли родители информировать детей об их происхождении, или лучше это скрывать, победили поборники истины. Дело ведь не только в психологии «детей из пробирки», но и в психологии социальных отцов, которые воспитывают фактически чужого ребёнка, и что ни говори, а чувствуют себя ущербными от того, что оказались «ненастоящими» мужчинами. Так уж лучше расставить всё по своим местам. В Швеции даже вышел закон, обязывающий родителей открывать эту тайну детям в определённом возрасте. Однако, как считают эксперты, в 90 процентах семей этого не делают. Помогает ли это сгладить возможные шероховатости между социальными отцами и детьми? Однозначного ответа нет.

ГЕНИИ ПОД КОПИРКУ НЕ ПОЛУЧАЮТСЯ

Насколько в самом деле остра в психологическом плане эта проблема «детей из пробирки»? Вот как отвечает на этот вопрос директор Республиканского центра репродукции человека профессор Андрей Акопян.

– Что тут мудрить, что усложнять? – сказал Андрей Степанович. – Во-первых, дети рождаются не в пробирке, в ней идёт просто оплодотворение. А вынашиваются и появляются на свет как обычные люди. Во-вторых, частота пороков, нарушений, каких-то аномалий у этих детей ничем не отличается от зачатых обычным способом. Так что не нужно считать это чем-то сверхъестественным, это просто помощь каждой конкретной семье, не более того.

– Но в мировой прессе приводят факты досадных врачебных ошибок, когда в лабораториях либо путают сперму, либо не дезинфицируют пробирку от предыдущей спермы. И тогда белая женщина рождает чёрного ребёнка, чёрная – белого, а третья мать производит на свет двоих детей, у каждого из которых свой отец. И вместо радости в семье трагедия.

– Это просто разгильдяйство, безалаберность, неаккуратность лаборантов, которые бывают в любом деле. Нельзя же на этом основании отвергать весь метод!

– А что сулит этот метод в будущем? Нельзя ли с его помощью выращивать людей, так сказать, высшего качества? Дело в том, что такой эксперимент уже осуществил калифорнийский доктор Роберт Кларк Грахам. Он считал, что человечество стремительно глупеет и потому близится к закату. Спасти его могут только гении, которых нужно создать как можно больше. И в 1979 году доктор Грахам обзавёлся семенным банком со спермой признанных гениальных людей, в том числе и нобелевских лауреатов. А через три года в Лос-Анджелесе появился на свет Дорон Блаке, который в два с половиной года умел обращаться с компьютером, по пути в детский сад цитировал строки из «Короля Лира», в саду решал математические задачи, а в десять лет написал книгу «Джордж динозавр», за которую бы не было стыдно любому детскому писателю. А сейчас, когда ему двадцать, гения из него не получилось. Он ударился в религию и прячется от мира. И не хочет знать своего кровного отца.

– Совершенно закономерный финал. Этот эксперимент из арсенала старой науки евгеники, которая полагала, что можно улучшить человеческий род удачным подбором партнёров. Увы, не получается. Каким станет человек, зависит от генов, а на этом уровне мы пока можем только избавить его от некоторых наследственных заболеваний. Так что повторяю: оплодотворение в пробирке – не более чем помощь бездетным семьям. Это огромное благо. Ну а то, что в ряде случаев возникают психологические проблемы, – придёт время, и мы научимся их решать.

СИЛА СЛОВА ПРОТИВ ЯЗЫКА СИЛЫ

В окрестностях столицы Шри-Ланки – Коломбо произошёл случай, заставляющий вспомнить строки Николая Гумилёва: «Солнце останавливали словом, словом покоряли города...» Находившийся в собственности буддийского храма ручной слон по имени Раджа, которого монахи использовали на различных хозяйственных работах, неожиданно взбесился. Зверь порвал толстую цепь на ноге, удерживавшую его в стойле, и понёсся по шоссе, переворачивая стоявшие на обочине машины. Мотоциклисты и водители автомобилей шаркались в сторону от обезумевшего гиганта. Вдруг на пути рассвирепевшего животного встал человек в тоге шафранового цвета – традиционном одеянии буддийских монахов. В руке он держал открытую торбу с кусками хлеба и конфетами-ирисками – любимым лакомством Раджи. Монах стал нараспев произносить слова-заклинания – мантры. Слон тут же остановился, а потом неторопливо подо-

шёл к человеку, всем видом показывая смирение. «Укротитель» положил руку на бок великана, и они удалились в придорожную рощу. Там, среди деревьев, Раджа окончательно успокоился и в сопровождении служите-

ля Будды вернулся к постоянному месту жительства и работы.

ЗЕЛЁНЫЕ РОБИНЗОНЫ АФРИКИ

Более 200 не известных науке растений обнаружила в Камеруне экспедиция британских учёных. Ботаники нашли, в частности, новые виды кофейных и фиговых деревьев, десятки видов орхидей изумительной красоты. Специалисты обследовали район Купе-Бакосси в 100 километрах к северу от города Дуала. Здесь находятся два действующие вулкана и произрастают тропические леса, над которыми, подобно островам в океане, возвышаются каменные плато. Их флора и фауна полностью изолированы от окружающей территории и представляют собой настоящий «рай» для натуралистов.

И хотя, в отличие от героев Конан Дойла, экспедиция не встретила в этом «затерянном мире» динозавров, открытия учёных без преувеличения сенсационны. Все зелёные робинзоны являются редчайшими представителями растительного царства и должны быть внесены в Красную книгу, считают учёные.

КРУИЗ ПО «ЛИЦЕНЗИИ» БРОНЗОВОГО ВЕКА

Ещё одну попытку повторить маршрут древних мореплавателей Индийского океана намерена предпринять международная команда путешественников. Первый рейс на паруснике – точной копии торговых судов, бороздивших моря 4 тысячи лет назад, – окончился неудачно: плавсредство дало течь и затонуло вскоре после старта экспедиции. Новый 12-метровый корабль, как и его предшественник, построят из тростника и волокон финиковых пальм, парус изготовят из шерсти, а пару кормовых вёсел – из тикового дерева. При этом будут учте-

ны ошибки в конструкции «старшего товарища».

Экипаж из восьми человек – двух оманцев, двух американцев, двух итальянцев, австралийца и индийца – собирается преодолеть тысячекилометровый путь между двумя портами – Суром

в Омане и Мандви в Индии. Своим вояжем исследователи хотят доказать, что морские торговые трассы издревле связывали эти регионы.

ЕВРОПА ОБЗАВЕЛАСЬ ПИРАМИДАМИ?

На европейском континенте находятся древние пирамиды. Так по крайней мере считает археолог-любитель Семир Османджич, обнаруживший во время раскопок загадочные сооружения в 30 километрах к северу от боснийского города Сараево. Местные жители издавна знали о существовании этих «построек», но считали их причудливым созданием природы.

Однако Османджич – автор нескольких книг о древних цивилизациях – уверен: пирамиды – рукотворные творения. Он утверждает, что боснийские сооружения очень напоминают ступенчатые пирамиды Мексики. Их стороны чётко ориентированы по сторонам света. Скорее всего, предполагает археолог-любитель, предшественники неизвестной цивилизации облюбовали холмы в долине и превратили

их в гигантские «лестницы», укрепив склоны раствором, напоминающим цемент. Высота построек – 70 метров, длина каждой из сторон их квадратного основания – 220 метров. Впрочем, археологи-профессионалы скептически оценивают выводы коллеги. По их мнению, предстоит провести ещё много исследований, чтобы узнать, кто и когда построил боснийские пирамиды.

ГУЛИВЕРЫ БЛИЗНЕ К МИЛЛИОНЕРАМ

Как выяснили американские психологи, люди высокого роста, работающие по найму, получают гораздо больше своих коллег-«малышей». Каждый «лишний» дюйм (около 2,5 см) роста в сравнении со среднестатистическим ежегодно даёт прибавку к их жалованью почти 800 долларов! Эта разница в оплате за одинаковый труд наиболее заметна в торговле и среди управленцев. По мнению учёных, данный феномен обусловлен подсознательной склонностью людей более высоко оценивать результаты, которые показывают гулливеры. Поэтому не сутультесь и не гордитесь на работе, даже если начальство вас не видит. И, конечно, в самых трудных ситуациях никогда не вешайте голову в прямом и переносном смысле.

БЕЗ ВИНА ВИНОВАТЫЕ

Алкоголизм осложняет жизнь даже тем, кто вырвался из объятий «зелёного змия». Это установили исследователи университета в штате Кентукки (США). Люди, злоупотреблявшие горячительными напитками, пребывая в состоянии трезвости в течение длительного времени, страдают нарушением зрительного восприятия и не могут правильно ориентироваться в пространстве. В результате человек, например переходя

дорогу, рискует ошибочно оценить расстояние между ним и движущимся транспортным средством, а находясь за рулём – между собственным автомобилем и другими участниками движения. Понятно, к сколь тяжёлым последствиям это может привести. Даже в супермаркете вчерашнего поклонника Бахуса подстерегает угроза оказаться в роли слона в посудной лавке.

В ходе эксперимента учёные протестировали 51 мужчину-алкоголика в возрасте от 29 до 60 лет, прошедшего процедуру детоксикации и не страдающего потерей памяти (ещё одна опасность!), а для сравнения – 63 мужчин 21–70 лет, не усердствующих в употреблении спиртного. Как показало исследование, для выполнения несложных тестов бывшие пьяницы тратят гораздо больше энергии, нервного напряжения и времени. Это связано с тем, что их мозг полностью занят решением повседневных проблем и с трудом переключается на новые задания. Итог такой «ненормированной» работы – хроническая усталость, потеря внимания, способности предвидеть опасность, рассеянность, подавленное настроение, что прямо влияет на состояние здоровья.

РЕПТИЛИЯ С ВУЗОВСКИМ ДИПЛОМОМ

Наука до сих пор не признаёт существование оборотней – людей, способных принимать личину зверя. А вот практика говорит о том, что это вполне возможно. В частности, такой опыт поставил над собой американец Эрик Спрейг, который решил превратиться в ящерицу. За 12 лет упорного труда тело 28-летнего аспиранта-биолога почти полностью утратило человеческий облик. Кожу покрывала татуировка в виде чешуи, по-особому зато-

ченные зубы обрели форму острых треугольников, а лоб украсили бугорки из имплантированных шариков. Язык человека-ящерицы оказался раздвоенным в результате хирургической операции, а длинные отращённые ногти превратились в когти.

Но главное в другом. По словам Спрейга, после того как он приобрёл рептильную внешность, его мироощущение изменилось. На многое Эрик стал смотреть глазами ящерицы. Например, насекомые вызывают у него желание съесть их. Да и хождение на двух ногах кажется крутому аспиранту неудобным. Учёному приходится усилии воли подавлять в себе растущее желание ползать. Как далеко может зайти такое перевоплощение, сказать труд-

но. Во всяком случае, пока Спрейг не собирается прекращать свой далеко не безопасный эксперимент.

АНКЕТА КАК ПЕСНЯ

Киты – самые крупные представители земной фауны – животные не только музыкальные, но и куртуазные, утверждают австралийские зоологи. Сказанное в первую очередь относится к самцам китов-горбачей, которые способны петь песни любви почти круглосуточно, что было зарегистрировано специальными приборами. Причём такие «концерты» – это не только брачный турнир, позво-

ляющий одержать победу над соперником. По мнению специалистов, для самок китов подобные «серепады» представляют собой своеобразные звуковые анкеты. Прослушивая их, «невесты» получают информацию о физическом состоянии и возрасте «женихов», что позволяет китам выбрать достойных для продолжения рода.

РЕКОРДСМЕН, КОТОРЫЙ ОБРАДУЕТ ЖЕНЩИН

Самый большой танзанит – драгоценный камень, встречающийся только на севере Танзании, найден у подножия Килиманджаро. Удивительная находка весит около трёх килограммов, её размеры 280х80х70 мм. Впервые танзанит случайно обнаружили старатели в 1967 году. Этот минерал встречается в тысячу раз реже, чем алмаз, а его цвет варьируется от дымчато-голубого до тёмно-фиолетового. К сожалению, запасы редкостного камня подходят к концу и, как предполагают специалисты, недалёк тот день, когда он навсегда исчезнет из недр планеты. Поэтому и цена на него, по мнению ювелиров, будет стремительно расти.

Знатоки драгоценных камней утверждают, что танзанит символически олицетворяет загадочную Африку. Как правило, его выбирают склонные к мистике женщины с утончённым вкусом.

ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ – ЛОВКИЕ РУКИ

Клептомания – болезненная тяга к чужим вещам – не знает социальных границ. Эту истину ещё раз подтвердил случай, который произошёл в Генуе. 59-летняя жительница итальянского города, даму весьма состоятельную, уличили... в краже ювелирных украшений. Когда благодаря видеокамере наблюдения воровку задержали, оказалось, что она совершила уже несколько подобных деяний и похитила драгоценностей на сумму 100 тысяч евро! Нечистая на руку сеньора объяснила свои поступки... гнетущей тоской, вызванной беспроblemной, благополучной жизнью. «Я перепробовала всё: развлечения, путешествия, шопинг... Ничего не радовало. Единственное, что вызывало сильные эмоции – это ограбление, ведь каждый раз я рисковала, а значит, жила...»

Столь же удивительная преступная страсть обнаружилась у одного из жителей Баварии. 15 лет назад он по необъяснимой для него причине украл... резиновые сапоги. И с тех пор исправно воровал их. При обыске квартиры 39-летнего kleптомана полиция обнаружила у него 139 пар

этой обуви. Внятного комментария по поводу своего «увлечения» нарушитель закона не дал.

Николай Черкашин

НЕПТУН В ПРОТИВО- ГАЗЕ

В 1945–1946 годах в Балтийском море были затоплены немецкие арсеналы химической войны...

И ПРИШЁЛ НЕВОД С ОТРАВОЮ МОРСКОЮ...

В августе 1969 года датские рыбаки, ловившие сельдь в Малом Бельте (пролив на выходе из Балтийского моря), вывалили из трала вместе с рыбой ржавую бочку с полустёршимися готическими литерами на боках. Бочка была наглухо закупорена. Но из проржавевшей оболочки на палубу стекала вязкая бесцветная жидкость. Через несколько секунд рыбаки, сбегавшиеся посмотреть на странный улов, почувствовали нестерпимую резь в глазах. На руках, прикоснувшихся к бочке, вздувались ожоги, переходящие в язвы... Вызванный по рации вертолёт береговой охраны эвакуировал пострадавших. По счастью, все остались живы, но ослепли. Врачи констатировали тяжёлое отравление ипритом.

«Иприт, – пишут в справочниках, – бесцветная жидкость тяжелее воды. Боевое отравляющее вещество, протоплазматический яд, поражающий глаза, кожу, верхние дыхательные пути, лёгкие...»

О трагедии датских рыбаков узнала вся Европа. На курортных пляжах Южной Швеции поднялась паника. Туристы, напуганные слухами о затопленном в балтийских проливах германском химическом оружии, спеш-

но покидали пансионаты. От рыбной продукции с пометкой «Сделано в Дании» покупатели шарахались, как от зачумлённой.

Рыботорговцы и владельцы курортных зон несли огромные убытки. И скандальную историю с ипритовой бочкой быстро замяли. На тему затопленного химического оружия легло табу: не надо пугать прибалтийского бюргера – потребителя-покупателя-туриста.

А датские, шведские, норвежские рыбаки ещё не раз выволакивали донными тралами контейнеры с химической смертью. Закрытая статистика утверждает, что таких происшествий было около сотни...

В 1945–1946 годах германские химические арсеналы были разделены между странами-победительницами с условием, что каждая сторона сама уничтожит свою долю. Поскольку технологий по уничтожению химоружия не было, решили топить его в океане – на больших глубинах. Англичане погрузили бочки на старые пароходы и повели их на буксирах в места затопления. Но в Атлантике бушевали осенние штормы, и тогда, не долго думая, затопили суда-могильники там, где показалось удобнее – на выходе из Балтийского моря.

В 1987 году представи-

тель министерства обороны Норвегии заявил, что удалось точно установить местонахождение 27 затопленных судов вместе с германским крейсером «Лейпциг», в трюмах которых находится 179 тысяч тонн опасных химических веществ.

До сих пор не укладывается в голове, что на эту чудовищную по неразумности акцию пошли такие здравомыслящие страны, как Англия и Америка. Англичане топили суда-саркофаги в проливах Скагеррак, откуда донные течения уходят во внешние моря на соединение с Гольфстримом, который омывает берега стольких стран. Воистину, после нас хоть потоп, хоть иприт!

4 мая 1990 года побережье Белого моря близ Архангельска было сплошь устлано мёртвой рыбой. Даже с вертолёта не просматривался конец этой страшной белой каймы вдоль приборной полосы. А волны выбрасывали всё новые и новые косяки. Прибывшие из Питера специалисты обнаруживали в тканях выброшенных рыб существенные дозы иприта. И что же? А ничего. Кто-то пустил общественное негодование по ложному руслу. Обвинили подводников-атомоходчиков: они-де откачали за борт радиоактивную воду. Но радиация убивает

не враз, а постепенно. Другое дело – высокотоксичная боевая химия...

Бывший офицер Генерального штаба ВС СССР генерал-майор в отставке Б. Т. Суриков:

– Меня просто взорвала та ложь насчёт радиации. И я рассказал в печати то, что открыл мне бывший командующий Балтийским флотом адмирал Трибуц. Мы лежали с ним в одном госпитале – в Мытищах. Дело было в 1970 году. И он, коротая время, рассказал, как его корабли топили в Балтийском море трофейное химическое оружие. Но это было 13% от общей массы затопленного союзниками в Скагерраке. И в других местах. Хуже всего то, что в 50-е годы, признавался Трибуц, мы затопили в Белом море несколько эшелонов с химическими боеприпасами собственного производства. Как устаревшие. А иприт практически не стареет...

Многие годы генерал Суриков писал тревожные статьи, выступал по телевидению и по радио. К его голосу прислушивались в США и Германии, Англии и Италии, но только не в Советском Союзе. Тем не менее, быть может, всё же с подачи генерала Сурикова в Санкт-Петербурге вместе с группой норвежских фирм была разработана Программа уничтожения или утилиза-

ции затопленных отравляющих веществ. Она получила название «Экобарос». Беда же в том, что затопленные суда с химическим оружием поднимать нельзя. На вопросы «почему?» и «чем это грозит?» отвечал перед телемониторами видный учёный вице-адмирал Тенгиз Борисов:

— За полвека пребывания на грунте корпуса судов настолько корродировали, что любая попытка оторвать их от грунта приведёт к залповому выбросу иприта и других отравляющих веществ, содержащихся в их контейнерах. Всё-таки есть вполне реальный способ уменьшить угрозу залпового выброса. Он уже опробован нами при герметизации первого отсека затонувшей атомной подводной лодки «Комсомолец». По трубе, спущенной с борта надводного судна, закачивается жидкий бетон внутрь корпуса затонувшего объекта. Раствор заполняет все промежутки между химическими боеприпасами и превращает корабль в прочнейший железобетонный монолит, из которого не просочится ни одна капля иприта или другого яда. Эта уникальная технология разработана российскими учёными. Мы готовы применить свой опыт на практике, если международное сообщество возьмётся всерьёз решать проблему затопленного химического оружия, если мир осознает наконец всю реальность угрозы для себя и наших потомков.

ОСТОРОЖНО: ИПРИТОВЫЕ МЕДУЗЫ!

На кинокадрах, снятых российскими экологами под водой, я видел дно Балтийского моря в одном из районов, где захоронено трофейное химическое оружие. Воистину выжженная земля, абиотичный грунт, как говорят биологи, ни травинки, ни икринки... Лишь борозды, оставленные тралями рыбаков, да лунки-кратеры в тех местах, где прорывались изпод слоя песка и ила ядови-

тые газы из проржавевших бомб.

Могильник. Мёртвая вода. Лунный ландшафт... Но на Луне нет иприта.

Где-то здесь затаились «жгучие медузы» — желатинизированные сгустки иприта в оболочках из тигликоля. Другое отравляющее вещество (ОВ) — адамсит покрывает грунт в виде твёрдого осадка, нерастворимого в воде. «Жгучие медузы» жалят со дна Балтики и Белого моря беспощадно и далеко: на много поколений вперёд. Для тех, кто отмахивается от этой угрозы, напомним слова из инструкции «Боевые газы» времён Первой мировой войны: «Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова — смерть!»

Вольно или невольно мы нанесли мощнейший химический удар по океану. Чем-то он ответит? Кто сеет ветер, пожинает бурю. Что же пожнёт тот, кто рассеял яд посреди моря?

Кто же это всё сотворил? Немцы, англичане, американцы, мы... Какое же сознание надо иметь, чтобы топить яд у населённых берегов? Ведь знали же вековую житейскую мудрость: не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Не трави море, пригодится рыбкой запастись.

Ни одна великая держава не подтверждает своих захоронений в море после 1947 года. Но разве шило в мешке утаишь? Разве утаишь иприт в море?

Три года слово «иприт» не сходило с газетных полос: «Известия» (23.10.90): «Скагеррак: зловещая находка». «Швед Бьорн Окарлунд обнаружил в проливе Скагеррак на глубине 200 метров остатки боевых судов фашистской Германии. В их трюмах снаряды и авиабомбы с фосгеном, табуном, ипритом...»

«Смена» (14.03.90): «Балтийский могильник». «Вице-мэр Санкт-Петербурга получил данные о нахождении 34 тысяч тонн химических боеприпасов, затопленных

у о. Борнхольм и вблизи Лиепайи».

«Час пик» (21.07.93): «Экспедиция на кладбище состоится?» «Председатель комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия А. Д. Кунцевич заявил, что после 1989 года ни СССР, ни Россия затоплений химического оружия в Балтийском море не производили».

«Вечерний Петербург» (11.06.93): «Иприту не хотите ли?» «По сообщению партии «зелёных» стала известна новая точка захоронения химического оружия недалеко от Кронштадта».

Так или иначе, но газетные страсти утихли. Иприт же и ныне там.

Впрочем, чтобы ознакомиться с этим «замечательным» продуктом цивилизации, не обязательно ехать к поморам или на берега Балтики. Достаточно заглянуть в нижегородский город Дзержинск. Именно здесь многие годы производилось советское химическое оружие. Там тоже есть своё «Белое море» — так с мрачным юмором называли дзержинцы водоём, который официально именуется шлаконакопителем ПО «Оргстекло» (бывший завод № 148 по производству химического оружия). В отличие от настоящего Белого моря, здесь не выживают даже простейшие бактерии. Экологи считают этот пруд самым ядовитым местом во всей России.

Чудовищно был отравлен воздух, пока «Оргстекло» ещё действовало. Одно время военно-химическое предприятие стравливало избыток хлора через 50-метровую кирпичную трубу завода «Капролактан». Жителям окрестного села Огумново можно выдавать удостоверение ветеранов химических атак или ветеранов подразделений особого риска. Городская среда была отравлена до такой степени, что экологически опасные вещества образовывались даже при сжигании осенних листьев. Ещё

горше участь тех, кто ковал «химический меч».

«На иприте» трудились с 15, а то и с 14 лет, — свидетельствует местный летописец, — рабочих рук в военное время не хватало. Взрывы цехов, вызванные поспешной работой без ремонтов, и возникавшие вследствие этого массовые отравления, отсутствие даже самых элементарных защитных средств были обычным явлением. Неудивительно, что почти все работники спецпроизводств... стали профессиональными больными».

Председатель правления Российского мутагенного общества — есть и такое! — Валентин Тарасов:

— По своей вредоносности таких веществ, как иприт, в природе немного. Он и канцероген, и мутаген. Поражение генов структур — хромосом — происходит без пороговых величин. Любая ненулевая концентрация иприта опасна.

Да, есть данные, что иприт в морской воде гидролизуются. Но продукты этого гидролиза, нетоксичные сами по себе, попадают в живой организм, в биосреду, становятся канцерогенами и мутагенами.

Если действие обычных токсикантов обратимо, организм может вывести их из себя, излечиться, то особь, отравленная ипритом, может прервать действие мутагена только двумя способами: или отказом от продолжения потомства, или прекращением собственного существования.

— То есть либо стерилизация, либо смерть?!

— Да, вопрос стоит именно так. Мутированный сперматозоид передаёт своё генетическое ученье оплодотворённой им яйцеклетке. У будущего ребёнка все клетки будут нести следы мутации. Став отцом или матерью, этот ребёнок передаёт свою мутацию в общий генофонд своей популяции. На базе множественных мутаций возникает рак. Ведь злокачественная опухоль — это бесконтрольное про-

граммное деление клеток, вызванное вторжением в механизм деления, в частности, молекул иприта.

Это доказала ещё в 1961 году английская учёная Шарлотта Ауэрбах: иприт поражает в живой клетке прежде всего носителей наследственной информации – хромосомы.

В 1940 году моей маме, тогда ещё студентке 1-го медицинского института, Евгении Соколовой предположили «добровольно» испытать на себе действие боевого отравляющего вещества. На предплечье ей нанесли каплю иприта, а потом следили за действием кожно-нарывного ОВ. Результаты зарисовали для плакатов Осоавиахима. Ожидалось, что противник может применить химическое оружие. Другим студентам наносили капли иных ОВ. Сотрудники НКВД взяли с них подписку о неразглашении тайны проведённых испытаний. В память об этих «научных» экспериментах у мамы осталась оспинка на правом предплечье. Не хочется думать о судьбе маминих подруг по «химическим опытам». Да они ей и неведомы – столько лет прошло...

ПРОЦЕСС ПРОШЁЛ или ПОШЁЛ?

Председатель Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте РФ Александр Дмитриевич Горбовский:

– Конвенция по запрещению химического оружия, которую Россия подписала в 1993 году, не предусматривает каких-либо обязательств государств-участников по уничтожению затопленного химического оружия до 1 января 1985 года.

К настоящему времени – а прошло уже более полувека с момента захоронения – значительная часть боеприпасов прокорродировала, то есть, попросту говоря, проржавела, и находящиеся в них ОВ вышли в донный слой. Но в результате гидролиза, который в тех условиях морской среды прохо-

дит в течение десяти дней, они, эти ОВ, оказались связанными. Поэтому фактически в придонных слоях их сейчас нет. К такому же выводу пришли и зарубежные специалисты, в частности, норвежские. Они провели свою оценку боеприпасов, залегающих на дне моря: придонные процессы вполне могут обеспечить детоксикацию ОВ.

...Я считаю, что это не глобальная катастрофа. Разумеется, научные изыскания приводят к открытию новых феноменов, в частности, мутагенных свойств иприта. Но тем не менее... они мало влияли на экологию. При раздувании этой опасности паника может привести к выделению больших средств, которые будут неоправданно направлены на решение этой проблемы в ущерб другим задачам. Должна быть оценка на основе реально выявленной картины опасности.

Главный специалист управления экологической безопасности Министерства охраны окружающей среды Ольга Штемберг видит проблему не столь оптимистично, как её оппонент Дмитрий Горбовский:

– По данным, опубликованным в Германии и Швеции, рыбаки на промысле довольно часто вытаскивают из своих сетей либо сгустки иприта, либо прокорродировавшие химические бомбы. Но дело в том, что передача токсических соединений идёт по принципу экологического усиления: чем выше организация живого, тем больший уровень накопления в нём токсических веществ. Рыбы, безусловно, приспособятся к отравленной водной среде. Приспособимся ли мы к ней без того, чтобы стать безухими трёхпалыми циклопами-мутантами?

И Швеция, и Норвегия, и Германия провели очень серьёзные исследования. И Россия проводила их в силу своих финансовых возможностей. Данные неутешительны.

И тем не менее специалисты всех стран, снаряжавших морские экспеди-

ции, сходятся на том, что у них нет пока оснований утверждать, что химические могильники в море опасны или безопасны. Никто из уважающих себя специалистов не рискнёт давать однозначные ответы: да, это очень опасно, или – ничего страшного, все рассосётся...

Да, не рискнёт. Своё ремное ближе к телу, чем невидимый яд иприта.

Очень удобная позиция: нет «систематизированных интегрированных данных», нет и однозначных выводов. Конечных оценок нет потому, что нет мониторинга, а мониторинга нет потому, что нет денег, а денег нет потому... Ну, это и так ясно.

Итак, учёный мир разбился на два лагеря: одни верят в биологическую опасность затопленных ОВ, другие не верят. И те, и другие сходятся на том, что нет достаточных статистических данных для вынесения окончательного вердикта. Их нет и, наверное, не скоро они будут. Ибо в отличие от нашумевшей на весь мир Чернобыльской катастрофы, с её взрывом, пожаром, радиоактивным облаком на пол-Европы, балтийская катастрофа тихая, невидимая.

Однако, не будучи химиками, мы всё же не верим – здравый смысл не даёт, – что эшелоны с генетической отравой, загнанные на шельф Балтийского и Белого морей, безвредно скажутся на здоровье прибрежных жителей и тех, кто хоть однажды вкусит рыбы, гулявшей на ипритовых могильниках.

Странное дело, чем выше пост того или иного химического деятеля, тем благостнее, тем безмятежнее взгляд на проблему: не надо трогать, рассосётся само собой, гидролизует, не сеите панику, всё обойдётся...

А если не обойдётся? И разве не теми же словами успокаивали партократы людей, накрытых чернобыльским облаком?!

Самое непостижимое в этой проблеме то, что страны – потенциальные жертвы химической атаки с моря

пытаются скрыть нависшую над ними опасность. И делают это по одной сиюминутно важной причине: в случае широкой огласки рухнет экономика многих прибалтийских государств, построенная на рыбной промышленности и международном туризме.

Большие надежды возлагались на Хельсинкскую комиссию охраны среды Балтийского моря (ХЕЛЬКОМ). В неё вошли многие балтийские страны, в том числе и Россия. Однако гора родила мышь.

Во-первых, сразу выяснилось, и это не пошло на пользу общественно-го дела, что все архивные документы, представленные странами-участницами, крайне противоречивы. Расходятся не только координаты мест затопления, количество сброшенных в море химбоеприпасов, типы ОВ, но и данные экспертиз по составу воды на ипритовых могильниках.

Во-вторых, и это самое печальное, ХЕЛЬКОМ не запретила лов рыбы в опасных местах, а лишь дала рекомендации, как его, этот лов, там проводить и что делать, если в трал попадёт очередная бочка с ипритом.

Что толку, если на морских картах отныне будет отмечен не просто некий опасный район, а указан конкретный тип ОВ, разлитого в придонном слое? Остановит ли это рыбаков, привыкших брать рыбу там, где испокон веку добывали её деды и прадеды? Тем более что никакой ветнадзор не определит, где именно выловили эту салаку – в Скагерраке или Северном море?

Прискорбно и то, что ХЕЛЬКОМ, возникшая на волне общественного возмущения, поднятого прессой, заявила, что газетные, журнальные, телевизионные и прочие публикации по «ипритовой проблеме» останутся вне сферы её внимания.

P.S. Материалы к этой статье автор собирал несколько лет. Возможно, некоторые лица, упомянутые здесь, изменили своё должностное положение.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

1 апреля 2006 года во всех почтовых отделениях открыта подписка на II полугодие 2006 года. Если Вы хотите получать журнал «Чудеса и приключения» с июля 2006 года, не забудьте оформить подписку до конца мая.

Наши индексы:

В Объединённом каталоге «Пресса России. Подписка-2006. Первое полугодие. 1 том»:

71083 – для индивидуальных подписчиков

73492 – для предприятий и организаций

42312 – для библиотек и школ

42436 – адресная подписка (пересылается бандеролью из редакции)

42475 – комплект журналов: «Чудеса и приключения» и «Тайны и преступления». Адресная подписка (пересылается бандеролью из редакции)

42080 – комплект журналов: «Чудеса и приключения» и «Тайны и преступления». Для физических и юридических лиц.

В каталоге Роспечати «Газеты, журналы»:

81086 – адресная подписка (пересылается бандеролью из редакции)

73492 – для предприятий и организаций.

**Москвичи могут оформить подписку и купить журнал по адресам:
Москва, Бумажный проезд, д. 14 (метро «Савёловская»);
Москва, ул. Черняховского, д. 16 (метро «Аэропорт»).**
Справки по телефонам: (495) 152-06-92, 152-86-16

Т. Буманн-Ларсен. АМУНДСЕН. – М.: Молодая гвардия, 2005. 520 с. (Жизнь замечат. людей; сер. биогр.; вып. 966). 5000 экз. Биография выдающегося полярника Руала Амундсена. Он единственный побывал на обоих полюсах Земли и совершил кругосветное плавание в водах Ледовитого океана. Прошёл Северным морским путём вдоль берегов Евразии и первым одолел Северо-Западный проход у побережья Северной Америки. Блестящий организатор, на пути к Южному полюсу безошибочно выбрал собачьи упряжки и уложился в сжатые сроки, пока трудности не ослабили участников похода. Фигура исторического масштаба, опыт которого используют полярники до сего дня. Однако на вершине жизни, достигнув поставленных целей, герой ощутил непонимание и одиночество. Норвежский историк создал яркий портрет знаменитого полярника, образ которого, сохранив величие, впервые предстал по-настоящему близким и понятным.

Т. К. Гладков. КОРОТКОВ. – М.: Молодая гвардия, 2005. 542 с. (Жизнь замечат. людей; сер. биогр.; вып. 943). 4000 экз. Биография одного из самых засекреченных разведчиков, который выполнял сложные задания в Европе, проводил агентурную работу против фашистской Германии накануне и во время войны. В основе книги лежат рассекреченные документы, встречи автора с очевидцами событий. Герой книги находился в гуще борьбы спецслужб, едва не погиб во время репрессий накануне войны, был активным участником в противостоянии бывших союзников в период холодной войны.

Н. Н. Богуненко. МУЗРУКОВ. – М.: Молодая гвардия, 2005. 400 с. (Жизнь замечат. людей; сер. биогр.; вып. 957). 5000 экз. Биография дважды Героя Социалистического Труда Б. Г. Музрукова – выдающегося организатора оборонной промышленности и науки, од-

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ

ного из создателей атомной отрасли России. Возглавив в 35 лет Уральский завод тяжёлого машиностроения, он вместе с героическим коллективом этого предприятия вынес все тяготы Великой Отечественной войны, сумев в кратчайшие сроки перестроить производство на военный лад, организовать выпуск для фронта знаменитых танков KB, Т-34, самоходных артиллерийских установок. В послевоенные годы Борис Глебович возглавлял предприятия ядерной промышленности, внося огромный вклад в создание первой атомной бомбы.

К. Дюверже. КОРТЕС. – М.: Молодая гвардия, 2005. 290 с. (Жизнь замечат. людей; сер. биогр.; вып. 925). 5000 экз. Испанский конкистадор Кортес не был обыкновенным завоевателем. Это сложная, многогранная и неординарная личность, мечтатель, опередивший своё время. Автор рисует героя не только в годы завоевания Мексики, но и на службе в администрации Сан-Доминго, в экспедиции против берберов, а также в качестве исследователя Тихого океана, открывателя Калифорнии, искателя Западного пути к Молуккским островам и Филиппинам.

Е. В. Мазова. ДОМОВОЙ. Хранитель домашнего очага. Пособие по общению. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 140 с. (Ваш личный астролог). 6000 экз.

С помощью этой книги, написанной известным астрологом Еленой Мазовой, вы узнаете всё о хранителе вашего дома, домовом: как он выглядит, чем его кормить, сколько он живёт и как с ним подружиться. Автор даёт рекомендации, благодаря которым вы сможете помочь своему домовому улучшить энергетику жизненного пространства, чтобы в вашем доме всегда царили уют, гармония и любовь.

Почтенный доктор Дункан Макдугалл, работавший в начале прошлого века в муниципальной больнице городка Хаверхилл в Массачусетсе (США), не был уверен в том, что человек действительно обладает душой. Но он считал: если душа существует, она должна быть материальным объектом и, следовательно, иметь вес. Макдугалл продумал схему эксперимента. Ход опыта он описал позже в письме к другу и коллеге:

«10 апреля (1902 г.) мне представился удобный случай. Заранее я установил на стандартных платформенных весах очень лёгкую деревянную раму, к которой прикрепил койку с постельным бельём таким образом, чтобы вся конструкция не задевала рычаг весов.

В полшестого вечера на койку был помещён пациент, умиравший от чахотки (позже Макдугаллу стоило немалых усилий доказать, что больной, молодой негр, сознательно согласился на эксперимент и что ему не причинили никаких дополнительных страданий). Он скончался в 9 часов 10 минут вечера. За эти три часа сорок минут он постоянно терял вес, по унции в час (унция – 28,35 грамма), то есть по шестидесятой части унции в минуту, так что каждые 10–15 минут мне приходилось сдвигать передвигную гирьку на рычаге, чтобы стрелка на его конце оставалась прижатой к верхней перекладине ограничительной рамки. Это мне нужно было для того, чтобы внезапное уменьшение веса (если таковое будет) оказалось наиболее наглядным и заметным. Постепенная потеря веса объяснялась высыханием слизистых оболочек в процессе дыхания, а также выделением и высыханием пота на коже.

В 9.00, когда пациент был уже при смерти, мне пришлось в последний раз сдвинуть гирьку, так что последние 10 минут стрелка находилась в постоянном контакте с верхней перекладиной ограничительной рамки. Внезапно в 9.10 пациент испустил дух. И в тот же момент, одновременно с последним движением его дыхательных мышц и с последним движением лицевых мускулов, конец рычага упал до нижней перекладины рамки и оставался там без колебаний, словно некий вес был снят с

Юрий Фролов

ДУША В НАГРУЗКУ

Можно ли взвесить душу? Положительный ответ на такой вопрос вы встретите сегодня в самых разных изданиях. Причём приводятся даже конкретные цифры, правда, в каждом случае разные. Более того, утверждается, что подобные эксперименты давно проводили. Английский физик Лен Фишер из Бристольского университета решил разобраться в этом деле. Порывшись в старой медицинской литературе и в архивах, учёный пришёл к неожиданным выводам.

койки. Чтобы вернуть стрелку в верхнюю часть рамки, пришлось добавить на весы два серебряных доллара, весивших, как оказалось, три четверти унции».

Таким образом, Макдугалл вроде бы доказал, что душа, покинувшая тело, имеет вес.

Дальнейшие действия врача показали, что он был настоящим учёным. Макдугалл попытался опровергнуть собственный вывод и найти другие объяснения странному явлению. Зная, что чувствительность его весов составляет одну десятую унции (около трёх граммов), исследователь понимал, что он что-то взвесил. Но что именно? В момент смерти, и это специально отметил экспериментатор, не произошло опорожнения ни кишечника, ни мочевого пузыря больного. Чтобы проверить, не связано ли уменьшение веса с прекращением дыхания, Макдугалл попросил одного из своих коллег лечь на весы и усиленно дышать. Но вес тела при дыхании не менялся.

Через некоторое время врачу представилась возможность повторить свой эксперимент: и на этот раз умирающий от чахотки больной полегал на унцию и 50 гранов (31,55 грамма).

В мае 1902 года Макдугалл писал своему коллеге:

«После моего предыдущего письма я имел возможность провести измерения ещё на четырёх субъектах. У одного из них в момент смерти про-

изошла потеря половины унции. У второго, который умирал от диабетической комы, отмечена потеря от трёх восьмых до половины унции. Точнее сказать невозможно, так как, к несчастью, в момент смерти весы не были точно сбалансированы. У третьего стрелка весов чётко опустилась в момент смерти примерно на три восьмых унции. Четвёртый случай дал отрицательный результат. Но пациента поместили на платформу весов всего за несколько минут до его смерти, и я не могу точно сказать, были ли весы в этот момент сбалансированы».

Затем любознательный доктор провел 15 опытов с собаками. Ни в одном случае потери веса в момент смерти не было. Макдугалл общался с приятелем: «Если твёрдо доказано, что в момент смерти челове-

ческого существа происходит явная потеря веса, не объяснимая обычными причинами, то выходит, что имеются какие-то до сих пор не известные физиологические различия между человеком и собакой (а может быть, между человеком и всеми другими формами живого)».

Макдугалл пять лет не публиковал результатов своих опытов, опасаясь, что это приведёт к взрыву возмущения большого числа верующих, да и коллег-врачей. (Сомнительные с этической точки зрения, противоречащие постулатам основных религий исследования доктора вызвали протест персонала больницы, где он проводил свои эксперименты.) Но через некоторое время сенсационная новость попала в американские газеты, и, опасаясь, что газетчики всё переврут, врач послал статьи о своих опытах сразу в два научных журнала. Статьи были написаны очень осторожно, со многими оговорками; экспериментатор подчёркивал, что число проведённых исследований слишком мало, чтобы делать окончательный вывод, что нужны дальнейшие наблюдения.

С тех пор никто не решился повторить «исследования» Макдугалла – взвешивать умирающих людей. Действительно, трудно согласиться с поведением врача, который спокойно давал бы пациенту умирать на весах, следя только за их стрелкой и не делая попыток спасти больного или хотя бы облегчить его страдания.

Такие же весы использовал Дункан Макдугалл

Но на мышах подобные опыты провёл в 30-х годах прошлого века школьный учитель физики и математики из Лос-Анджелеса Г. Лаверн Туайнинг, серьёзно интересовавшийся, хотя и на любительском уровне, многими отраслями науки и техники.

Туайнинг поставил на чашки лабораторных весов два открытых стеклянных сосуда, в каждый из них посадил живую мышь, а рядом положил на чашку кристаллы цианида калия. Уравновесив чашки весов, экспериментатор осторожно взял пинцетом цианид с одной из чашек и опустил его в сосуд с мышью. Через полминуты мышь сохла, и коромысло весов с этой стороны поднялось. Получалось, что и у мышей есть душа.

Но Туайнинг, в отличие от врачей, мог изменить условия смерти своего объекта. И он провёл жестокий опыт (сейчас бы ему этого не позволили), посадив грызуна в герметично закрытый стеклянный сосуд и дождавшись его гибели от удушья. Потери веса в этом случае не произошло. Исследователь сделал вывод: в момент смерти животное почему-то быстро теряет влагу, которая улетучивается из открытого сосуда. Но проверять данный тезис он не стал. Ведь столь же правдоподобным выглядело бы и предположение, что мышь обладает материальной душой, которая, как и влага, не может пройти сквозь стеклянные стенки герметично закрытого сосуда.

Лен Фишер вспоминает в связи с этим любопытный эпизод из истории науки.

Ещё в самом начале XIX века учёные полагали, что тепло – это особая невидимая жидкость, теплород. Английский физик Бенджамин Румфорд (1753–1814) решил его взвесить. Исследователь закупорил порознь в двух прочных металлических сосудах примерно по 250 миллилитров воды и разведённого спирта, тщательно привёл в равновесие чашки рычажных весов с драгоценным грузом и осторожно перенёс весы в неотапливаемую комнату, где стоял лёгкий морозец (-2°C). (Учёный нарочно взял сосуды побольше, чтобы вода, замёрзнув, не разорвала своё вместилище.)

Оставив здесь свою экспериментальную установку на несколько часов, Румфорд ожидал, что теплород покинет воду и та превратится в лёд, а спирт, замерзающий при более низкой температуре, останется жидким и сохранит в себе свою порцию теплорода. Если равновесие сохранится, теплород невесом, а если сосуд с замёрзшей водой полегчает, значит, теплород всё же имеет вес, рассуждал учёный.

Равновесие нарушилось, но в совершенно неожиданную сторону: вода, замёрзнув, прибавила в весе! Повторные эксперименты дали аналогичный результат. Тогда Румфорд оставил в холодной комнате пустые весы. Вдруг по какой-то причине одно плечо коромысла в условиях пониженной температуры сокращается сильнее другого, и это обстоятельство нарушает равновесие? Но весы выдержали испытание морозом, оставшись непоколебимыми.

Как можно объяснить загадочный результат опыта Румфорда?

Замерзая, вода сохраняет нулевую температуру до тех пор, пока весь объём жидкости не превратится в лёд. Это явление обусловлено так называемой скрытой теплотой кристаллизации и присуще всем веществам, способным образовывать кристаллы при охлаждении.

В отличие от воды, спирт не замёрз, а просто довольно быстро охладился до -2°C . В результате на концах коромысла образовалась разность температур. Не успевшая полностью замёрзнуть вода оказалась чуть теплее спирта. И, как следствие этого «противостояния», – возникли конвекционные токи воздуха, которые и сдвинули коромысло чувствительных весов.

По мнению Фишера, именно конвекцией воздуха над остывающими трупами объясняются результаты опытов Макдугалла и Туайнинга. Ну а эксперимент с мышью, которая

задохнулась в герметично закрытом сосуде? Его итог не противоречит вышесказанному: ведь конвекционные токи воздуха в этом случае не вышли за пределы сосуда. «Собачья» версия выглядит не столь убедительно. Фишер предполагает, что процесс остывания трупов и конвекции замедлялся из-за наличия у животных шерсти. Но неужели смелый экспериментатор клал умирающих людей голыми на весы? А ведь одежда тоже должна была бы тормозить теплообмен. Да и потеря веса происходила, судя по отчётам Макдугалла, почти мгновенно.

Так или иначе, сегодня вряд ли кому-то придёт в голову повторять подобные эксперименты не то что с людьми, но даже с мышами. Вопрос по-прежнему остаётся открытым.

Что же касается теории «тепловой жидкости», то окончательно она была отвергнута лишь через полвека после опытов Румфорда.

От редакции. К сожалению, осталось непонятно, как почтенный доктор Дункан Макдугалл пришёл к выводу, что душа материальна? Ведь хирургические операции того времени (а тем более, последующего) ничего похожего на душу в теле человека не обнаруживали. Не говоря уже о том, что мысль о нематериальном составе человеческой души есть самая естественная и очевидная? Ведь что-то же должно одухотворять тело? Не само же оно, в конце концов, становится живым! Иначе получится, что человек есть всего лишь набор разных внешних и внутренних органов, которые сами по себе ещё не делают человека человеком (ибо он есть что-то качественно другое, больше, чем просто части тела). Поэтому и вопрос об измерении веса души ставить нелепо вообще, как нелеп вопрос о весе совести или добра. Проблема здесь, видимо, состоит только в том, что в понимании таинственных явлений существует барьер, который просто так перейти невозможно, поскольку нельзя в принципе познать таинственное с помощью обыкновенного, как нельзя бесконечное познать с помощью конечного. Но если мы всё же попытаемся это сделать, то таинственное или от нас уйдёт, или мы непременно упустим какую-то важнейшую его часть. Для анализа тайны или чего-то необычайного нужен и необычайный инструмент. А какой инструмент может быть у людей для познания души? Только сама душа. Но это уже не наука, потому что наука, по словам Д. И. Менделеева, начинается там, где есть возможность вычислять. А значит, вопрос о взвешивании души отпадает сам собой.

ПОЛОТНО ДЛЯ КРЕМЛЁВСКОГО ТЕЛА

Смерть Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина, в ночь с 8 на 9 ноября 1932 года, остаётся одной из самых тёмных страниц не только в биографии самого Иосифа Виссарионовича, но и в истории советского государства. И хотя с течением времени открылись неизвестные факты, события той роковой ночи по-прежнему окутаны покровом тайны.

ЗАГАДОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

Практически весь обслуживающий персонал в квартире вождя в Кремле и на дачах состоял на службе в органах госбезопасности ОГПУ–НКВД или тесно сотрудничал с ними. Тем более когда с 1927 года охрану возглавил работник оперативного отдела Николай Сидорович Власик, руководивший этим огромным хозяйством вплоть до своей опалы в начале пятидесятых годов.

Кадры Власик подбирал лично. Экономкой в кремлёвской квартире Сталина служила Каролина Васильевна Тиль. Какое звание она носила в госбезопасности или была только доверенным лицом Отдела охраны, осталось неизвестным. Согласно официальной версии, именно она и обнаружила утром 9 ноября в одной из комнат тело Надежды Аллилуевой – жена вождя лежала в луже крови, а около её руки находился пистолет вальтер, несколько месяцев назад подаренный ей братом Павлом. Непонятно, зачем он сделал сестре такой странный подарок? Дарить женщине не духи, не отрез

материи, не какие-то драгоценности или меха, а боевое оружие? Возможно, этот подарок имел скрытый смысл, о котором мы, даже спустя семь десятков лет, не можем догадаться?

Сделаем отступление и расскажем об истории знакомства и любви Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой, которая не очень хорошо известна, и зачастую по некоторым статьям создаётся впечатление, что Надежда появилась как-то вдруг, ниоткуда, или авторы просто говорят, что она была дочерью старого большевика, хорошо знакомого Сталину.

Действительно, Сергей Яковлевич Аллилуев (1866–1945) был видным партийным работником. Большая советская энциклопедия издания 1953 года, – то есть подготовленная к печати при жизни вождя, – сообщает, что Аллилуев ещё в 1896 году вступил в тифлисскую социал-демократическую организацию, участвовал в событиях 1905–1907 годов и октябрьском перевороте 1917 года. Затем он создавал и развивал промышленные предприятия Москвы и Ленинграда.

Сталин знал Аллилуева ещё по Тифлису, а с его дочерью Надей познакомился в 1903 году, когда ей было всего два года, при романтических и трагических обстоятельствах – девочка тоннула и будущий вождь спас её. Стоит ли говорить, что после этого Иосиф всегда был желанным гостем в доме Аллилуевых? Не забудем также, что Джугашвили того периода был, по воспоминаниям хорошо знавших его людей, человеком весёлым, компанейским, с чувством юмора.

Конечно же, взрослый мужчина не мог обратить внимание на двухлетнего ребёнка. Прошло несколько лет, и Сталин женился на Екатерине Сванидзе, родившей ему сына Якова, а затем овдовел. Естественно, у Сталина возникали любовные отношения, иногда достаточно длительные, и даже во время ссылки. Но время шло, и летом переломного для России 1917 года Сталин объявился в столице империи – Санкт-Петербурге, где тогда жила семья Аллилуевых. Естественно, что Иосиф Виссарионович направился на квартиру к своему старому товарищу. Тем более что именно там намечалось провести конспиративное совещание членов ЦК партии большевиков.

В июле 1917 года состоялось как бы новое знакомство Сталина со своей будущей второй женой – Надеждой Сергеевной Аллилуевой. Очевидцы отмечали, что это была любовь с первого взгляда! Иосиф Виссарионович был на двадцать с лишним лет старше Надежды, однако молодую интересную внешне девушку это нисколько не смущало: у неё сразу возникло сильное чувство к этому грузину, который при желании умел очаровывать женщин.

Трудно сказать, как развивались между ними личные отношения. Слишком многое заслонено грандиозными политическими и социальными катаклизмами, перевернувшими не только всю Россию, но и весь мир.

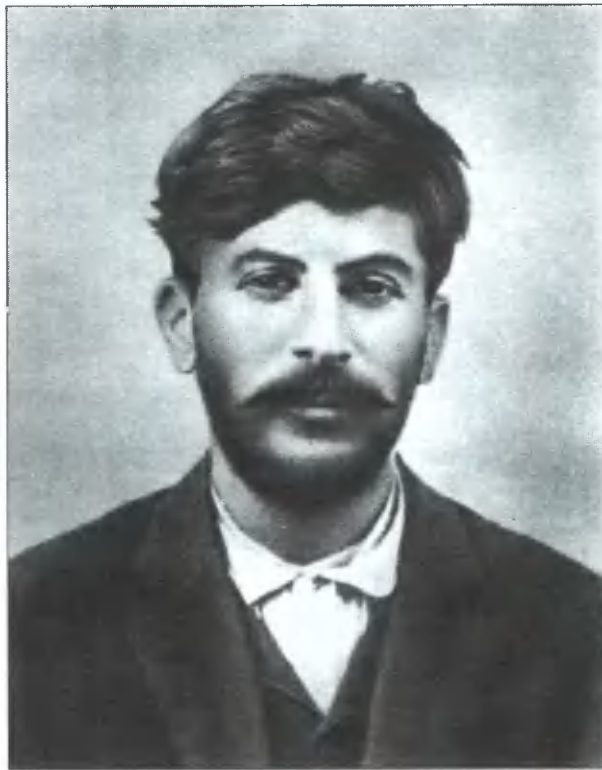
По некоторым непроверенным данным, в период гражданской войны Надежда Аллилуева находилась в действующей армии, в поезде Реввоенсовета. Вскоре она стала законной женой Сталина и, по свидетельствам близко знавших их семью людей, до последнего вздоха страстно и ревниво его любила. Надежда Сергеевна родила ему двоих детей – дочь Светлану и сына Василия. Если взглянуть со стороны, это была вполне счастливая семья. Отчего же произошла трагедия?

По версии одного из бывших сотрудников личной охраны Сталина, майора КГБ в отставке Алексея Трофимовича Рыбина, супруга вождя совершила самоубийство, основной причиной которого стали политические разногласия с мужем. Надежда Аллилуева ещё со времени проживания в Ленинграде входила в круг зиновьевской оппозиции, утверждал майор Рыбин. Её друзьями являлись Николай Бухарин и Енукидзе, которые оказывали на жену Иосифа Виссарионовича большое влияние.

По мнению бывшего охранника, неоднократно видевшего Енукидзе и Бухарина на даче в Зубалове, они вовлекали Надежду Сергеевну в политику. На этой почве она устраивала с мужем диспуты и дискуссии. После смерти видного троцкиста Иоффе Аллилуева отправилась проводить его в последний путь на кладбище вместе с Каменевым и Зиновьевым, который на похоронах произнёс совершенно крамольную с точки зрения того времени речь, направленную против Сталина, которого он прямо назвал предателем родины.

Вполне очевидно, что подобное поведение жены, её общение с оппозиционерами, попытки навязать мужу политические дискуссии не могли не вызвать недовольства Сталина.

По существовавшей долгие годы официальной версии, якобы основывавшейся на показаниях присутствовавших на банке-

Надя
Аллилуева.
1912

Молодой
Сталин

те в Кремле, посвящённом XV годовщине Октябрьской революции, товарищей К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова (Скрябина), причиной самоубийства Надежды Сергеевны послужила размолвка с мужем, который, недовольный её поведением за столом, крикнул Аллилуевой:

– Эй ты! Пей!

Застолье было в самом разгаре, а вождь никогда не терпел, чтобы кто-то за столом не пил. Хотя сам он выпивал мало и всегда оставался трезвым.

– Я тебе не «эй»! – вспыхнула Аллилуева и вышла из-за стола, покинув помещение, где проходил банкет.

После этого Сталин её больше живой не видел. На этот момент стоит обратить внимание.

Есть третья версия, по которой вождь сам застрелил жену. Она усиленно распространялась во времена Н. С. Хрущёва. Однако судить, насколько она соответствует истине, крайне трудно. Видимо, при всех своих отрицательных качествах Сталин вряд ли бы пошёл на убийство жены,

матери своих детей, женщины, которая его привлекала. Тем более на совершение убийства своими руками. Недаром же потом он часто повторял:

– Она предала меня! – видимо, имея в виду самоубийство жены, оставившей его одного с детьми.

Четвёртая версия объясняет самоубийство Надежды Сергеевны её жуткой ревностью. Сталин никогда не был святым, особенно в отношениях с понравившимися ему женщинами. Якобы в тот злосчастный вечер, предшествовавший гибели жены, вождь вовсю оказывал внимание другим дамам, в частности жене одного высокопоставленного военного. По некоторым сведениям, он даже уехал с ней на дачу.

Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях писала, что взаимоотношения между отцом и матерью осложнялись буквально на её глазах: в 1926 году Надежда даже забрала детей и уехала с ними жить к отцу в Ленинград. Якобы вождь звонил ей туда на квартиру, просил прощения, предлагал

помириться, и жена вернулась. Светлана Иосифовна замечает, что по окончании академии Надежда Сергеевна намеревалась переехать на постоянное жительство в Харьков – тогда этот город был столицей Украинской ССР – и стать независимой от мужа.

Версия с ревностью заслуживает внимания: её неожиданное подтверждение нашлось в мемуарах Серго Лаврентьевича Гегечкори-Берия, сына наркома Лаврентия Павловича Берия. В своей книге «Мой отец – Лаврентий Берия» он пишет о сестре или племяннице Лазаря Моисеевича Кагановича Розе Каганович, у которой был ребёнок от Иосифа Сталина.

«Сама она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько мне известно, нравилась Сталину», – пишет Серго Лаврентьевич, прекрасно осведомлённый о многих закулисных тайнах кремлёвского двора. – Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича».

Кстати, не только Серго Берия, но и ряд других авторов, историков и экспертов упоминают о связи Сталина с Розой Каганович. Далее сын известного наркомы продолжает:

«Ребёнка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Помню, спросил у дочери Кагановича: это твой братик? Она смутилась и не знала, что ответить».

Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Кагановича. Как сложилась его судьба после 1953 года, я не знаю. Не приходилось больше слышать и о племяннице Кагановича...»

Любая из вышеизложенных версий имеет полное право на существование, и здесь приведены только основные, без учёта множества «инвариантных» версий, на разные лады трактующих причины гибели Надежды Аллилуевой.

СЕКРЕТНОЕ ЗАДАНИЕ

Итак, утром 9 ноября 1932 года экономка Каролина Тиль обнаружила в одной из

Н.С. Аллилуева. Конец 20-х годов

комнат кремлёвской квартиры Сталина тело его жены Надежды.

Можно только представить весь ужас несчастной Тиль при виде открывшейся ей картины. Но Каролина Васильевна была перепуга-

на ещё и тем, что ей придёт-ся пойти и разбудить спавшего в комнате рядом со столовой «хозяина», чтобы сообщить ему о страшной новости. При одной мысли об этом в жилах у экономки стыла кровь: она паничес-

ки боялась Сталина, хотя и служила в его доме.

Поразмыслив, Тиль позвонила Полине, жене Молотова, и сообщила ей о случившемся. Сталин всё ещё спал.

Спустя некоторое время на квартиру вождя приехали Молотов и Ворошилов – как раз те лица, на основании показаний которых о банжете, посвящённом XV годовщине Октября, и была позднее построена официальная версия. Сам собой напрашивается вопрос: в таком случае оказался ли неожиданным звонок Полине, жене Молотова? Несколько лет спустя она окажется в лагерях. Не потому ли, что знала нечто и могла разболтать или уже не сумела удержать язык за зубами?

Молотов и Ворошилов стали свидетелями размолвки Сталина с женой, и они же первыми были вызваны связанной с госбезопасностью экономкой на квартиру. Они же первыми, разбудив Сталина, сообщили ему о трагедии.

Все очевидцы, в том числе дочь вождя Светлана Аллилуева, в один голос утверждают, что, узнав о случившемся, Сталин выглядел раздавленным свалившимся на него несчастьем. Как писала его дочь Светлана, Сталин хотел даже наложить на себя руки.

Видимо, несмотря на все измены и ссоры, он всё-таки сильно любил её и, по своему характеру, не смог простить ей самоубийства?

Тело осмотрели и увезли в морг кремлёвской больницы. Сталин долго ходил, мрачно курил, а потом спросил у Ворошилова (естественно, за точность диалога ручаться нельзя):

– У нас есть хороший, надёжный художник?

– Хороших художников много, – осторожно ответил Климент Ефремович, пытаясь угадать, куда клонит вождь.

– Ты мне как-то представлял тут одного. Помнишь?

– Герасимов, что ли? Александр Михайлович? – уточнил Ворошилов. – Как же, помню.

– Вызови его, срочно! – глухо приказал Сталин.

В начале тридцатых годов будущий академик и председатель Союза художников СССР стал в Кремле своим человеком. В конце двадцатых годов он написал бодрое личное письмо «красному военному наркому», в котором лихо отрапортовал, что создал в Подмоскovie «коммуну красных живописцев». Ворошилов, с подачи своей жены Екатерины Давидовны, стремился прослыть меценатом, культурным человеком и большим ценителем искусства. Поэтому он пригласил «красного живописца». Александр Михайлович оказался парень не промах и потихоньку стал пробираться наверх, решив стать официальным портретистом коммунистической верхушки СССР, что ему в конце концов и удалось. Во многом не без помощи Ворошилова, к которому он постоянно обращался с просьбами оказать всемерную помощь. Ворошилов помогал получить престижные и выгодные заказы, устраивать выставки, ездить за границу и даже представил художника самому Сталину! Цепкая память вождя удержала образ живописца и в нужный момент подсказала, кто может выполнить необычное поручение.

– Надо поехать в морг и написать портрет моей покойной жены, – сказал Сталин Герасимову. – Поручение срочное и секретное!

Надо полагать, будущий академик был немало озадачен подобным приказом. Возможно, он хотел спросить, почему не сделать фотографии, но не решился. Или понял, что Сталин хочет запечатлеть образ живой Надежды Сергеевны? В любом случае, от того, насколько удастся увидеть вождю, зависела и карьера, и вся дальнейшая жизнь Александра Михайловича.

Работу над портретом живописец вёл всю ночь перед похоронами. Приходилось торопиться, чтобы успеть, поскольку время поджимало и ещё гнал страх перед всемогущим вождём: вдру-

картина придётся ему не по душе? И что тогда? Проститься с положением придворного живописца, которого добился с превеликим трудом?

Работу художник закончил в срок, однако беспокоить самого вождя в скорбный час не осмелился. Не решился Герасимов обратиться и к Ворошилову, тоже занятому похоронами жены. Александр Михайлович отнёс картину в свою мастерскую и там спрятал за другими полотнами.

СУДЬБА РОКОВОГО ПОРТРЕТА

По словам Светланы Аллилуевой, разбирая бумаги жены, Сталин обнаружил в них какое-то письмо, свидетельствовавшее, что Надежда Сергеевна примыкала к оппозиции тех лет, сложившейся в противовес политике самого Сталина. Возможно, это так, возможно, нет – теперь установить просто не удастся хотя бы за давностью лет и отсутствием того пресловутого документа. Да и существовал ли он, не очередная ли это версия, созданная для правдоподобного объяснения поведения Иосифа Виссарионовича у гроба жены?

Когда устроили прощание с Надеждой Сергеевной и Сталин пришёл со всеми вместе проститься с женой, то, подойдя к её гробу, он, неожиданно для остальных, на мгновение задержав взгляд на лице покойницы, вдруг оттолкнул от себя гроб с её телом обеими руками и быстро ушёл.

Хоронить жену вождь на Новодевичье кладбище тоже не поехал. Причины никому не объяснял, а спросить никто не решился. До конца жизни он так ни разу и не побывал на её могиле, словно забыл о ней.

Однако забыл ли Иосиф Виссарионович свою любовь и мать своих детей? Даже имея прекрасных любовниц, вычеркнул ли он Аллилуеву из своего сердца и памяти?

О картине вождь не вспоминал, а напомнить ему не решались ни Герасимов, ни посвящённый в тайну сде-

Надежда Аллилуева. Барельеф

ланного в морге портрета Ворошилов. Герасимов тайно хранил портрет Аллилуевой в своей мастерской и жутко боялся, что он может случайно попасться кому-то на глаза – всё-таки у него бывали натурщицы, приходили разные люди. Об этом он не хотел даже думать, но думать приходилось: времена становились опасными, а рисковать собственной головой Герасимову не хотелось.

Поразмыслив, он решил написать письмо Ворошилову. И не только написать письмо, а надёжно запечатать портрет Аллилуевой и послать эту «бомбу» нарком: он друг Сталина, пусть сам и разбирается. Для него это куда безопасней, чем для художника.

В сопроводительном письме Герасимов извинялся за беспокойство и просил принять портрет Аллилуевой, так как считал, что

ему хранить у себя картину далее просто невозможно. При этом Александр Михайлович осторожно и благоразумно подсказывал Ворошилову мысль, что, возможно, лучше вообще не посвящать Сталина в эти дела, не напоминать ему о портрете. Вдруг вождь найдёт в нём нечто несурзное? Художник боялся за себя и торопливо оправдывался, что работать ему пришлось второпях и в нервной обстановке. А затем просил всё же постараться сохранить написанный им портрет жены вождя как «исторический документ».

Письмо и «подарок» Ворошилов получил в конце февраля 1934 года. Мысль живописца ничего не сообщать вождю и не показывать ему портрет была им понята – «подарок» Герасимова жёг руки и стоило его побыстрее куда-нибудь спрятать. Но, упаси Бог, не

уничтожать! Вождь мог в любой момент вспомнить о картине. Нет, лучше не дёргать тигра за усы, как говорят китайцы.

– Картину пристроить в какой-нибудь музей, а Герасимову надо бы заплатить за работу, – сказал своему доверенному адъютанту Хмельницкому нарком. – Ты там договорись с кем следует, а я напишу на письме резолюцию.

Хмельницкий сделал всё в лучшем виде: картина исчезла, словно в омут канула – куда её пристроили, в какие записники, осталось неизвестным.

Однако это не конец истории портрета. Как оказалось, Иосиф Виссарионович не забыл о своей жене. В последние два-три года жизни он часто говорил о Надежде Сергеевне, и, по свидетельству бывшего помощника коменданта «ближней» кунцевской дачи Петра Васильевича Лозгачёва, на стене столовой в один из дней появился написанный маслом портрет Аллилуевой. Надо полагать, Сталин вспомнил о работе Герасимова и приказал разыскать картину. В то время были живы и Ворошилов, и академик живописи Герасимов.

Как вспоминали работники кунцевской дачи, Сталин иногда подолгу задерживался перед портретом жены, молча стоял перед ним, беззвучно шевеля губами. О чём он думал в эти моменты? Или, возможно, возносил Богу молитвы, которые заучил наизусть ещё в детстве и юности? Вождь ведь понимал, что ему скоро предстоит встреча с женой в ином мире: ну, через год, два, пусть даже через пять или десять лет, – точной даты никто не может знать!

Умер Сталин в начале марта 1953 года. Обслуживающий персонал его любимой «ближней» дачи раскидали по разным «объектам» правительственного назначения. Многие из прежней обстановки просто исчезло в мрачных недрах МГБ и в том числе портрет Надежды Аллилуевой.

ПАРШУМАХЕРЫ ИЗ ЧАЩИ

**Кто заплетает косички в гривах лошадей?
Этот вопрос давно интересовал исследователей,
но только в последние годы они сумели дать ответ на него.**

Косички лошадей
в Азербайджане.
Ленинградский район.

В ноябре 2005 года к нам по Интернету обратилась тридцатилетняя американка из штата Миссури Чанда МакКрэри. На ферме её подруги Мари, расположенной на дороге со странным названием Заплетал (так и пишется – английскими буквами, а слово, похоже, русское) кто-то по ночам... заплетает косички в гривах лошадей! Привожу одно из её писем почти дословно:

«У кобылы по кличке Сюзи в октябре 2005 года стали появляться в гриве самые настоящие косички. Её хозяйка Мари тратила много времени, чтобы расчесать гриву: смазывала её особым маслом, применяла разные расчёски с крупными зубьями. Но стоило выгнать кобылу на свободный выпас, как у неё вновь появлялись косички. Тогда Мари решила выяснить, кто заплетает гриву кобыле, и стала следить за ней. Я ей помогала в этом. А для сравнения даже заплела в гриве свою косичку.

И вот однажды мне удалось заметить мелькающую в кустах тёмную фигуру двуногого: это был сасквач (такое название снежных людей, наряду с бигфут, используется в Северной Америке. – И. Б.)! Я слышала его тяжёлые шаги и даже увидела позже его следы на земле – следы бо-

рых человеческих ног огромного размера. А у некоторых деревьев рядом с тем местом были согнуты или сломаны крупные ветви на высоте, превышающей мой рост».

По нашему совету Чанда связалась с Дженис Картер из штата Теннесси. Дженис рассказала Чанде, что подобные косички действительно плетут бигфуты. Другой исследователь (из США) сообщил ей, что наблюдал подобное явление в штате Кентукки. Так что теперь мы знаем по крайней мере три штата, где появляются косички в гривах лошадей. Кстати, нам сообщали также из Техаса о косичках, которые появляются в гриве... ламы!

Чанда напишет позже: «Раньше я никогда не видела подобных косичек, а когда попыталась воспроизвести одну, то у меня ничего не получилось. Косичка состоит обычно из прядей, которые предварительно скручены в жгуты и потом крепко сплетены. Сама я была до этого знакома с разными видами косичек, которые плетут девушки, и тоже умею заплетать их по-разному, но таких видеть не приходилось. И не знаю, для чего их плетут бигфуты. Как я теперь узнала, и на юге России происходят подобные явления».

Почему Чанда обратилась к нам? Ещё в начале 70-х годов я тоже стол-

кнулся с подобным явлением в Талышских горах на юге Азербайджана, и Чанда узнала об этом. Местные жители в Талыше тогда утверждали, что косички в гривах кобыл заплетают гулейбаны – дикие лесные люди. Хозяева лошадей не возражали против того, чтобы я срезал образцы, и я собрал их около сорока. Несколько летних сезонов я пытался разгадать, как они возникают. Но так и не смог. Хотя у одной из кобыл, за которой я неотрывно наблюдал в течение трёх ночей, косичка образовалась сама собой.

Свидетельства о пристрастии этих полуполюгендарных существ к лошадям имеют давнюю историю и распространены не только на Кавказе. Косички заплетал и русский домовый, и английский гоблин, и кабардинский алмасты. Луи Синистрари, профессор философии и теологии, юрисконсульт Верховного трибунала Святой инквизиции в Риме, написал в XVII веке трактат «Отношение к демонам, и о животных "инкубах" и "суккубах"», где доказывается, что на земле существуют разумные создания, отличные от человека, имеющие, как и он, тело и душу, как и он, рождающиеся и умирающие». Трактат этот был написан для того, чтобы суды отличали связь с демонами от связи с названными существами, не причисляемыми автором к сверхъестественной силе. Синистрари пишет: «Он, инкуб, пристаёт к кобылам. Если они послушны его желаниям, он окружает их заботой, заплетает им гриву во множество узлов, которые нельзя распутать; но если они сопротивляются, он мучает и бьёт их, нагоняет на них сап и, наконец, убивает, о чём свидетельствует повседневно практика».

Исследователь животного мира Игорь Акимушкин в своё время утверждал, что эти косички запутывает ласка, маленький хищный зверёк, который распространён по всей России. Зоолог П. А. Мантейфель описал в книге «Рассказы натуралиста», как ласка в поисках соли взбирается на лошадь и вылизывает соль с шеи, одновременно запутывая и заплетая ей гриву. Многие коневоды тоже уверены, что гриву заплетает ласка. Такое мнение стало общепринятым.

Но одного взгляда на «наши» косички было достаточно, чтобы отказаться от идеи об авторстве ласки. Косички представляли собой скорее петли, сплетённые из скрученных жгутов, причём начиная с середины длины прядей и до конца их. Кроме того, сплетённые пряди, как правило, ещё и завязаны узлами. Образовавшуюся петлю невозможно разорвать даже большим усилием.

Помню, мы тогда показывали ко-

сички зоологам Н. Ф. Мадьярной, В. Е. Флинту, зоопсихологу Курту Эрнестовичу Фабри. Все они категорически отвергли авторство ласки в заплетании косичек. Это мнение поддержал и потомственный коневод Николай Самовалов из Подмосквья.

И тогда я продолжил наблюдение за пасущимися на воле лошадьми на землях Ленкоранского района в Азербайджане. Однажды, когда я заметил в гриве одной из них намечающуюся косичку, я стал наблюдать по ночам именно эту лошадь, вооружившись ночным стрелковым прицелом, предоставленным тамошними пограничниками.

И что же я увидел? Первое: косичка начинает заплетаться снизу, с концов волос, а не от основания. Весь процесс длился трое суток: вначале это была маленькая косичка на конце волос гривы; на другой день косичка увеличилась, а пряди, ещё не заплетённые, оказались скрученными. На третий день я увидел вполне сформировавшуюся косу, но всё же плетение не дошло до основания волос, на половину их длины косичка осталась незаплетённой. Больше коса не увеличивалась. Образовалась как бы петля, оканчивавшаяся косой. Рассмотрев её, я увидел, что на кончике волос прилепился комочек глины, который скрепил пряди между собой. А ведь к кобыле никто не подходил! Стал думать...

После ночного наблюдения сидел в каком-то вагончике на железной сетке кровати, ел арбуз и размышлял. И вдруг меня осенило! Я отрезал от чехла армейского прицела три длинных тесёмки, привязал их к спинке кровати, другие концы всех трёх тесёмок связал вместе в узел и стал пропускать этот узел в промежутки между тесёмками – то в левый, то в правый. На глазах стала образовываться коса, причём она росла от нижних концов тесёмки! Что и требовалось доказать...

Тогда я решил, что косичка образуется сама собой. Когда лошадь машет головой, отгоняя мух, мошек и слепней – а она это делает тысячу раз на дню, – то комочек глины, скрепивший концы прядей, начинает подсакивать и иногда попадать в промежуток между двумя прядями. В другой раз она может попасть в другой промежуток, хотя бывает, что и два-три раза в один промежуток, потому коса неровная, грубая, но всё же – коса. Поняв это, я тут же собрал свои вещи и уехал из тех мест, «закрыв» тему косичек. И, как позже понял, зря.

В августе 1991 года харьковский биолог Григорий Панченко собирал сведения о кавказском гоминоиде (алмасты) в Кабардино-Балкарии. Местные жители рассказали ему, что

в урочище Куруко алмасты плетёт косички в гриве кобылы, принадлежащей сторожу совхозного амбара. Панченко отправился в Куруко. Сторож разрешил биологу ночевать в амбаре, где на ночь оставалась кобыла, у которой наутро появлялись косички. Дверь амбара запиралась, но, по словам сторожа, алмасты проникал в амбар через окно, в котором не было стекла. Григорий спрятавшись в амбаре под кушеткой, накрытой одеялом. Поскольку он очень устал после длительного похода в горах с тяжёлым рюкзаком на плечах, то сразу уснул. Проснувшись среди ночи, он отодвинул краешек одеяла и увидел в полумраке, что рядом с лошадью, стоявшей у яслей с кормом, находится некто сутулый, без одежды, волосатый. Он издавал странные, почти птичьи щебечущие звуки, чмокал и глотал слюну. Через некоторое время этот некто, видно, почуяв присутствие человека, отошёл от лошади и двойным прыжком, на какой не был бы способен человек, прыгнул и оказался в проёме окна). Панченко стало ясно, что это был не человек, а алмасты. Тот выпрыгнул наружу и больше не появлялся. Утром Григорий обнаружил в гриве лошади косички, которых там не было вечером.

Так гоминологи убедились, что косички в гривах лошадей имеют двойное происхождение – самопроизвольное, какое я наблюдал на Талыше, и искусственное, от рук алмасты.

Письмо из штата Миссури вернуло меня к этой проблеме: там тоже кто-то заплетает косички в гривах. Собственно, не кто-то: тамошние наблюдатели определённо знают, что это бигфуты, или сасквачи!

По моей просьбе Чанда прислала фотографии косичек. Поразительно, как они похожи на наши!

А вот что написала в ответ на наш запрос сама хозяйка кобылы Мари:

«Раньше, когда я не знала, кто заплетал косички в гриве Сюзи, я тратила много времени на их распутывание. Но они вновь появлялись на другой или третий день. Теперь, когда я знаю, что это делают сасквачи, я перестала расплетать косички. Но это стали делать сами сасквачи: они расплетают старые косички и на их месте заплетают новые, повторяя это вновь и вновь. Причём, как правило, ближе к голове они плетут большие косички, захватывая толстые пряди волос. А ближе к холке заплетают тонкие и довольно красивые, часто перевивая их в петли и восьмёрки.

Я не замечала, чтобы поведение кобылы сильно менялось после подобного внимания сасквачей. Но иногда её дыхание пахнет очень скверно, и это напоминает запах какой-то мас-

Чанда Мандипани

Косички, заплетённые бигфутами

сы жёлтого цвета, которой однажды они намазали ей морду под ноздрями. Это было, когда мы обнаружили её под большим кедром в одурманённом состоянии, а вокруг было много огромных следов ног сасквачей.

Мои попытки снять этих существ автоматической инфракрасной камерой пока ни к чему не привели: эти существа, похоже, чувствуют излучение и всячески обходят поле обзора камеры».

В своё время высказывались различные версии о назначении косичек, вплоть до того, что с их помощью алмасты удерживают кобылу, чтобы сосать у неё молоко. Но наши американские коллеги убеждены, что бигфуты заплетают их просто для украшения. Глядя на причудливо переплетённые пряди в гриве кобылы Сюзи, поневоле соглашаешься с выводом наблюдателей...

Сергей Васильев

ВИКТОРИЯ СЕРЕБРЯНОЙ ЧЕКАНКИ

Победу России в Отечественной войне 1812 года над сильнейшей в мире армией Наполеона многие считали Божьим чудом, сотворённым руками людей. Эта идея нашла оригинальное воплощение в единственной в своём роде награде, учреждённой для увековечения подвига народа.

На Руси издавна существовала традиция по завершении успешных войн или отдельных крупных сражений награждать памятными знаками всех участников боевых действий. В послепетровскую эпоху эта традиция была забыта.

И вот в тот момент, когда изгнание «двунадесяти языков» стало реальностью, Александр I и его окружение принимают беспрецедентное решение: учредить для непосредственных участников Отечественной войны без различия чинов, должностного положения и степени личных заслуг единую боевую награду в виде серебряной медали, носимой на ленте высшего и старейшего русского ордена св. Андрея Первозванного.

5 февраля 1813 года император подписал приказ, в котором говорилось: «Воины! В ознаменование... незабвенных подвигов ваших, повелели Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшего столь достопамятного 1812 года долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый щит Отечества – грудь вашу... Вы по справедливости можете гордиться сим знаком». Через два дня фельдмаршал Кутузов объявил императорский приказ войскам.

А 16 марта 1813 года царь в рескрипте министру финансов Д. А. Гурьеву сообщил об учреждении медали: «Доставляя вам рисунок медалям таковым, на одной стороне коих долж-

но быть изображено око провидения и достолавный 1812 год, а на другой портрет мой».

К рескрипту прилагался примитивно выполненный карандашом эскиз проектного рисунка медали с изображением всевидящего ока и довольно немудело расположенной надписи «1812 ГОДЪ». Как полагают, идея рисунка принадлежала самому государю, а выполнил его кто-то из приближённых.

Было решено изготовить пробные экземпляры медали. 11 апреля 1813 года Д. А. Гурьев отправил царю два из них, а также скреплённые своей подписью проектные рисунки к ним.

Александр I рассмотрел новый вариант награды 29 мая 1813 года и одобрил его, наложив резолюцию: «Быть по сему». При этом император внёс изменение в рисунок, поместив на оборотной стороне медали вместо собственного портрета надпись: «НЕ НАМ, НЕ НАМ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ».

В результате такой «корректур» аверс и реверс памятного знака поменялись местами. Сторона с портретом или вензелем монаршей особы всегда являлась лицевой, но теперь главным элементом награды стало изображение ока провидения и дата «1812 ГОДЪ».

Символ божественной вездесущности – око провидения, или всевидящее око – получил известность в России в начале XVIII века. Его помещали на боевых знамёнах и памятных медалях. Но появление этой христианской эмблемы на лицевой стороне

награды, посвящённой Отечественной войне 1812 года, было не только данью традиции.

В ходе борьбы с иноземными захватчиками русский народ почувствовал свою силу. Крестьяне в солдатских шинелях надеялись, что, проливая кровь за Отечество, заслужили освобождение от крепостной зависимости. Кроме того, во время заграничных походов русской армии они увидели, как живут люди в буржуазно-демократической Европе. И такие «уроки свободы» получили не только нижние чины. Первые русские дворяне-революционеры – декабристы называли себя «детьми двенадцатого года».

Перед лицом новых общественных настроений правительственные круги искали идейную опору в христианской догматике, проповедующей терпение, смирение и скромность. Образ ока провидения пришёлся тут как нельзя кстати. Он словно говорил, что чудо освобождения России от «антихриста» Наполеона сотворил Господь, а люди были лишь простыми исполнителями его воли.

Создатели медали понимали, что награждение сотен тысяч представителей «чёрной кости» повысит у них чувство собственного достоинства. Чтобы простолюдины «не впали в гордыню» и «знали своё место», внешний вид награды призван был внушать смирение и покорность.

Всевидящему оку на лицевой стороне медали прекрасно «ассисти-

рвала» надпись на оборотной: «НЕ НАМ, НЕ НАМ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ». Эти слова – усечённая цитата из Библии (девятый стих 113-го псалма царя Давида): «Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей». Они были девизом рыцарского ордена тамплиеров, который Павел I помещал на оборотной стороне золотых и серебряных монет, а также на знамёнах и штандартах гвардейских полков.

Слово Божие, как и всевидящее око, напоминало награждённым, что сражались они не ради земных благ, а во славу Господа, направлявшего «христово воинство». «Идейная» сторона медали нашла выражение в пространном и витиеватом императорском манифесте от 1 января 1816 года, подводившем итог многолетней борьбы с Наполеоном: «...исполнительная власть, угрожавшая поглотить весь свет, падает без восстания во едино лето, и Российские, как бы крылатые воины, из под стен Москвы, с оком Провидения на груди и со Крестом в сердце, являются под стенами злочестивого Парижа...»

Одной из причин, побудивших Александра I выбрать око провидения в качестве главного элемента медали, стало, возможно, широкое распространение этой эмблемы в католической символической. Предвидя военные действия в Западной Европе, в том числе и во Франции, создатели медали стремились поместить на ней такое изображение, которое без пояснений было бы понятно возможно большому числу европейцев и говорило бы им о мессианской роли русской армии.

Правда, многим нижним чинам русской армии смысл изображения и текста, помещённых на медали, был не очень ясен. Известен курьёзный случай, когда солдаты, рассматривая полученную награду, истолковали око провидения... как признание заслуг Кутузова, говоря: «Надпись “не нам, не нам...” мы знаем, она ещё при государе Павле Петровиче была на рублях, а вот уж за глаз спасибо! Ведь это в память покойного фельдмаршала: у него, у батюшки, один глаз был, да он им более видел, нежели иной двумя».

Чеканка медалей из установленного «на первый случай» сотысячного тиража началась на Монетном дворе в Петербурге в июне 1813 года.

30 августа 1814 года была учреждена аналогичная бронзовая медаль для награждения дворян, а также купцов, которые во время войны «принесли отличные и важные заслуги» Отечеству. Следует сказать, что хотя серебряные и бронзовые медали, вероятно, чеканились одними и теми же штем-

пелями, однако, по сути, это были совершенно разные награды. И не только потому, что они изготавливались из разных металлов и носились на разных лентах: серебряная – на андреевской, бронзовая для дворян – на владимирской, а для купцов – на анненской. Прежде всего эти памятные знаки имели разные статуты. Лишь серебряная медаль являлась боевой.

8 февраля 1816 года последовал указ, дозволявший женщинам носить бронзовые медали в память 1812 года уменьшенного размера. Таких наград диаметром около 24 миллиметров было отчеканено 7606 штук. Выдавались они вдовам офицеров, а также дамам, которые ухаживали за ранеными или делали пожертвования в пользу раненых и увечных воинов. Носили этот памятный знак на узкой ленте: дворянки – на владимирской, прочие – на анненской.

Несмотря на непритязательный вид, «медаль двенадцатого года» пользовалась большой популярностью. Разные по величине – вплоть до франчных от 18 до 9 миллиметров – такие награды во множестве изготавливались частными мастерами. Подобные «самоделки» отличались друг от друга не только размерами, но и формой всевидящего ока, его размещением на поле медали, а также шрифтами надписей, шириной ободка и т. д. Чеканились они из серебра, бронзы, латуни, а для состоятельных людей и из золота.

Дабы воспрепятствовать появлению новых «двойников» государственной награды, 11 сентября 1814 года последовал указ «О запрещении делать медали помимо Монетного двора». В нем отмечалось, что «...разного рода медали выходят в продажу от мастеров золотых и серебряных дел... а через то могут те медали приобретать лица, которым носить их не следует...» Предписывалось через полицию объявить мастерам, чтобы они «оных медалей... из какого бы то ни было металла, ни вытеснением штемпелями, ни вырезыванием от руки, ни чеканкою не делали и не продавали, под опасением строжайшего взыскания...»

Со временем у славной награды появились и «потомки». Так, оборотная сторона медали в честь русско-турецкой войны 1877–1878 годов полностью повторяет реверс медали 1812 года. Новым элементом здесь является лишь лавровый венок, обрамляющий библейский текст.

Памятный знак, посвящённый русско-японской войне 1904–1905 годов, имеет лицевую сторону, аналогичную изначальному образцу, естественно, с заменой дат событий.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОСТРОВ

В сельской округе в окрестностях Варрингтона ходит много толков о вещих снах одного юноши. Прошлой весной он заболел ревматизмом. Стремительно развившаяся болезнь не только лишила его возможности двигаться, но и ослабила рассудок. В этом состоянии парень трижды по пятницам видел сон, в котором кто-то убеждал его поехать на остров Арран. Родители, люди весьма состоятельные, горячо любившие своего сына и даже не слышавшие о таком острове, а тем более о том, где он находится, решили выполнить настойчивую просьбу больного. Его повезли морем из Ливерпуля. Когда корабль вошёл в Галлоуэйский залив, началась сильная качка. Юноша страдал так же, как и другие пассажиры. Однако, к удивлению и радости родителей, морская болезнь оказалась на него благотворное действие. В нём всё более пробуждался рассудок. Уже на острове, снова впав в полубессознательное состояние, молодой человек потребовал, чтобы ему приложили ко лбу какую-то местную траву, что и было исполнено. Рассудок к юноше вернулся окончательно, но ноги повиновались плохо. Ему снова привиделось, что надо обложить их какими-то водорослями. После нескольких обёртываний он стал вставать. Теперь он ждёт следующих видений, надеясь, что в конце концов его здоровье возвратится к норме.

«Globe», 1892

ВИДЕНИЕ И СЛЫШАНИЕ ЗА 1000 МИЛЬ

У меня на лечении гипнозом находилась в течение нескольких месяцев одна почтенная дама по фамилии Норманн, страдающая мигренью. Постепенно болезнь оставила её, но удивительным результатом воздействия гипноза стало её ясновидение и яснослышание. Дама жила в Вашингтоне, я во время описываемых далее явлений находился в Чикаго. Наша непосредственная связь была прервана на несколько недель. Каково же было моё удивление, когда после встречи Норманн передала свои записи, сделанные специально для меня! Привожу только наиболее любопытные выдержки.

«В течение последнего времени вы три раза посетили меня в вашем “астральном теле”. 23-го июля вечером, когда я сидела у окна, я явственно услышала ваш голос и увидела рядом с собой вашего двойника. “Я в Чикаго, гошу у сестры моей Фландер”, – сказал мне голос. Потом я увидела вас среди многочисленной группы и задала вопрос, где вы. “О, это небольшой вечер, который сестра устроила в мою честь”. Тогда я, немало удивлённая происходящим, спросила о двух господах, присутствующих на вечере. “Это профессор Уэльш Родней и доктор Гакнет Стивенсон”, – ответили вы, и потом ваш образ исчез. Было двадцать минут одиннадцатого».

Всё соответствовало действительности, однако я не помню, чтобы я мысленно разговаривал с дамой. Я даже не думал о ней. Необыкновенный этот случай не просто удивил, он потряс меня.

Профессор Элиот Ю
«Sphinx», 1888

Владимир
Корочанцев

ГРОМОВЕРЖЕЦ НА ТРИБУНЕ

**Африканский футбол
полон больших и малых тайн,
не зная которые
трудно понять и саму Африку...**

Рисунки Михаила Петрова

ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ!

Иногда сидишь на трибуне, восхищаешься техникой, проворством и меткими ударами нападающих, лихими бросками вратарей, а болельщики противоположной команды косятся на тебя. Один из камерунских фанов или тиффози, как по-иностранному выражаются нынче в России, прямо ошарашил меня однажды своим упреком, наблюдая, как я восторгался игрой вратаря одной из яундских команд:

— Владимир, ты вроде бы, как мне казалось, футбол любишь, а вот в тонкостях его не ахти как разбираешься. Голкипер у них самый что ни на есть посредственный, а вот колдун — блестящий. Он вовремя подсказывает, в какой угол летит мяч, тормозит его полёт, отклоняет удар противника в сторону, а остальное — дело техники: никакого проворства и ловкости не нужно. Даже ты такой удар если не возьмёшь, то отразишь.

Наверное, чтобы сделать приятное друзьям, с тех пор я начал интересоваться не только именем тренера, но и личностью знахаря — из какой он деревни и какой у него стаж игры в футбол. В каждой стране Чёрной Африки есть что-то подобное.

В октябре 2004 года две команды высшей лиги в Танзании, «Симба» и «Янга», встретились в ответственном матче. Тренеры поставили перед ними в раздевалке одинаковую задачу: победа или смерть. Незадолго до свистка к началу игры футболисты «Симбы» рассыпали на поле какой-то странный порошок и разбили яйца, а мастера из «Янги» пытались превозмочь вражье колдовство, мочась

(извините!) на заколдованный газон. Большинство футболистов «Симбы» вышли на поле спиной к нему — и всем сразу стало ясно, что они серьёзнейшим образом настроены на борьбу. Весьма упорная, напряжённая, бескомпромиссная игра закончилась вничью: 2:2. Оба колдуна и их подопечные оказались на высоте. Тем не менее после игры Футбольная федерация Танзании (ФФТ) оштрафовала оба коллектива за применение колдовских ритуалов джу-джу, то есть за обращение к потусторонним силам. И право же, разве футбол нуждается в такой протекции?

Но подобные древности распространены в Танзании. Сомалиец Исса Абшир Аден, гоняющий мяч за «Симбу», говорит, что ему порой не разрешают входить в раздевалку, когда там совершаются обряды.

— В танзанийском футболе верят во многие вещи, — ограничивается кратким замечанием этот профессиональный игрок.

Несмотря на попытки покончить с колдовством, руководители клубов говорят, что влиятельные болельщики оказывают на них давление, чтобы принять помощь кудесников. А те из них, кто проявляет принципиальность, даже теряют работу. Так, генеральному секретарю «Симбы» Кассиму Девджи было указано на дверь в июне 2004 года после безуспешных попыток отвадить колдунов.

— Если бы вы посмотрели на мой послужной список... — жалуется он. — Я выиграл восемь трофеев, поскольку верил в тренеров. Я истратил много денег, покупая для команды хороших игроков. Именно поэтому команда играла успешно. Но существовала клика людей, которые

всячески противодействовали мне, потому что я не верил в их волшебство.

Девджи также утверждает, что руководители клубов твёрдо убеждены, что победы в матчах – результат колдовства, и они используют этот предрассудок, чтобы делать деньги.

Колдуны получают за свои услуги значительные гонорары. Есть один маленький секрет: деньги, вкладываемые в магию, обычно не включаются в бухгалтерию клуба, и вроде бы его руководитель кладёт себе в карман по пять тысяч долларов за каждый матч, якобы предназначенные на оплату услуг бывалых чародеев.

В местную прессу также просочились сообщения о том, что танзанийская национальная команда выделила средства, которые позволили бы членам сборной лично оплатить услуги многоопытных магов.

В сентябре бывший генеральный секретарь Футбольной федерации Танзании Мвина Кадугуда выступил с сенсационным утверждением, что колдовство не сводится к матчам между клубами. По его словам, федерация заплатила за то, чтобы колдуны приехали в Найроби для обслуживания отборочного матча на Кубок мира против Кении за счёт командированных спортсменов. Однако их выезд оказался бесплодным для «Тайфа старз» – они вылетели в трубу со счётом 0:3.

– Их мрачное, безрадостное выступление – следствие ворчания и недовольства игроков, которым не заплатили за игру, – сказал Мвина Кадугуда.

ФФТ уже объявила, что принимаются только услуги бескорыстных, добровольных колдунов.

– Если знахарь или колдун предлагает нам свои услуги, мы прямо говорим ему: «Валяй, делай, потому что работаешь на национальное дело, на национальную команду. Это твоя команда, но никто не собирается платить тебе».

Наверное, это мудрый ход, потому что пока танзанийские футболисты не могут противостоять даже своим восточноафриканским соседям.

По мнению бывшего тренера национальной команды Чарльза Мвисы, колдовство очень часто мешает показывать хорошую игру, так как расхолаживает футболистов, рождает у них ложное чувство уверенности и безопасности. Самонадеянным и самоуверенным нечего ждать победы.

– Футболисты играли бы лучше, если бы сосредоточились на тренировках и не возлагали главную надежду на джу-дзу (амулет, талисман), – указывает он.

СПЕЦИАЛИСТЫ ПО МОЛНИЯМ

– Добиться победы в матче можно самыми различными способами, – сказал мне один известный камерунский маг.

В его правоте убедил случай в Демократической Республике Конго (тогда Заир).

...Футбольный матч в Басанге напоминал битву гладиаторов. Счёт был ничейный – 1:1, время почти истекло. Толпа редела. Напряжение последних минут достигло максимума, и накал на стадионе словно бы передался небу – оно нахмурилось, стало урчать, над полем быстро сгустились тучи, предвещая близкую бурю. И всего несколько минут спустя все игроки одной команды лежали на траве либо замертво, либо при смерти. Их тела обуглила молния, ударившая выборочно – только по спорт-

сменам одной-единственной команды. Невероятно, но факт: стоявших рядом соперников она не тронула.

В этом городке в восточной области Конго Касаи от ожогов пострадали 30 болельщиков. Врачи и санитары ещё не вынесли всех потерпевших, а в толпе уже мрачно шушукались о кознях недобрых колдунов. Кто-то явно напустил чары на несчастную команду, были убеждены болельщики...

«Понимание подлинной природы молнии и обрушившейся беды раскололо население этого района, который славится применением всякого рода фетишей и талисманов в футболе, – писала несколько дней спустя, в ноябре 1998 года, областная ежедневная газета «Авенир». – А если говорить без недомолвок, начистоту, то жители Касаи во всём Конго славятся как «специалисты по молниям»».

Однако страх, что кто-то может употребить молнию, чтобы покарать – убить или покалечить – своих врагов, существует не только в Центральной Африке. И удивительное совпадение – за неделю до этой трагедии во время захватывающей игры на стадионе Джорджа Гоча в Йоханнесбурге девять футболистов клубов «Джомо Космос» и «Морока Своллоуз» были ранены ударом молнии. Причём пострадали восемь лучших бомбардиров команды «Своллоуз» и один игрок «Космоса» – Эндрю Рабутла. «Космос» вёл со счётом 2:0, когда в ход матча вмешалась молния, но это не остановило злые языки, утверждавшие, что лично президент клуба «Космос» Джомо Соно несёт ответственность за мистическое действие природы.

Все игроки остались живы, но были потрясены случившимся, и ни один из них не исключил прямой причастности колдунов. Более того, звезда «Своллоуз», полузащитник Джекония Сиби, даже приостановил тренировки в составе команды до проведения консультаций с личным иньянгой (знахарем), хотя после инцидента его осматривал врач. Джекония заявил, что чувствует себя не совсем хорошо и, возможно, окончательно не оправится до тех пор, пока иньянга не закончит курс его лечения.

– Мой иньянга говорит, что внутри меня он обнаружил что-то непонятное, подлежащее изъятию и устранению, прежде чем я вновь выйду на поле, – объяснил суверенный 22-летний футболист. Сразу после злосчастной грозы он успешно сдал письменный экзамен в высшей школе в Джабулани.

– Я не очень хорошо написал сочинение, поскольку ощущал головокружение и крайнее утомление, – признаётся он. – Мне обязательно станет лучше, как только иньянга удалит странную штуку из моего организма.

Джекониа утверждает, что в день нападения молнии он ощущал какое-то жжение на левой руке. Потом его стрельнуло в голову.

– Я не мог понять, что творится. Это было ужасно, – жалуетсся он, добавляя, что отныне он не согласится играть в дождь.

– Теперь я просто уйду с поля, как только хлынет ливень, – фрондирует футболист.

Выступающий за «Своллоуз» игрок сборной Бурунди Хилали Шабани утверждает, что это не первый его горький опыт с молниями. Один из его друзей и партнёров по команде однажды уже был сражён огненной стрелой, когда в 1991 году они выступали за бурундийский клуб «Интер Стар».

– Десять минут – и его не стало, – рассказывает Хилали. – Такое часто случается в Бурунди. Облако может нависнуть над вашим домом в момент, когда ясно и солнечно над соседской хижинкой. Как это происходит? Очень просто! Люди загодя указывают какому-нибудь дошлому иньянге своих врагов. Маг же хладнокровно произносит: «Деньги на бочку и уходите, остальное – моё дело». Не успеют они добраться до дома – и их недруги будут поражены молнией.

И в Бурунди опытный форвард часто участвует в обрядах, призванных защищать его от убийства молнией – но он уверен, что в Йоханнесбурге всё произошло случайно.

Однако несчастье повлияло и на него.

– Когда молния нанесла предательский удар, я почувствовал, будто несущая тяжелейшую ношу на спине. Теперь я с трудом заставляю себя бегать во время тренировок, – сетует он.

Другой бурундийский игрок «Своллоуз» Дабо Китенге, в которого в тот день тоже угодила молния, говорит, что

до сих пор чувствует тяжесть в голове и ему трудно тренироваться. Он отныне также категорически против игры в дождь.

Камерунцу Марсьялю Чембонсу удар пришёлся в шею.

– У меня захватило дыхание, – вспоминал он. – Я попробовал подняться, но не смог. Очнувшись, я увидел людей вокруг меня.

Он и его камерунский коллега по команде Бенджамен Нджемо уверяли, что в их родной стране такое бывает сплошь и рядом, поскольку всегда полно злоумышленников, которые пытаются отомстить своим врагам.

– Если кто-то похитил ваши вещи и вы не можете вернуть их, то вы, натурально, идёте к колдуну, договариваетесь с ним, чтобы молния поразила врага, – описывает подоплёку таких явлений Бенджамен.

Но Марсьяль не собирается позволить этому происшествию дурно влиять на его игру.

– Я приехал сюда, чтобы моя карьера шла по восходящей, и никакой молнии не испортит моей игры! Меня не запугаешь. Я только надеюсь, что подобного больше не произойдёт.

На это надеются и члены Ассоциации судей ЮАР. Впрочем, в случае необходимости они готовы откладывать матчи из-за дождя или опасности грозы. Председатель ассоциации Расселль Поль говорит, что решения в каждом случае будут приниматься отдельно, по обстоятельствам.

– Это остаётся на усмотрение судьи, но безопасность игроков – также часть его обязанностей, – поясняет он.

Каждую команду в Африке «пасёт» свой патентованный колдун. Сенегалец Эдисон Йонгай, живущий ныне в Сиднее, рассказывал, что в 80-х или 90-х годах во время чемпионата Африки по футболу в Алжире сборная команда Сенегала была уличена в колдовстве, чтобы остановить атакующий пыл соперников из Алжира, и даже якобы помешала им забить гол.

– Позднее на поле перед воротами и позади них были обнаружены деревянные палочки, которые, как полагают, были не чем иным, как талисманами гри-гри. Как сейчас помню, что в тот день алжирские мастера столько раз мазали, пробивая из выгодных положений мимо ворот, – рассказывает он.

Характерный случай произошёл на чемпионате Африки по футболу в Мали в феврале 2002 года. Главный тренер сборной Камеруна немец Винфрид Шафер был лишён права находиться на скамейке запасных игроков и руководить своей командой во время финального матча розыгрыша Кубка Африки со сборной Сенегала, состоявшегося 10 февраля. Такое наказание было применено к нему руководством Конфедерации африканского футбола за оскорбление комиссара матча марокканца Саида Белкайта накануне полуфинальной встречи камерунцев с малийцами. За полтора часа до начала игры малийская полиция арестовала вратаря камерунской сборной знаменитого Томаса Коно за то, что он якобы пытался остановить на поле некий предмет. В присутствии массы зрителей Коно увели в раздевалку. Затем один из блюстителей порядка вышел на поле, где у края до этого стояли Шафер и Коно, и нашёл «таинственный» предмет, который, как утверждалось, должен был помочь камерунцам выиграть важную игру.

Шафер стал энергично протестовать в связи с плохим обращением с Коно. Он встал у двери раздевалки и сказал, что команда не выйдет на поле до тех пор, пока Коно не будет освобождён. В этой ситуации вынуждены были вмешаться представители КАФ.

Возможно (только кто это сумеет теперь доказать?), что данный инцидент стал своего рода допингом, придавшим

дополнительные силы камерунцам, которые стремились доказать, что могут победить и без помощи колдунов. И они выиграли со счётом 3:0. Сразу после игры президент Мали Альфа Умар Конаре извинился за действия полиции.

Кстати, в ходе этого розыгрыша Кубка Африки КАФ впервые запретила включать колдунов в состав обслуживающего персонала команд. Руководители конфедерации объяснили, что присутствие колдунов создаёт плохой имидж престижному соревнованию в глазах остального мира.

Однако лишиться в одночасье привычной психологической, а может быть, и другой поддержки многие не захотели. Некоторые команды «обошли» этот запрет, купив билеты на свои игры «духовным наставникам». Оказавшись на стадионе, колдуны по-своему «болели» за своих подопечных, размещая украдкой на поле свои джу-джу (амулеты) в нужных местах.

КОЛДУН В СБОРНОЙ

— Это же несерьёзно — ехать на Кубок Африки без волшебника, — усмехнулся мой знакомый из Камеруна. — Вот тебе пример. В 1998 году Нигерия запретила въезд в страну колдуну сборной Кении на отборочный матч на первенство мира во Франции. Этот маг сопровождал кенийскую команду в течение последних девяти месяцев. И мало кто сомневался в том, что с Нигерией она расправится. Но в Нигерии кенийцы пропустили в свои ворота три безответных мяча. Вот и делайте сами выводы, с чем связано их поражение.

В прошлом на опытных знахарей опирались футбольные коллективы Мали, Нигерии, Буркина-Фасо, Ганы, Камеруна, Конго и Замбии. Кстати, некоторые игроки имеют личных магов, сопровождающих их на ответственные соревнования.

Поверье в то, что некоторые команды, как к палочке-выручалочке, прибегают к колдовству, чтобы победить соперников, не является чем-то сенсационным в Африке, особенно Западной. Многие команды, даже некоторые национальные сборные, обзавелись собственными патентованными колдунами, которые совершают специальные ритуалы с целью придать новые силы игрокам.

Майки мастеров некоторых коллективов пропитываются особыми настоями в некоторых местах перед игрой, в то время как другие команды держат под рукой знахарку, которая осматривает мяч и «очищает» его перед первым ударом.

Излюбленная тактика западно-африканских колдунов — изготавливать талисманы (ингома), изображающие каждого игрока противостоящей команды. В день матча эти талисманы крошат, наваливая на них горку кирпичей. У нигерийских игбо на ногах делают насечки, куда втирают порошок из костей шимпанзе или дерева тобо, чтобы помочь не расшибиться при падении и стать непобедимым. По наблюдениям, обезьяны редко падают. Иногда спортсмен вешает на шею тесёмку с зубом пантеры, который призван умножить его гибкость и расторопность.

На пресс-конференции в Испании нападающему сборной ЮАР «Бафана Бафана» после удачного матча и перед встречей с Испанией был задан вполне резонный вопрос: «Натурал ли тренер команды Джомо Соно ноги футболистов кровью животных и перьями птиц?»

Маккарти искренне рассмеялся:

— Мы сторонники честной игры и готовимся к матчу точно так же, как и европейские футболисты. Нам нет необходимости прибегать к колдовским приёмам. Впрочем, на Кубок Африки в Мали некоторые команды привозили колдунов, чтобы завоевать желанный трофей. В наших успехах в Испании не стоит искать использование приёмов чёрной магии.

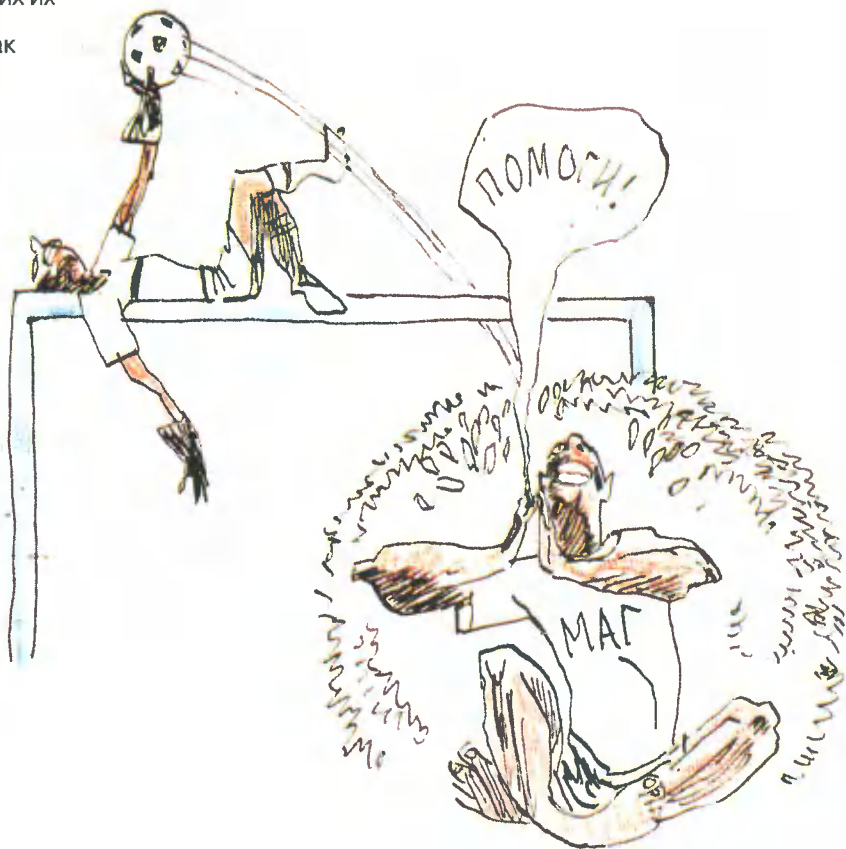
Во второй половине 60-х годов в столице Мали Бамако я дружил с подававшим большие надежды юным центральным нападающим Салифом, который учился в профессионально-техническом центре, построенном при содействии Советского Союза.

Однажды, играя против команды города Сегу, он вышел один на один с вратарём противника и метров с шести, в простейшем положении запустил мяч высоко над воротами. Когда я упрекнул его в промахе, он до крайности изумился.

— А при чём здесь я? — спросил он.

— Так ты же бил по воротам, а не я. Тебе же никто не мешал.

— Владимир, я думал, что ты разбираешься в футболе, а такие вещи мне говоришь! Разве ты не заметил, что мне помешал колдун? В таких ситуациях сам я никогда не промахиваюсь.

И мне стало стыдно за себя, за свой поверхностный взгляд на самую популярную в мире игру. Потом Салиф играл за чемпиона Франции, клуб «Сент-Этьен».

Вспоминая свои встречи в Браззавиле со знакомым, добрым чародеем Йомби. Он был хранителем футбольной команды «Чёрные дьяволы» в знаменитом квартале умельцев Пото-Пото. Раз заглянув к магу, я застал его за столом перед пирамидой из бананов и маленьких дощечек.

– Вот одиннадцать бананов и одиннадцать дощечек из волшебного дерева, которое я с трудом отыскал в лесу. В субботу, накануне матча, мне дают бумагу с именами одиннадцати футболистов, включённых в состав команды. В воскресенье я вручу игрокам по банану и деревяшке. И дело в шляпе. Иногда бывает нужен двенадцатый банан. Им я натираю мяч, чтобы он вобрал в себя враждебные духи и заставил их страдать. Перед началом матча игроки съедают бананы и, выбегая на поле, бросают шкурки через плечо, а половинки дощечек хранят в карманах трусов. Что же происходит с духами – опекунами другой команды? Им внушается мысль съесть шкурки бананов, в результате чего соперники окажутся без покровителей. С мячом то же самое. Наши противники, особенно вратарь, уже с трудом будут видеть мяч.

На этой «работе» Йомби почти не зарабатывал, поскольку приходился родственником капитану команды. Однажды я пошёл на игру подопечных Йомби с «Леопардами». На третьей минуте «Чёрные дьяволы» забили гол, но затем пропустили четыре в свои ворота. Все упреки футболисты обрушили не на тренера, а на колдуна.

– Как же это ты нас так подвёл? Мы так старались – и всё напрасно. Выходит, у них колдун сильнее тебя.

– Начисто отвергаю ваши незаслуженные упреки, – парировал Йомби. – Вы же первыми забили гол. Но подумайте сами, что может поделывать один, даже такой великий колдун, как я, против двух, игравших против меня? Разве вы не заметили, что «Леопарды» привели сегодня двух колдунов? Как же вам не стыдно?

После короткого разбора игры «Дьяволы» единодушно решили выписать из деревни ещё одного колдуна. На подмогу Йомби.

В начале 1983 года болельщики, собравшиеся на стадионе свазилендской столицы Мбабанае, были ошеломлены, когда футболисты один за другим выехали на поле на велосипедах, затем обрызгали свою форму и ворота какой-то жидкостью, «нейтрализующей силу соперника». Предстоял календарный матч на первенство страны. После встречи тренер клуба объяснил журналистам, что велосипеды, наспех одолженные у родственников и болельщиков, должны были, по рекомендации бессменного колдуна коллектива, защитить спортсменов от порчи, напущенной их противниками и подстерегавшей команду по дороге на стадион.

– Вся нечистая сила ушла на велосипеды, и мы победили со счётом 6:1, – радостно возвестил тренер. – Наша спортивная подготовка оказалась лучше, а колдун более высокого класса, чем у конкурентов.

– Беда футбола в Африке вообще и в Кот-д'Ивуаре в частности – это фетишисты, – сетовал репортёр газеты «Фратерните-матэн» Фелисьен Кутуав.

В сентябре 1983 года в столицу Того – Ломе прибыла заирская футбольная команда «Биту клуб». Ночь спортсмены провели не в комфортабельном отеле, предоставленном в их распоряжение радушными хозяевами, а на голой земле. Заирские мастера кожаного мяча отказались от тренировки

и предложенного им автобуса, предпочли добираться на игру в легковых автомобилях, которые двигались до стадиона задним ходом. По свидетельству тоголезской газеты «Нувель марш», причиной столь странного поведения спортсменов из Заира был страх перед чудодейственными амулетами гри-гри и прочими колдовскими «штучками», к которым, по их убеждению, замышляла прибегнуть противная сторона. В довершение, чтобы стать неуязвимыми, игроки «Бита клуб» окропили себя перед встречей... мочой. Увы, остроумные ухищрения не уберегли их от проигрыша.

«Суеверное поклонение фетишам и гри-гри, – пишет «Нувель марш», – подрывает веру спортсменов в собственные силы, противоречит истине, что успеха можно добиться лишь упорными тренировками, сеет недоверие между людьми. Накладно и содержание колдунов при командах».

Кстати, в сентябре 1983 года национальная федерация футбола Свазиленда даже запретила игрокам и командам применять колдовство при подготовке к ответственным матчам. Но эта каллиграфически написанная инструкция осталась на бумаге.

Нет, право же, всё-таки когда принимаются ответственные решения, надо считаться с традициями, обычаями и фактами. Десять лет ждали ивуарийские волшебники выражения материальной благодарности от правительства за «помощь» в завоевании сборной страны Кубка Африки в 1992 году. Колдуны из пригорода Абиджана были уверены, что именно их чёткая работа склонит чашу весов в пользу их команды. А пригласил их в Сенегал сам министр спорта Кот-д'Ивуара. В финальном матче в Дакаре ивуарийские «Слоны» обыграли ганскую «Чёрную звезду» по пенальти.

С тех пор чудодеи жаловались на то, что их не отблагодарили за вклад в победу. Когда их терпение было на исходе, один из них пригрозил ниспослать проклятия. Сделал ли он это или нет, но с 1992 года ивуарийские

мастера кожаного мяча ничем особым не блистали. В качестве наказания в 2000 году после проигрыша в первом туре Кубка Африки тогдашнее военное руководство страны организовало для команды сборы на территории военного лагеря, заставляя спортсменов усиленно заниматься физической подготовкой и присутствовать на лекциях по патриотизму. Но на чемпионате в Мали результат был также унылым. В итоге в ивуарийском истеблишменте решили отдать заслуженные почести колдунам. Извинения принёс им лично министр обороны и защиты гражданского населения страны Моиз Лида Куасси. На церемонии в Абиджане он публично вручил им... бутылку джина и две тысячи долларов, выразив надежду, что впредь они будут достойно служить республике.

Однако и в этом, казалось бы, ясном вопросе о колдовстве опрометчиво давать категоричные оценки. Однажды я упрекнул Яунде, знакомого тренера одной из сильнейших команд Камеруна, человека с блестящим европейским образованием, в том, что он не брезгует услугами колдунов:

– Получается, что вы призываете зло себе на подмогу в спорте, который требует справедливости и красоты?

– Откуда вы взяли, что добрый знахарь – это только носитель зла? Стыдно так думать – вы же давно в Африке, – искренне изумился он.

– Как же иначе? – удивился, в свою очередь, я.

Тут мой собеседник изложил целую концепцию зла, пролив свет на особенность африканской психологии, запечатлённую временем.

– Знахари и чародеи у нас – часть старинной морали и культуры, проникнутой, как это вам ни покажется странным, стремлением к добру. Колдовство, тем более в наше время переоценки ценностей, выглядит как зло и нередко таковым и является. Да, это так, когда оно напускалось из-за угла, но в нашем обществе оно карало нарушителей заветных предками уклада и традиций.

Маг – а его знает вся деревня – останавливает руку зла и преподаёт урок всякому, кто исподволь строит козни, поступает дурно. В нашем футболе чародей – всё равно что врач-психолог у вас. Его задача – успокоить игроков, уберечь от злонамеренных психологических влияний, вселить веру в себя, собраться на игру. Так что колдуны колдунами, а африканцы умеют здраво судить о вещах. В народе дуала, живущем у нас на побережье, трезво говорят: «На свете всегда найдётся человек, который превосходит других».

Рассказы о колдунах и ведьмах, командующих молниями, естественно, в ходу во многих районах ЮАР. Например, в народе нгуни верят, что ндебеле обладают мощным талисманом, который используют для контроля над молниями. В Северной провинции – слывущей столицей колдовства в ЮАР – говорящие на языке суту бапеда расскажут много легенд и былей о людях их района, для которых молния – орудие убийства. Учёные, правда, полагают, что в молнии нет ничего таинственного и что её вызывает трение тучи о тучу.

«Никто, даже самый великий сангома, не может сотворить молнию, – высказывает безапелляционное мнение эксперт по молниям Ронни Джексон. – То, что случилось в ДРК, абсолютно невероятно. Единственное, чем можно объяснить случившееся, так это тем, что они стояли вместе, когда выстрелила молния». Однако в реальности они не стояли вместе...

Кстати, чародеи подвизаются в Африке и в других видах спорта. Вот пример. В феврале 2005 года в столице Замбии Лусаке сорвались соревнования по борьбе. Произошло это после того, как в зале появился 32-летний боец из Демократической Республики Конго Лубанди Мулози, за гибкость и жилистость прозванный Мамба. Лицо спортсмена было густо покрыто белой пудрой, напоминая ритуальную маску. Он был с ног до головы обвешан разными талисманами. С его появлением в зале стали тво-

риться чудеса. Борец неистово забормотал какие-то заклинания и принялся ожесточённо махать куском белой ткани в сторону ковра, где происходили схватки. При этом судья и соперник крутого конголезца, замбийский богатырь Вилли Нканду по прозвищу Тигрёнок, рухнули в обморок. Поднялся невообразимый гвалт, и соревнования были тут же отменены.

Африканский футбол для своего понимания порой требует целостного видения и учёта малейших, порой микроскопических деталей, которые для непосвящённого взгляда остаются незамеченными. Казусы на футбольных полях Африки происходят разные, и каждый требует специального, почти научного анализа.

В январе 2005 года Национальный комитет футбольных судей Намибии объявил войну пьянству в своих рядах. Накануне старта первого круга розыгрыша кубка страны заместитель председателя этой организации Эдвард Ньядила пригрозил поклонникам «зелёного змия» увольнением, если они не откажутся от своей пагубной страсти. В последних турах прошлогоднего чемпионата «алкогольная лихорадка» вдруг охватила намибийских судей, словно пожар в буре. Многие рефери, едва почувствовав в руках накануне встречи задаток, тут же напивались в стельку. На следующий день матчи часто срывались, потому что рефери отказывались свистеть, ссылаясь на то, что у них с похмелья столярная скамья раскалывается голова, что любой громкий звук, не говоря уже о свистке, буквально крошит голову на мелкие куски. Другие не способны были достаточно проворно передвигаться, требовали плечо друга или по крайней мере своего помощника, если тот, конечно, сам был трезвым. Страдающие арбитры предпочитали вяло переминаясь с ноги на ногу где-нибудь в освежающей тени, если таковая находилась. Часто они игру смотрели со стороны – с боковой линии. Наиболее отличившиеся признавались, что не могли с твёрдой уверенностью определить число игроков и сосчитать мячи на поле, что делало игру нервной. Многие болельщики видели в необычайном разразившейся эпидемии бесовские подделки. Да как докажешь обратное, если все беды пришлось на завершающий этап чемпионата?

Нечто подобное, помнится, случилось в сентябре 1994 года в футбольном первенстве Кении. Там не были доиграны до конца несколько матчей подряд: то соперники не соглашались с решением арбитра, то болельщики устроили дебош.

Но терпение тамошнего футбольного мира переполнил фантастический случай в городе Малакиси. Встреча между местным клубом и соперниками из Ньюты была в самом разгаре, когда на поле вдруг выскочила разъярённая корова и принялась гоняться за бросившимися враспынную игроками, судьёй и ретивыми болельщиками, норовя поддеть их рогами на манер опытного торо. На роль тореадора никто не решился.

И вдруг кто-то воскликнул: «Да она пьяная!»

Секрет агрессивности обычно мирного животного на поверхности вещей оказался вроде бы прост. Кто-то из болельщиков видел, как незадолго до начала матча корова с явным удовольствием поедала выброшенные в мусорную кучу близ стадиона отжимки сахарного тростника, из которого готовят местную самогонку камасфиба.

Хмельного запала набравшейся бурёнке хватило ненадолго – только на то, чтобы сорвать игру. Через несколько минут, изрядно «перепав» красное земляное поле и попугав собравшихся, животное «проветрилось» и вдруг спокойно, с большим коровьим достоинством направилось на зелёную лужайку по соседству. Там она мирно и непринуждённо стала лакомиться свежей травой. А между игроками возник горячий спор. Гости из Ньюты уверяли, что корова, за которой явно вырисовывалась злобная фигура малакисинского колдуна, сорвала решающую атаку, сулившую гол в ворота хозяев поля.

Все сердито поглядывали на углубившуюся в свою жвачную прозу корову. Однако атаку восстановить было невозможно. Но никто не хотел уступать. Не помогли никакие аргументы против колдовской версии. На следующий день была назначена переигровка.

Всё это, конечно (в том числе и эта эпопея с подвыпившей коровой), может, и такое суеверие, но в Африке суеверия – пока ещё громадная сила.

ДЕРЖИТЕ РУКУ НА ПУЛЬСЕ... ЛУНЫ!

Наш ближайший космический сосед способен помочь нам узнать будущее, утверждает астролог.

Есуществует множество методов прогноза, позволяющих предсказать будущее. Но они доступны в основном специалистам, а ведь очень многие хотели бы иметь в своём распоряжении простой способ угадать события в своей жизни в текущем году. И здесь нам придут на помощь фазы ночного светила. Растущая Луна увеличивает нашу активность, спадающая – уменьшает; первая даёт надежду на достижение результата, вторая позволяет наслаждаться достигнутым и отдыхать.

Если ваш день рождения в этом году пришёлся на фазу растущей Луны (эта информация есть в отрывных календарях), можете рассчитывать, что в течение года (до следующего дня рождения) всё, что вы начнёте, будет иметь развитие и перспективу. В год растущей Луны выгодно начинать новые дела, менять профессию, заводить новых друзей. После вашего дня рождения в течение года Луна много раз будет и растущей, и спадающей, но для вас этот год останется годом растущей Луны, временем роста и развития.

День рождения – праздник личный, Новый год – праздник общественный. Но и на него распространяется лунное влияние. Если первый день нового года пришёлся на фазу растущей Луны, то социальные преобразова-

ния в стране будут успешными. Ведь политики в такой год становятся смелее, активно берутся за реформирование различных отраслей жизни и деятельности народа, в стране начинают происходить перемены, владельцы предприятий отказываются от прежних методов работы, стараются внедрять новые технологии, прислушиваются к новаторским идеям.

Совсем другая картина наблюдается при спадающей Луне. Если ваш день рождения в этом году пришёлся на фазу спадающей Луны, держитесь за старое – за старых знакомых, старые манеры поведения, за прежнее место работы. Не старайтесь изменить свою жизнь, ведь Луна всё равно приведёт к прежней жизни. В год спадающей Луны трудно избавиться от старых привычек, скорее наоборот, они только усугубляются. Трудно изменить место работы, вид деятельности. Зато можно укрепить свои позиции на прежнем месте, поднять свой авторитет в компании старых знакомых, заслужить признание, занимаясь прежним делом.

Если страна отмечает Новый год при спадающей Луне, то перемен ждать не стоит. Правители будут придерживаться старых методов управления, и любые их попытки внести что-то новое не увенчаются успехом, будут наталкиваться на препятствия. Владельцы предприятий не рискнут поменять стиль работы. Однако в год спадаю-

щей Луны можно преуспеть, развивая старые, давно зародившиеся отрасли производства, внедряя что-то давно продуманное и созревшее.

У Луны есть четыре критические точки – моменты новолуния, полнолуния, первой и третьей четверти. Если ваш день рождения пришёлся на день критической точки Луны – берегите нервы. Луна – планета эмоциональности, нервозности. Достигая одной из критических точек, она оказывается в напряжённой связи с Солнцем – в астрологии планетой разума. Такая напряжённая Луна весь год будет провоцировать внутренний конфликт между разумом и чувствами, заставит искать компромисс между «надо» и «хочу». Вам будет трудно выбрать между логическим решением и интуитивным предчувствием. Весь год может присутствовать ощущение внутренней дисгармонии. Но это не так опасно для людей уравновешенных – они могут даже не заметить внутреннего конфликта. А вот людям эмоциональным стоит готовиться к сложному году заранее, за месяц или два до дня рождения.

Если новый год пришёлся на день критической точки Луны, можно ждать народных волнений – от нежелания мириться с действительностью. В такой год политикам стоит быть более щедрыми, например увеличивать число льгот, снижать налогообложение.

В каждом номере мы публикуем самые интересные читательские письма. Пишите нам о

том, чему не находите рационального объяснения, – о необыкновенных случаях, загадочных совпадениях, необъяснимых явлениях, пророческих предсказаниях и видениях, которые случались в вашей жизни.

МОЙ СПАСИТЕЛЬ НОТ ТИШКА

Когда я была совсем девчонкой, мальчишки как-то принесли мне рыжего котёнка, сказали, что «на счастье». Котёнок упал в траншею с водой, и ребята загадали: если выберется сам, значит, счастливый. А счастливый и другим счастье приносит. Рос Тимка суровым, ласкаться не любил, всё норовил сделать по-своему, за хозяйку признавал только меня. Настоящий упрямец, кот, который гуляет сам по себе. Подросла я и собралась замуж, не особо заботясь о будущем. В восемнадцать лет не одна я такая. Тишка с первого взгляда невзлюбил моего жениха... И вот наступил день свадьбы. Стали приходить гости со стороны будущего мужа. Тишка вдруг повёл себя как цепной пёс: он противно орал, бросался между мной и входящими, воинственно прижав уши, яростно бил по полу хвостом. Ну, прямо взбесился мой кот. Подступиться к нему было невозможно, пока кто-то не накинул на него тряпку и не выволок в другую комнату, где и запер. Странную эту сцену я хорошо запомнила – потому что вскоре пришлось разводиться. Однажды, уже после развода, приехал бывший муж мириться. Спокойного уравновешенного Тишку как подменили: его затрясло, он стал метаться, шерсть встала дыбом. Муж уехал, а Тишка исчез. Всякие нехорошие мысли лезли в голову: может, прибил его кто... Но месяца через три, в самые лютые морозы Тишка приполз совершенно больной, с перебитыми лапами, с отморозженными ушами и хвостом. Всю ночь он кричал от боли и смотрел мне в глаза, словно силясь что-то сказать. Он не выжил...

После смерти Тишки я долго не заводила животных и долго не выходила замуж. Эти два события для меня как-то были связаны. Тишка словно подсказал мне, что пару себе надо искать по сердцу... Вот уже несколько лет у меня хороший муж, любящий меня, детей и всех наших домашних питомцев. А я... я до сих пор помню Тишку...

*Постоянная подписчица Т. Утегенова
Волгоград*

В ВООБРАЖЕНИИ ИЛИ НАЯВУ?

Журнал очень люблю и читаю постоянно. И вот решила отозваться на ваше обращение писать о том, чему не находишь рационального объяснения. До сих пор чётко помню число – 8 июля 1988 года. Я работала в сельской школе, муж – зоотехником. Он приехал домой в обед и сказал, что в Борках, в роще, появились личики. Я взяла корзинку, ножик и на той же лошади поехала в Борки. Проехав с километр, спустилась с пригорка. Справа было нетопкое болото, слева роща, дальше стоял сосняк. Направила лошадь между рощей и сосняком и... очутилась в каком-то желтоватом тумане, настолько плотном, что он был похож на молоко. Меня охватило высокая, лошадь остановилась. Я испугалась и повернула назад на дорогу, по которой только что приехала. Дорога была сплошь покрыта высокими, в метр, колокольчиками – тёмно-сиреневыми, внутри жёлтыми. Они светились. Я нарвала небольшой букет. Взглянула в сторону болота и увидела под кустом сине-фиолетовый, скорее хрустальный, чем стеклянный, кувшин с изумительно красиво вырезанным белым узором. Осторожно ощупывая землю, я взяла кувшин; у него оказалось надколотое дно. Оглянулась. Туман поредел, и в нём вырисовывался то ли человек, то ли зверь метра три ростом, весь в табачно-рыжей шерсти. Конь рванул, а я в ужасе швырнула в подбегавшего кувшин, в который поставила цветы. Я оглянулась. Тумана не было, и цветов тоже.

Я никогда никому не рассказывала об этом случае, но много думала о нём. Что это было? Сон наяву? Бред воображения? Но я всю жизнь была (и есть) психически совершенно здорова. И потом: я рвала колокольчики, держала в руках кувшин, видела туман и то существо... Я ехала за грибами в хорошем расположении духа, была совершенно спокойна. Что же произошло? Может, найдутся читатели, которые смогут объяснить этот неправдоподобный случай?

*Анна Николаевна Бабич
р. п. Красная Гора Брянской области*

ГОСПОДИ, СПАСИ И ПОМОГИ!

Прочитав в журнале (№ 3, 2005) в рубрике «Строки из писем» письмо П. Слюсарёва о его отношении к религии, я решила поделиться своими мыслями. Немало людей, которые искренне веруют в Бога, исполняют Божьи заповеди и благодарят за

всё, что есть вокруг, и за собственную судьбу тоже. В народе их называют «светлые души» или «божьи овечки». Когда-то и я задавала себе вопрос, кто я на самом деле – дитя Бога, божья овца или божья раба. Иисус Христос в своих проповедях применял, для лучшего понимания простых людей, образные выражения: «овца» – значит кроткий человек. Слово «раб» в древние времена имело другое значение, чем сейчас. Когда один человек приходил в гости к другому, хозяин низко кланялся и приветливо говорил: «Я – твой раб». Это значило, что он находится в полном его распоряжении в данный момент. Когда я осознала, что мы для Бога-Творца в своём духовном развитии примерно то же, что маленькие дети для родителей, я стала говорить вслух и мысленно: «Я раба твоя, Господи! Войди в моё сердце, научи своей божественной любви, веда меня к истине!» Если есть в человеке вера в единого Бога-Творца и сына его Иисуса Христа, то конечная цель жизни человека – приблизиться к их святости. Ведут к этому покаяние, искупление грехов, исполнение постов, заповеди, молитвы. Всё это должно идти от души, а не по обязанности. Мир плох потому, что плохи сами люди. Надо не мир переделывать, а прежде всего себя. А вознаграждение придёт – в материальном ли, в духе ли, но придёт: как аукнется – так и откликнется.

Большое спасибо А. Н. Щербиной за процитированные в том же номере строчки из стихотворения Е. Евтушенко. Я тоже всегда шепчу одну молитву – «Господи, спаси и помоги».

*М. Ф. Кочан
Воронеж*

УВЛЕЧЕНИЯ ПОМОГАЮТ СФОРМИРОВАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Я работаю в детской школе искусств в г. Берёзовском Свердловской обл. У меня четыре класса, в которых я преподаю живопись, рисунок и композицию. Кроме того, ещё занимаюсь с дошколятами лепкой. Часто отправляем детские работы на различные выставки, получаем дипломы, благодарственные письма, чему всегда рады. Есть у нас очень талантливые дети. Рисунок восьмилетнего Семёна Елисеева «Лисы на лужайке», к примеру, занял первое место на областном конкурсе. Сейчас мальчику тринадцать. Год от года его работы становятся всё более и более выразительными.

Очень люблю ваш журнал. Поэтому особенно обрадовалась, когда моя дочь, ученица 11-го класса Марина

Интеллектуальный дворник. Семён Елисеев (12 лет)

Лисы на лужайке. Семён Елисеев (8 лет)

Туганова, по моему совету написала реферат на тему «Любимый журнал нашей семьи», которым стали «Чудеса и приключения». Приведу несколько выдержек:

«У каждого человека в любом возрасте обязательно должно быть какое-нибудь любимое занятие. Мне нравится в свободное время полистать журнал «Чудеса и приключения», в котором я всегда найду что-то нужное и полезное для себя. Семья моя выписывает этот журнал уже много лет. Когда я ещё даже не умела читать, мама показывала мне картинки. Я с интересом их рассматривала, даже не подозревая, что когда-нибудь буду читать и зачитываться публикуемыми здесь материалами. В журнале имеется обратная связь. В рубрике «Нам пишут» публикуются самые интересные читательские письма. Учащиеся могут найти в журнале статьи о неизвестных фактах в биографиях известных личностей. На различные проблемы высказываются нестандартные точки зрения...» Реферат Марины на экзамене по литературе был оценён на «отлично».

В. Туганова
г. Берёзовский Свердловской обл.

ЧУДО В КОЛОДЦЕ

Прошлым летом наш садовый кооператив распался. На душе было тягостно, но мы с сестрой продолжали навещать бедный наш садик: там были деревья, посаженные нашими руками.

Яма, обложенная шинами, по-прежнему наполнялась грунтовыми водами. В этот раз сестра собирала малину, а я решила полить клубнику. Подошла к садовому колодцу, откинула крышку, опустила ведро на верёвке. Вдруг на глубине чуть больше метра, у самой воды вижу второе ведро – точное отражение моего, а в воздухе – отражение верёвки. Взглянула на солнце – оно было почти в зените. Ну, думаю, оптический обман... Потом ещё несколько раз ходила за водой: всё было как всегда. Уже к вечеру пошла за водой в последний раз. То, что я увидела в колодце, повергло меня в настоящий шок, не проходивший несколько дней. Бросаю ведро – снова появляется его двойник, а за ним – белая женская рука до локтя с белыми тонкими пальцами. Точно рыба в воде, двигается она между отражением ведра и стенкой колодца. Я в панике выдернула ведро и захлопнула крышку колодца. Вечером позвонила знакомой, у которой сыновья видят невидимое нам: обитателей тонкого мира, внутренние органы человека, знают, кто построил пирамиды... Старший уже давно сказал мне, что на нашей даче живёт садовая домовушка Маня. Знакомая, услышав мои взволнованные излияния об увиденном в колодце, спокойно сказала: «Ничего страшного, это Маня прощалась...»

Мы с сестрой ещё несколько раз ездили на дачу, но колодец открывать не решились...

Р. Кравцова

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Мне 56 лет, инвалид третьей группы по зрению. Пенсия очень маленькая, приходится брать мой любимый журнал в городской детской библиотеке (спасибо, что выписывают). Хочу поблагодарить за публикацию замечательного рассказа Леонида Савёлова «Принцесса Иза» (№ 1 и 2, 2005). Ощущение такое, как будто сама побывала в Древнем Египте. Отношение к Древнему Египту у меня совершенно особое: всю жизнь мечтала заниматься археологией, но не получилось – здоровье не позволило. 26 лет заведовала школьной библиотекой и всегда в обзорах художественной литературы в шестых классах рассказывала о книгах про Древний Египет. Ваша публикация растрогала почти забытое мною увлечение. Спасибо вам за это.

Наталья Михайловна Евсеева
Туапсе

Хочу добавить интересный факт к заметке о Морзе (№ 1, 2006). 3 ноября 1906 года, то есть ровно сто лет назад, на Международной конференции в Берлине был утверждён морской сигнал бедствия – SOS: три точки, три тире, три точки, отбиваемые без пауз. Позднее его стали воспринимать как «Save Our Souls» («Спасите наши души»). Первым судном, посланным в эфир SOS, стал лайнер «Словения», который разбился на рифах у Адеутских островов по пути из Нью-Йорка в Триест. Всё обошлось благополучно. Пассажиры и экипаж спасли два парохода, немедленно откликнувшиеся на тревожный сигнал.

К. Поздняков
Санкт-Петербург

Мне 50 лет. Очень люблю «ЧиП», но не имею возможности его выписывать. У меня есть приятельница, подписчица журнала, которая часто зачитывает мне по телефону особенно заинтересовавшие её места. Некоторые статьи мне не только интересны, но и помогают в тех или иных непростых ситуациях. Я стала внимательнее относиться к тому, что думаю, что говорю, что мне кажется, и пришла к выводу, что иногда виртуальное очень близко соотносится с реальным. После того как я побывала в состоянии клинической смерти, я заметила, что стоит мне подумать о ком-то, как он тут же звонит, и наоборот: стоит позвонить мне, как в ответ слышу, что обо мне только что говорили. Я чувствую присутствие или отсутствие человека, находящегося от меня на большом расстоянии. Порой сбываются сны. Всё это рождает во мне желание узнать как можно больше о том, что пока недоступно науке. Больше всего понравилась статья «Огненный меч над Америкой» Надежды Масловой (№ 11, 2005).

М. Николаева
г. Пучеж Ивановской обл.

ОДИССЕЯ НАД БЕЗДНОЙ

Два с половиной века назад российский академик писал о походах наших поморов в Арктику: «Долговременные путешествия, особенно морем чинимые, часто бывали причиной многих приключений, кои нередко выходят из пределов вероятности». Удивление почтенного академика, человека кабинетного, тем более понятно, что много лет спустя сам Руал Амундсен, опыт которого в части путешествий и плаваний не подлежит сомнению, однажды высказал другую мысль, принятую за основу профессионалами: «Победа ожидает того, у кого всё в порядке – люди называют это удачей. Поражение обеспечено тому, кто забыл вовремя принять меры – это называю неудачей». Во все времена риск при исследованиях «белых пятен» был неотделим от работы полярника, как и умение выходить из самых сложных, заведомо экстремальных ситуаций. Этот опыт, оплаченный многими человеческими жизнями, не потерял значения и поныне.

ОТЧАЯНИЕ И МУЖЕСТВО ЙЕНСА МУНКА

В 1619 году датский король Христиан IV отправил своего норвежского подданного бывалого морехода Йенса Мунка на поиски Северо-Западного прохода в Китай и Индию. Подобная задача на протяжении столетий ставилась неоднократно, большей частью неудачно. Но случай с Мунком по своему финалу, несомненно, особый.

Суда «Уникорн» и «Лампрей» в середине мая покинули Копенгаген и спустя месяц вошли в воды Гудзонова залива. За ним, по мнению теоретиков от географии, вот-вот должны были возникнуть из туманной дымки очертания пагод и дворцов Поднебесной империи или таинственного острова Чипанго (то есть Японии) с неисчислимыми сокровищами. Однако вместо этого «льды сильно теснили нас со всех сторон», отметил Мунк в судовом журнале. – В этом опасном положении мы убрали паруса, и «Лампрей» пришвартовался к «Уникорну». Затем, положившись на волю Божию, мы стали дрейфовать во льдах».

Датчане оказались в устье реки, которая на современных картах именуется Черчилль, в окружении чахлой древесной растительности окрестных берегов. В конце октября корабли вмёрзли в лёд – началась зимовка.

Поначалу действие мороза заставляло удивляться. 10 ноября капитан отметил в журнале, что «бочки с пивом промёрзли до дна, и я усомнился, можно ли пить пиво до того, как его оттают и прокипятят...» 27 ноября был лютый мороз. Все наши стеклянные бутылки, где хранились всякого рода ценные жидкости, разлетелись в куски».

12 декабря от цинги умер первый моряк, и это оказалось началом долгой череды смертей.

«Святой праздник Рождества мы отметили, как подобает христианам. Пастор прочитал нам проповедь, и мы, согласно древнему обычаю, поднесли ему подарки... Некоторые подарили пастору шкурки песцов, и он получил их столько, что мог бы сшить шубу на меху. Но ему не суждено было дожить до того, чтобы носить такую шубу», – описал Мунк предчувствие грядущей беды, запечатлевая им день за днём.

10 января: «Слегли пастор Расмус Йенсен и врач Каспар Касперсен...» 21 января: «На этот день у нас было

12 больных». 23 января: «Умер один из моих помощников...» 27 января: «Скончался матрос Йенс Хельсинг, и слёг навсегда мой лейтенант, высокородный Мориц Стюгге» – и так на протяжении полугода. К 7 февраля осталось только семеро здоровых, которые могли доставлять на суда дрова и воду; умерло 20 человек из 64 в обоих экипажах.

Обычно пик массовых заболеваний цингой приходится на весну – начало лета. Так было и на этот раз.

21 марта: «Большинство слегло, и было очень тяжело и грустно смотреть на больных и слышать их стоны...» 3 апреля: «...Никто не решился вылезти из-под одеяла. Некем мне командовать, ибо все слегли...» Однако в конце апреля в предвкушении солнечного тепла и света «некоторые больные сползли с коек, чтобы погреться, однако из-за крайнего истощения теряли сознание. Солнце им не помогло, а мне стоило немалых усилий затащить их обратно и уложить каждого на койку... Появилась надежда, что скоро наступит лето. Но и здесь нас ожидало разочарование, холода продолжались ещё долго». Немногим оставшимся в живых предстояло преодолеть силу сложившихся обстоятельств.

К июлю Мунк оставался единственным выжившим на флагманском корабле – ещё два матроса жили на берегу, поддерживая силы съедобными травами и рыбой. 8 июля, поднявшись на борт, они застали своего командира посреди разлагающихся тел и забрали его с собой на берег.

«Некоторое время, – вспоминал позднее Мунк, – мы жили... под кустом, а днём жгли костёр. Ползая у костра, иногда находили какую-нибудь травинку, выкапывали и обсасывали корни. Это помогло нам. Теперь с каждым днём становилось теплее, и мы начали поправляться». И не только – чаще в разговорах вставала тема возвращения. На пути в Европу им предстояло пересечь бурную Северную Атлантику, но что все шторма Мирового океана в сравнении с пережитым?

С летним половодьем удалось вывести «Лампрей» на глубокую воду, и тут же принялись за ремонт парусов. Перед тем как покинуть место зимовки, отдали по морскому обычаю последнюю дань памяти погибшим – опустили их тела за борт. Наспех прозвучали слова молитвы за ус-

Лейтенант Л. Г. Брусилов (1884–1914)
Архивное фото

В. И. Альбанов (1881–1919)
Архивное фото

Шхуна «Святая Анна» в Петербурге
Архивное фото

пех плавания, трое подняли те паруса, на которые хватилосил. Судно тронулось к выходу из Гудзонова залива, пробираясь первое время среди льдов. 14 августа они вышли на просторы Атлантики, которая салютовала им штормом с грозой, от раскатов которой моряки отвыкли. Волны так расшатывали корпус корабля, что открылись многочисленные течи, и пришлось не только следить за парусами, но и работать на помпах. Погибнуть в привычной Атлантике после кошмара зимовки казалось недостойным завершением плавания.

13 сентября на меридиане Шетландских островов они встретили судно, к которому приблизились настолько, что можно было общаться голосом, но ветер и волнение растащили корабли в разные стороны. Крохотный экипаж «Лампрея» не получил желанной помощи, и снова потянулись дни одиночества. Наконец спустя неделю показались знакомые берега Норвегии. Скоро «Лампрей» вошёл в защищённый от волнения фиорд, но не было никого, кто мог бы принять на берегу швартовочные концы. Какой-то крестьянин, правда, пришёл взглянуть на подозрительное судно, но тут же бросился бежать, приняв измождённых, заросших людей на его палубе за выходцев с того света. Мунк только угрозой застрелить заставил его вернуться к судну и принять швартовы.

ТАМ, НА ПОСЛЕДНИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ...

Вспоминая события навигации 1912 года в Арктике, известный гидрограф Н. В. Морозов отметил: «16 сентября я видел очень красивую баркентину, шедшую из Югорского Шара прямо во льды Карского моря; я догадался, что это «Святая Анна» лейтенанта Брусилова». Спустя два года участники экспедиции Г. Я. Седова, возвращавшиеся на родину после гибели своего начальника, неожиданно встретили на Земле Франца-Иосифа двух человек из экипажа «Святой Анны», которые рассказали о судьбе своего корабля и его экипажа.

Преодолев акваторию Байдарацкой губы, «Святая Анна» у берегов Ямала была затёрта льдами, с которыми начала дрейфовать на север. Хотя Карское море заслужило у моряков нелестную славу «ледового погребца», по крайней мере три известных дрейфа судов в его водах заверши-

лись выходом на чистую воду через пролив Карские Ворота. Правда, при этом одно судно затонуло, ещё одно было оставлено экипажем, но тем не менее обошлось без людских потерь.

«Святую Анну» с её 24 обитателями дрейфующие льды неудержимо несли на север, и когда в середине ноября судно пересекло параллель Маточкина Шара, рассчитывать на избавление от ледового плена в Карских Воротах уже не приходилось. Развитие событий приобрело непредсказуемый характер, причём с каждым месяцем всё более угрожающий...

В середине января 1913 года девять человек из 24 уже мучились от заболевания цинготного характера. 17 января появилась такая запись в судовом журнале: «Странная и непонятная болезнь, захватившая нас, сильно тревожит». Правда, с наступлением светлого времени, весной, после удачной охоты на белых медведей, болезнь до поры до времени отступила, но ледовая обстановка оставалась настолько тяжёлой, что 15 августа 1913 года судовой журнал отмечал: «Потеряли надежду на освобождение и начали готовиться ко второй зимовке. Вид и состояние окружающего льда убедили нас в этом».

В создавшейся ситуации обострились отношения между Брусиловым и его помощником штурманом Альбановым, который позднее вспоминал: «Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы после сентября 1913 года мы хоть раз поговорили с Георгием Львовичем (Брусиловым) как следует, хладнокровно, не торопясь скомкать объяснение и разойтись по своим делам». В результате в судовом журнале 22 сентября (когда скованное льдом судно находилось восточнее Земли Франца-Иосифа) появилась запись: «Отставлен от исполнения своих обязанностей штурман».

С наступлением нового, 1914 года дрейф судна изменился к западу и в дальнейшем проходил на расстоянии 200 километров вдоль северной кромки архипелага Земли Франца-Иосифа. В сложившейся обстановке Альбанов решил, что ему лучше покинуть судно, в связи с чем обратился к капитану дать материал для постройки каяка (байдарки) и нарт. К нему решила присоединиться большая часть команды, тем более что на судне иссякали запасы

продовольствия. Сохранившийся судовой журнал отразил реакцию Брусилова на это решение подчинённых: «Очень рад, что обстоятельства сложились так».

10 апреля 1914 года Альбанов с 13 матросами покинул судно, взяв семь изготовленных из подручного материала нарт и установив на них каяки. Уходивших обеспечили продовольствием на два месяца.

Расставание, несмотря на пережитое, далось Альбанову нелегко: «Давно я ждал наступления этого дня, готовился к нему, торопился с приготовлениями к отходу, но странно, что, когда наступил этот долгожданный день, мне стало жалко расставаться со «Святой Анной», жалко было покидать её далеко на севере, в беспомощном состоянии. Я сжился с этим судном и полюбил его. Если я много испытал лишений и неприятностей на ней, то видал зато и много хорошего, особенно в первое время нашего плаванья».

Так началась попытка вырваться к жизни наперегонки со смертью с 82 град. 55 мин. с. ш. До мыса Флигели на Земле Франца-Иосифа оставалось всего 65 миль, и, казалось, ничто не могло помешать преодолеть это расстояние. Но уже в ближайшие дни сказались обстоятельства, которые было трудно предвидеть.

После первого же перехода пурга заставила участников похода задержаться на стоянке на трое суток, и когда Альбанов определил местоположение своего временного лагеря, он не поверил результатам своих наблюдений: при движении целый день на юг его отряд оказался из-за дрейфа на 22 мили севернее! Это было ужасное открытие. Как всегда, на начальной стадии маршрута много усилий требуется, чтобы втянуться, привыкнуть к новым условиям, которые, несомненно, были самыми экстремальными. Между тем состояние людей оставляло желать лучшего. При отправлении с первой же стоянки, несмотря на трёхдневный отдых, «только мы налегли на ляжки, как с троими из нас приключилась дурнота; сильное головокружение и слабость такая, что пришлось здесь же около нарт лечь на снег и пролежать минут пятнадцать». Неудивительно, что на десятый день похода трое пожелали вернуться на судно – штурман не стал их удерживать.

3 мая не вернулся из разведки матрос Баев, а поиски его в торосах не дали результата – что с ним произошло, осталось тайной. Для десяти оставшихся 14 мая Альбанов подвёл первые итоги похода: «Сегодня у нас в некотором роде юбилейный день: мы считаем, что всего отошли от судна на сто вёрст. Конечно, это не так уж много для месяца хода, всего только выходит по 3,3 версты в сутки, но дорога здесь такая, какой мы не ожидали. Уходя с судна, мы рассчитывали теперь уже быть если не на берегу, то в виду берегов».

Вскоре бесконечные скопления торосов сменились разводами, форсирование которых также доставляло немало хлопот, но больше всего заботило штурмана состояние людей. «...Ни предприимчивости, ни сообразительности у них не заметно. Как будто им совершенно всё равно, дойдём ли мы до земли или не дойдём. Тяжело в такой компании оказаться в критическом положении». 17 мая испытали на воде каяки, облегчившие движение – лишь открытая вода вела к цели.

Между тем обозначились признаки грядущей беды – у матроса Луняева стали проявляться признаки изнурения: «Луняев тащить не может; он еле-еле сам ходит и при этом стонет всё время». 20 мая Альбанов отметил, что «Луняев совсем превращается в развалину: болела у него нога, заболели глаза, а сегодня он сообщил, что и вторая нога начала болеть. Ох, придётся его везти на нартах». Другие заботы – положение с продовольствием в затянувшемся маршруте: «Бульона Скорикова у нас осталось 6 фунтов, так что мы можем сварить при экономии 12 супов, хотя это будет больше походить на воду, чем на суп».

Гороху и «жульену» осталось на очень экономных шесть супов. Молока сгущённого осталось три баночки. Шоколад сегодня на отдыхе роздал последний...»

18 июня Альбанов отметил в дневнике «два белых или даже розоватых облачка над самым горизонтом. Они долго не меняли ни формы, ни места, пока их не закрыло туманом», ничего не сообщив своим спутникам. Спустя четыре дня он окончательно убедился, что перед ним самая западная кромка архипелага – Земля Александры. «Чем ближе мы подходили к острову, тем медленнее тащились мои несчастные спутники. Ничем я не мог побороть их всегдашнюю апатию». Когда 26 июня люди наконец вышли на сушу, запасы продовольствия состояли из двух килограммов сухарей, двухсот граммов мяса и килограмма соли, но вскоре Альбанов записал: «Мы сыты до отвала, и 27 больших, как гуси, жирных гаг висят на лыжах, ожидая очереди. Более 200 крупных гагачьих яиц мы уже съели за два дня». Казалось, пришло спасение, оказавшееся лишь финалом драмы – силы людей были настолько подорваны в походе по льдам, что восстановить их было уже невозможно.

Спустя неделю уже на мысе Ниль (Земля Георга) умер Архиреев. Девять оставшихся в живых разделились на две партии. Первая из пяти человек во главе с Альбановым в двух каяках пересекла залив Грея к мысу Грант. Эти пятеро добрались до цели к полуночи 3 июля, где в течение двух суток ожидали своих товарищей из береговой партии. Что произошло со второй партией, за истекшие десятилетия не выяснилось... Дальнейший путь оставшихся в живых лежал к острову Белль, где скончался ещё один моряк. В последний рейс к мысу Флора вышли два каяка – добрался один, сам Альбанов с матросом Конрадом. Здесь оба моряка нашли минимум необходимого для зимовки, но неожиданно спустя две недели у мыса Флора бросил якорь «Святой Фома», на котором чудом уцелевшие два члена экипажа «Святой Анны» вернулись на родину с судовым журналом и другими документами.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В ЖИВЫХ ИЗ «БЕЛОГО ПЕКЛА»

В начале ноября 1912 года отряды австралийской экспедиции под начальством Дугласа Маусона один за другим покидали главную базу у мыса Денисон на Земле Адели, чтобы исследовать неизученные участки ледяного континента Антарктиды. Судьба одного из них, возглавляемого самим Маусоном, продемонстрировала опасность работы в зонах трещин ледникового покрова Антарктиды.

Покинув базу 10 ноября, отряд Маусона в составе всего трёх человек на трёх упряжках продвигался со съёмкой материкового склона Антарктиды общим направлением на юго-восток, постепенно углубляясь в белое безмолвие ледяного континента, нарушаемое только посвистом ветра и шуршанием позёмки. Первые сложности в отряде в своей книге-отчёте сам Маусон отметил декаду спустя: «Над нами к западу поднималась линия растрескавшихся ледяных утёсов. Позади ясно обозначился наш путь, тщательно избегавший покрытой трещинами местности... Внезапно передние собаки моей упряжки исчезли из виду, повиснув на сбруе в расселине 8 метров ширины... Я услышал треск льда и, обернувшись, увидел только голову и руку своего товарища. Снежный мост расцелины под ним проломился, но он повис на её краю» – и так много раз. 24 ноября Маусон понял, что со своим отрядом он пересёк течение неизвестного ледника (на современных картах он носит имя Мерца, одного из спутников Маусона в этом походе), отметив особенности местности: «В глубь страны миль на двадцать к юго-западу поднимался всё тот же ледник в виде растрескавшихся слоистых водопадов». Но это было только первым предупреждением.

В полночь 27 ноября впереди открылся очередной ледяной склон с «волнистой поверхностью, местами пересечённой разорванными массами серакового льда», который было невозможно ни обойти, ни объехать, и предстояло пересекать поперёк (на современных картах это ледник Нинниса). С 29 ноября одна тревожная запись сменяет другую: «Нам сразу стало ясно, что мы попали в зону разломанных нагромождённых льдов... Задние сани повисли вертикально в трещине... Сани бежали по синему покрытому трещинами льду». В первых числах декабря участники маршрута выбрались из лабиринта трещин, и, казалось, впереди их ожидала спокойная ледниковая поверхность. Действительно, местность не вызвала подозрений вплоть до 11 декабря, когда маршрутники оказались в прибрежной зоне, где «ледяной покров спускался к морю отвесными изломанными склонами». Ещё через двое суток был отмечен «длинный крутой склон, усеянный опасными трещинами» – ситуация менялась к худшему из-за многочисленных трещин, маскировавшихся покровом уплотнённого ветрами снега.

14 декабря «вскоре после полудня, когда мы шли с таким лёгким сердцем, случилась ужасная катастрофа... Мерц остановился на минуту и поднял свою лыжную палку, – это был сигнал, что нечто необычное было под ногами... Мы не ожидали здесь трещин, так как были на гладкой ровной поверхности внутри страны, оставив позади разорванные береговые склоны. Не заметив никакой причины для поданного им сигнала, я сел на нарт, вытащил карманную записную книжку.... Однако, согласно нашему обычаю, я крикнул предостережение Ниннису... Скоро я оглянулся в ответ на беспокойный взгляд Мерца, который, обернувшись назад, остановился.... Где же Ниннис со своими санями? Я поспешил назад по своему следу и оказался у зияющей дыры метра в три шириной. Снежный мост над трещиной, которая не вызвала у меня опасений, был проломлен. С той стороны к ней подходили следы двух нарт, по эту сторону продолжались следы только моих...»

Осторожно заглянув в синюю бездну, оба увидели на выступе льда двух разбившихся собак и разбросанные остатки груза с упавших нарт. Каких-либо следов товарища, с которым они разговаривали всего несколько минут назад, не было видно вовсе – хотелось думать, что его смерть была мгновенной. Опушенной леской с грузиком определили глубину до погибших собак – 46 метров. Три часа Маусон и Мерц кричали в промороженную бездну в надежде услышать хотя бы стон – бесполезно... Позднее Маусон написал: «Я произнёс надгробное слово, Мерц пожал мне руку с коротким «Спасибо!» и мы повернулись, чтобы запрячь собак». Вместе с Ниннисом в бездну провалились большая часть продовольствия и снаряжения, палатка и весь собачий корм. Добраться до базы по расчёту Маусона они могли только «в случае благоприятной погоды... с оставшимся полуторанедельным рационом на человека, имея в виду помимо этого питаться собачатиной».

Теперь некормленные собаки еле тащились, временами падая без сил прямо в упряжи, людям приходилось выполнять их работу, и такая собачья жизнь для тех и других стала нормой. Постепенно собак приходилось забивать на питание, потому что оставшегося продовольствия хватало только на пятую часть дневного рациона – остальные калории возмещались 250 граммами собачатины без жира. 19 декабря двое дотащились до верховий ледника Нинниса, стараясь держаться подальше от знакомой уже зоны сераков. Каждый известный ориентир вызывал у людей временный прилив сил, но не у последних собак, с которыми люди делились мясом их же товарищей по упряжке, ещё недавно бежавших рядом. 29 декабря по сносной поверхности удалось одолеть 15 миль, накануне наступления нового, 1913 года только две с половиной... Вско-

ре Маусон отметил резкое изменение в состоянии своего спутника, у которого началось сильное расстройство желудка, вскоре сменившееся деградацией организма, описанного Скоттом у старшины Эванса при возвращении с полюса. Жизненный финал Мерца оказался таким же – утром 7 января он испытал припадки, чередовавшиеся с бредом, затем затих в своём спальном мешке. Попробовав устроить его поудобней, Маусон обнаружил уже окоченевшее тело. Наскоро забросав товарища кусками плотного снега, Маусон на оставшуюся сотню миль затратил целый месяц, пережив события, «кои выходят за пределы вероятности». К ним относится провал в трещину 17 января:

«Я полетел вниз сквозь середину снежного моста, но вслед затем моё падение задержалось благодаря трению упряжных верёвок от подъехавших саней, которые врезались передком в противоположный край трещины... Сообразив, что сани задержались, я начал осматриваться кругом. Трещина была около 1,8 м шириной с отвесными стенками, спускавшимися вниз в синюю глубину... На другом конце 4-метровой верёвки сквозь дыру в снежном мосту виднелся дневной свет... Мне удалось кистью захватить узел на верёвке... Я оказался в состоянии дотянуться до другого узла и даже втащить своё тело на снежный мост. Когда мне казалось, что всё позади, его край обвалился, и я снова оказался низвергнутым на всю длину верёвки. Истощённый, ослабевший и замёрзший, я чувствовал, что сделал всё, что было в моих силах... Я должен был напрячь всю свою энергию. Возбуждённый страстью, зажигающей кровь для борьбы, я ощутил прилив новых сил, когда попытался сделать последнее страшное усилие. На этот раз я сперва выставил ноги и, вцепившись в верёвку, постарался оттолкнуться, вытянувшись во весь рост на снежном мосту...»

28 января, когда до базы оставалось ещё 35 миль, его запас пищи ограничивался 20 маленькими кусочками собачьего мяса, 250 граммами изюма и 100 граммами шоколада. Неожиданно внимание Маусона привлёк снежный гурий, увенчанный тёмным предметом – как оказалось, мешком с продовольствием. Товарищи, озабоченные затянувшимся отсутствием Маусона, решили подстраховать его при возвращении. Ещё две недели ушло на преодоление оставшихся миль, и 10 февраля Маусон встретился с зимовщиками, поведав им о событиях своего маршрута.

ПОБЕГ ИЗ НЕБЫТИЯ

Во многих экспедициях начала XX века при отсутствии радиосвязи с отплытием судна связь с родиной прерывалась. Для родных и близких полярники словно уходили в небытие. Для участников очередной экспедиции Эрнеста Шэкletonа к моменту высадки на остров Элефант в апреле 1916 года оно продолжалось уже 497 дней. Полгода назад их судно погибло во льдах моря Уэдделла. Голодная смерть при обилии пингвинов и тюленей им не грозила, но больные не выдержали бы долгого ожидания. Поэтому после высадки Шэкleton и капитан судна Уорсли приняли рискованное решение – плыть за помощью на вельботе к острову Южная Георгия в 800 милях на восток-северо-восток от острова Элефант. Мыс Горн или остров Десепшен с китобойными базами находились значительно ближе, но мешали «бравые весты», рождавшие в «неистовых пятидесятых» широтах постоянное сильное волнение.

Плотники в несколько дней подготовили семиметровый вельбот, соорудив на нём подобие палубы из брезента и сохранивших деталей саней, от которых теперь не было прока. Поставили простенький рангоут и самые примитивные паруса, натопили у ближайшего снежника пресной воды на костре из тюленьего жира – и в путь...

Экипаж крохотного судна состоял из шести человек во главе с Шэкletonом и Уорсли в качестве штурмана. 24 ап-

«Эндюранс» —
корабль
экспедиции
Э. Шеклтона

Эрнест
Шеклтон

реля они отправились в неслыханный в истории мореплавания поход через всё море Скоша. На первой же вахте начальник экспедиции заявил капитану:

— Хочу признаться, что в жизни ни в чём подобном не участвовал.

Его собеседник ответил вопросом:

— Думаете, мне приходилось? — А затем задумчиво добавил: — Наверное, не стоит упускать такой возможности.

Подстерегавшие их трудности проявились уже при приготовлении первого завтрака. Один мореход сидя держал горящий примус в руках, а двое помощников не позволяли «сыграть» кипящей кастрюле за борт при резких бросках судёнышка на гребнях волн. Позднее было придумано крепление, соединившее кастрюлю с горелкой, и технология приготовления горячей пищи упростилась. Окружающий пейзаж от горизонта до горизонта оставался неизменным — бесконечное пространство неутраченного океана в белых барашках волнения монотонно повторялось вахта за вахтой, сутки за сутками... Эту бесконечную картину разнообразили лишь космы снежных зарядов по горизонту да гигантские альбатросы, почти в упор с удивлением созерцавших невиданное зрелище. В первые же сутки вельбот одолел 45 миль — значит, можно завершить отчаянный бросок быстрее запланированного месяца. Уже появился первый признак везения — несмотря на стремительное приближение зимы, ни льда, ни обломков айсбергов в окрестных водах отмечено не было.

Новым для экипажа стали плотные ночные сумерки — значит, они уже забрались довольно далеко на север, ближе к теплу. Их положение по широте было близким к Балтике, а апрель Южного полушария соответствовал октябрю в Северном.

День проходил за днём посреди огромного пространства зелёной взбесившейся воды с полосками пены на ска-

тах волн, череды снежных зарядов по горизонту. Смены вахт сопровождались раздачей горячего питья или пищи, позволяя на короткое время отвлечься от всепроникающей сырости и бесконечного, постоянного ветра в корму.

Монотонность океанских будней нарушали попытки Уорсли выполнить очередное наблюдение, когда диск солнца проглядывал в разрывах облаков. Держась одной рукой за мачту, а другой орудия секстаном, капитан пытался совместить солнце в зеркальце с линией горизонта, напоминая при этом циркового эквилибриста. Результаты его наблюдений неизменно свидетельствовали о приближении к цели. Когда 26 апреля Уорсли получил координаты 59° 46' ю. ш., 52° 18' з. д., то заметил: «Слава Богу, вырвались из окайанных шестидесятых...» Однако тут же последовали мелкие, но досадные неприятности: ветер стал отходить к северу, угрожая утащить смельчаков к югу, появление пингвинов свидетельствовало о продвижении кромки льда на север. Обломки неизвестных судов, дрейфовавшие по воле волн, напомнили о бренности всего живого в негостеприимных широтах. Наблюдения 28 апреля оказались разочаровывающими — их снесло к югу на целых шесть миль — и что будет дальше?... Запись в дневнике Уорсли на следующий день гласила: «Облачно и туманно. Сильная зыбь. Вельбот рыскает, дёргается и тяжело переваливается, но плывёт как обычно, причём мы сделали 92 мили... Отличный пробег и превосходный курс, прочь от холодной погоды. Мы уже ушли на 238 миль от острова Элефант...»

Затем навалились холода, казалось, зима настигла беглецов. Борты и палуба обрастали ледяной корой толщиной до 30 см, которую приходилось непрерывно скалывать. Чтобы облегчить судно, выбросили за борт всё, без чего можно было обойтись, включая запасные вёсла и пару спальных мешков. Оставшимися пользовались поочерёдно при смене вахт.

Экспедиция
Э. Шеклтона

Случались неприятности и иного рода. 3 мая сменившийся с вахты Уорсли не смог разогнуться – товарищи с трудом втащили его под палубу и после яростного массажа затолкали в спальный мешок. Их труды даром не пропали – капитан, от искусства которого зависела судьба плавания и 22 пленников острова Элефант, смог выполнять свои обязанности и дальше. На вахте Шэклтону возник необычно высокий вал, подобного которому он не видел за все 27 лет службы на море, едва не отправивший вельбот в пучину вместе с экипажем. Другим испытанием стала жажда.

5 мая наблюдения показали, что до долгожданного берега – 155 миль, пустяки по сравнению с оставшимися за кормой. Сейчас любая мелкая оплошность могла оказаться фатальной, поэтому от вахтенных требовалась особая бдительность. Всё больше признаков говорило о близости суши.

С 8 мая стали попадаться пятна водорослей, увеличилось количество птиц, включая бакланов, не летающих в открытом море. Вечером того же дня матрос Маккарти издал торжествующий крик: «Земля!» Он увидел мыс Демидова у входа во фиорд Короля Хокона, открывшийся с расстояния в 10 миль. Реакция экипажа оказалась своеобразной: «Мы смотрели друг на друга с самым глупым смехом, нашей первой мыслью было – всё-таки мы это сделали, – писал позднее Уорсли. – Сегодня же ночью, наконец, мы напьёмся по горло. А через неделю мы вернёмся за своими на остров Элефант... Удивительно, но суша открылась, как мы и ожидали, хотя мой хронометр не отличался точностью. Мы потратили на поход от суши к суше ровно две недели».

Однако для измученных людей одни испытания сменились другими. Южная Георгия представляет горный хребет, поднявшийся из океанских глубин, наполовину покрытый ледниками, внутренние районы которого ос-

тавались неизвестными. В фиорде Короля Хокона обсудили два пути достижения норвежской китобойной станции в Грютвикене, оба рискованных: первый – на вельботе по наветренному западному побережью, второй – пешком пересечь ледники, зато длиной всего 25 километров. Выбрали второй. Возникло осложняющее обстоятельство – двое физически не смогли бы совершить переход. Для ухода за ними должен был остаться третий.

Участники предстоящего марш-броска не могли себе позволить ночёвки – закончить маршрут нужно было на одном дыхании. Какой-либо другой исход не обсуждался: гибель троих привела бы к гибели ещё двадцати восьми.

Рано утром 19 мая трое оставшихся, лёжа в спальнях мешках, помахали вслед уходившим. В этом маршруте путь определял Уорсли, и когда впереди сквозь разрывы тумана показалась вода, первоначально принятая за замёрзшее озеро, он штурманским чутьём понял, что они пересекли остров – но не там, где надо, пройдя всего семь миль, около половины предстоящего пути. Тогда команду принял Шэклтон...

Днём 20 мая обитатели маленького посёлка были оповещены воплями мальчишек о появлении трёх странных людей, напоминавших привидения, откуда-то из центра острова. По тому, как эти три измождённых оборванца ориентировались среди строений, было ясно, что они здесь не впервые. Более того, они говорили по-английски. Норвежцы пришли в изумление, когда один из них назвал Шэклтоном, которого здесь знали все... Через несколько дней троих оставленных членов экипажа вельбота доставили в Грютвикен. Хотя людей с острова Элефант удалось снять только в августе, они были живы, как и все, кем руководил Шэклтон. Не случайно один из полярников выразил отношение своих товарищей к Шэклтону словами: «Если ничего другого не остаётся, стань на колени и молись за него...»

ПТИЦА, ПРИНОСЯЩАЯ

С давних пор в степных районах России существовал не совсем обычный перепелиный промысел. Охотников (точнее, ловцов) привлекало не мясо этих пернатых, славящееся своими отменными вкусовыми качествами, а их... вокальные данные. Попавших в сети птиц продавали на городских рынках, где их покупали купцы и мещане. Звонкие голоса перепелов раздавались из клеток, развешанных у торговых лавок. Владельцы птах устраивали состязания степных певцов, делая на них денежные ставки.

Что же представляет собой эта «разносторонне одарённая» птица и как она живёт в природе? Перепел – один из самых маленьких представителей курообразных пернатых, величиной с дрозда, длиной тела 16–18 сантиметров, весом – 70–155 граммов. Похож на крошечную курочку с коротеньким хвостом. Верх рыжевато-бурый с тёмными пестринами и светлыми продольными полосками, у самца на горле две чёрные полоски в виде полукольца.

В среднюю полосу России перепела прилетают в середине мая. Вскоре над полями и лугами по вечерам начинает разноситься призывный крик петушков, или, как его называют, «перепелиный бой»: приглушённое «ма-ваа, ма-ваа» и сразу же громкое «подь-полоть, подь-полоть, подь-полоть...», повторяемое много раз подряд. Самка отвечает очень тихо, своеобразным журчащим «слоганом» «трик-трик, трик-трик, трик-трик...». Вспугнутые птицы, шумно вспорхнув, улетают, издавая негромкие мягкие звуки «чак, чак, чак...».

Перепела предпочитают открытые пространства с травянистой растительностью, в том числе сельскохозяйственные угодья. На севере ареала чаще всего поселяются на пойменных лугах и в полях. Период «боя» (токования самцов) длится до середины июля – начала августа. Каждый петушок токует на своей территории, куда собирается несколько самок. Супружеские пары эти птицы не образуют.

Михаил Козлов
доктор биологических наук

БОГАТСТВО

Гнездовой период перепелов продолжается до начала августа; соответственно выводки молодых птиц появляются с середины июня и до середины августа. Такая растянутость «репродуктивного цикла» обусловлена, с одной стороны, разной степенью физиологической готовности самок к размножению, а с другой – гибелью значительного числа первых кладок при сенокошении и уборке сельскохозяйственных культур. Гнездо перепела представляет собой простую ямку, выстланную сухой травой. В кладке бывает от 5 до 18 яиц, но обычно – 8–13. Мать насиживает их в течение 17–20 дней. В этом процессе, как, впрочем, и в воспитании потомства, отец не принимает никакого участия.

Кормятся молодые птицы сначала различными мелкими беспозвоночными животными (насекомыми, пауками), а затем переходят на семенной рацион. Выводок долго держится недалеко от гнезда, а после окончания сенокоса и уборки урожая перебирается на окраины полей, где укрывается в кустах, зарослях бурьяна, скирдах соломы.

В случае опасности перепела стараются убежать, если растительность, в которой они прячутся, не очень плотная, в густой траве птицы затаиваются и подпускают человека даже с охотничьей собакой совсем близко. Вспугнутые, летят очень быстро, низко над землей, стремясь укрыться за каким-нибудь возвышением или в низине, перед посадкой обычно планируют на распушенных крыльях.

Перепела гнездятся в Евразии, от Атлантики до Байкала, а на юге – до Индии и северо-запада Африки. Гнездящиеся в России перепела улетают на зимовку в Восточную Африку, Аравию, Индию в сентябре – октябре. Во время таких путешествий им приходится преодолевать одним махом большие пространства: моря, горы и пустыни. Часто перед тем, как совершить многочасовой марш-бросок через серьезную преграду, птицы останавливаются на несколько дней на «пороге испытания», как бы собираясь с силами. Именно в таких «местах ожидания» на перепелов активно охотятся, ведь осенние степняки очень жирны, они почти в полтора раза тяжелее весенних.

Неумеренная охота – одна из причин резкого сокращения численности перепелов в последние десятилетия. Свою «лепту» в оскудение птичьего поголовья вносят и современные методы ведения сельского хозяйства. При машинной уборке урожая все гнезда вместе с яйцами и птенцами неизбежно гибнут под колёсами комбайнов. Иногда такая участь постигает и самок, которые сидят на яйцах «до последнего», особенно в конце насиживания, и не успевают увернуться от ножей уборочной техники. Наконец, к гибели птиц приводит и неправильное применение различных химикатов (удобрений, пестицидов и гербицидов).

Так что шансы увидеть на столе жаркое из дикого перепела сегодня, прямо скажем, невелики. А ведь мясо этих птиц очень вкусное, а их яйца, как считается, обладают лечебными свойствами. Перепелиные продукты превосходят куриные по содержанию некоторых белков, жиров, а также витаминов. На Руси издавна охотились на перепелов и готовили из них вкусные блюда. Жареный перепел с брусничкой был любимым кушаньем Ивана Грозного.

К счастью, не так давно в птицеводстве появилась новая порода – домашний перепел, который по пищевым качествам значительно превосходит своего дикого собрата. Его родоначальником стал немой, или японский, перепел, живущий в природе. (Эта птица встречается и в России, к востоку от Байкала.) Немыми таких пернатых называют за глухой, тихий крик, издали напоминающий жужжание.

По сравнению с предком домашний перепел – уникальное создание. Его несушка в течение всего года каждые 16–20 часов выдает на-гора яйцо, превосходя по яйценоскости самку дикого перепела в 22 раза. Хотя перепелиное яйцо в семь раз мельче куриного (9–11 граммов), зато оно составляет 1/15 веса птицы, в то время как у кур этот показатель всего лишь 1/30. Общий вес всех снесенных домашней перепелкой яиц достигает 2,5 килограмма и превышает вес производительницы в 20 раз. Сравним: у представительниц лучших пород кур при среднем весе яйца 55 граммов и весе несушки 1,7 килограмма масса

яйц равна 13,75 килограмма – только в 8 раз больше веса самой птицы.

Кроме того, домашний перепел поразительно скороспел: от каждой «хохлатки» можно получить 3–4 поколения в год. При этом если дикий перепел достигает половой зрелости в возрасте 12 месяцев, то домашний – уже через 35 дней после рождения.

Разведение перепелов становится сегодня очень выгодным делом. Так, пять тысяч домашних степняков способны дать столько же яиц (по весу), сколько дадут тысяча кур, а ведь перепела растут втрое быстрее, чем куры, и соответственно расходы на корма при выращивании птенцов уменьшаются во столько же раз. Притом птицы живут в тесноте, да не в обиде: полторы тысячи перепелов можно разместить без ущерба для их здоровья на площади всего 15 квадратных метров. В трёхнедельном возрасте уже удаётся отличить петушков от курочек, тогда же первые попадают на стол в жареном виде, а вторых рассаживают по отдельным клеткам.

В наше время домашних перепелов разводят в Японии, Китае, в странах Европы, в том числе и в России, где яйца и мясо перепелов уже сейчас имеют хозяйственное значение.

Но перепел «знаменит» не только превосходными пищевыми качествами. На Востоке считается, что эта птица приносит в семью богатство. Степняков держат дома в клетках как милую декоративную птаху. Она неприхотлива, годами живёт в неволе, развлекает хозяев пением.

Домашних перепелов широко используют в качестве лабораторных животных в эмбриологии, генетике, физиологии, микробиологии и медицине.

На Земле живут ещё 9 видов перепелов, в том числе карликовый перепел, обитающий в Африке, Юго-Восточной Азии и Восточной Австралии. Это птица величиной с воробья, весящая 45 граммов. (Её цыплята не больше шмеля.) Своих крошек мини-отец защищает как герой: взъерошившись, чтобы казаться больше, вытянув шею, опустив крылья, он атакует даже собаку. А вот со своей дамой сердца пернатый карлик мил и ласков, к тому же однолюб и всегда при семье. Птенчики растут быстро – в возрасте двух недель уже летают.

ТАМ, ГДЕ БРОДЯТ ОГНИ

Рисунки Михаила Петрова

С самого начала лета вокруг Са-рыг-Сепе – большого посёлка на правом берегу Каа-Хема, центра Каа-Хемского района Республики Тува – то и дело происходили странные, не поддающиеся никаким объяснениям явления. Тува вообще край очень малоизученный, и с вещами удивительными, подчас невероятными сталкиваешься здесь буквально на каждом шагу, но то лето выдалось особенным даже для тех диких мест.

То вдруг тёмными ночами заснеженные гольцы далёкого хребта Академика Обручева начинали светиться пульсирующим, мертвенным бело-зеленоватым светом. В такие ночи напроочь отказывала любая связь, в телефонных трубках стоял сплошной оглушительный треск, сквозь который не пробивались никакие другие звуки, по экранам телевизоров металась ломаные линии, как при близких грозных разрядах. Однако это не были отзвуки далёких гроз, после которых обычно горные речки превращались в стремительные грязные потоки, несущие в Каа-Хем всякий таёжный хлам. Ничего подобного не было. Наутро после таких сумасшедших ночей вода в Мержене и Дерзиге, берущих начало в отрогах хребта, была всё та же кристально чистая и холодная как лёд, несмотря на сорокаградусную жару.

А тёплыми тихими вечерами, когда над засыпающим посёлком безмолвно плывёт золотая лодочка месяца, невесть откуда начали появляться шаровые молнии. Одна из них, пугая рыбаков и припозднившиеся парочки, несколько часов в полной

тишине плавала между деревьями парка, а потом перелетела протоку и полыхнула возле трансформаторной подстанции. От громыхнувшего взрыва задрезбуждали стёкла в окнах домов, испуганно забрежали проснувшиеся собаки, а весь посёлок до самого утра сидел без света. Ещё одна всю ночь блуждала вдоль крутых склонов Известковой горы, что напротив посёлка, на другом берегу Каа-Хема, словно путник с фонарём, ищущий дорогу во тьме. Она то тускнела и почти пропадала, то разгоралась, светилась с новой силой. А к полудню следующего дня там сразу в нескольких местах занялась тайга. Зловещее багровое зарево большого пожара отражалось в реке, красноватый свет проникал в дома даже сквозь задёрнутые шторы, тревожа и мешая спать. По ночам тоскливо выли собаки, сотни белок, спасаясь от огня, пытались переплывать Каа-Хем и гибли в его стремительных волнах или становились добычей таймелей и коршунов. Несмотря на усилия лесников и пожарных, огонь охватывал всё большие площади, и к июлю горел весь массив тайги на Известковой горе и её отрогах. Пожар безуспешно тушили до самой середины августа, пока не зарядили редкие для этих мест обложные дожди...

Даже самые заядлые грибники и ягодники не решались ходить в то лето в верховья Мержена, хотя редкие смельчаки, отважившиеся побывать там, приносили невероятных размеров грузди, не умещавшиеся в ведре, и рассказывали о небывалом урожае клубники на горных увалах. В доказа-

тельство своих слов они угощали нас суховатыми, очень сладкими, ароматными ягодами, не уступающими по размерам среднерусской садовой клубнике. И тем не менее желающих пойти туда по грибы или за ягодами почти не находилось. А уж когда прошёл слух о медведе, убившем и наполовину сожравшем старую тувинку, помогавшую внуку пасти отару в верховьях Дерзига, охотников забираться в эту глухомань и вовсе не стало.

– Сколь живу, не упомяну, чтоб летом медведь на человека кинулся. Ино дело шатун зимой – с голодухи-то на ково хошь и сам кинешься. Ну, подранок, бывает, бросится, а чтоб середь лета, да не пораненый – не бывало такого! – постукивая суковатым бато-гом, авторитетно рассуждал дед Мака-р Новосёлов. На счету Дорофеича, так звали деда, было больше десятка добытых им косолапых, и многие годы считался он первейшим медвежатником по всей округе. Но странное поведение медведя в верховьях Дерзига не мог объяснить и Дорофеич, и от этого становилось ещё страшнее. Кто-то даже пустил слух, что это, дескать, и не медведь вовсе, а самый что ни на есть оборотень. Страхи и пересуды пошли на убыль лишь после того, как охотники привезли убитого зверя в посёлок. Смотреть на него сбежались все от мала до велика. Это был очень крупный и очень тощий, несмотря на лето и обилие корма в тайге, самец. Грязная шерсть свалилась колтуном, словно медведь только встал после зимней спячки. Загри-вок и правый бок его были в глубоких гноящихся ранах.

– Это ево молодой самец так порвал! – пояснил, тыкая палкой в кишашие червями раны, Дорофеич. – Охотится-то он уж не мог, одно слово – инваид. Вот он старуху-то и слопал. Лёгкая добыча. Н-да...

На убитого зверя смотрели с каким-то смешанным чувством страха, отвращения и жалости.

На фоне всех этих происшествий и явлений наше намерение отправиться за «чёрными» хариусами именно в верховья Мергена выглядело особенно сумасбродным. Это теперь, спустя много лет, я хорошо понимаю, как неразумно было подвергать себя столь большому риску, а тогда...

– Медведя убили, и ни с кем из тех, кто ходил в тайгу, ничего страшного не случилось! – убеждали мы не на шутку встревоженных и напуганных матерей. Решение наше было твёрдым, и его не поколебало даже то, что нам не разрешили взять с собой ружья.

– Ты, Василий, меня тож пойми, – убеждал отца инспектор охотнадзора Тюнин. – Нельзя – значит нельзя! Сам посуди, у меня в друзьях да приятелях полрайона ходят. Сегодня я тебе разрешу, а завтра ко мне ишшо десять человек придут. И как мне быть в таком разе, а? То-то, что не знаешь! Так что вы уж лучше езжайте на Брень, али ещё куда, куда и все ездят. Хариузов-то, чай, везде полно, только лови. А на Мерген и сам не ходи, а уж с пацанами и подавно. Сам знашь, береженого, паря, и Бог бережёт!

– Ну, нельзя, так и не надо! И без ружья обойдёмся! – решили мы и ранним, прохладным июльским утром, взвалив рюкзаки, отправились чабанской тропой туда, где в пронзительно синее небо вздымались розоватые пики снежных «белков»...

Поясню, что же это за «чёрный» хариус, ради которого мы готовы были тащиться хоть к чёрту на рога. В Каа-Хеме в черте посёлка и в его притоках хариус водится, и в изобилии, но ловится, как правило, лишь «белячок» – не больше ладошки. Настоящих же, крупных, или, как их здесь называют за тёмно-сиреневую, временами почти чёрную окраску, «чёрных», хариусов ловили исключительно в верховьях малых речек, впадающих в Каа-Хем. Эта осторожная, сильная и удивительно красивая рыба считалась, пожалуй, самой престижной в уловах. Спору нет, великолепно уха из тайменьей головы, вкусен жареный ленок, а уж о рыбнике – пироге с запечённым ленком или тайменем – вообще говорить не приходится. И всё-таки хариус – это хариус. Насто-

ящий, «чёрный», он просто вне всякой конкуренции. А уж засолить на зиму килограммов десять таких чернышей – это и вовсе мечта каждого, кто брал в руки удочку. Надо ли говорить, с какой завистью смотрели мы на полутора–двухкилограммовых красавцев, которых привозили друзья и знакомые из таких поездок, в то время как мы довольствовались весьма скромными уловами. Так могли ли повлиять на наши планы разговоры о каком-то там свечении или ещё бог знает о чём? Светит? Ну и пускай себе светит! А для необходимой самообороны и душевного спокойствия были у нас три топора да большой поясной охотничий нож у отца.

Нас трое. Мы с Вовкой только закончили десятый класс и считали себя вполне состоявшимися таёжниками. А главный в нашей компании, конечно же, мой отец. Он всегда разделял с нами все наши подчас авантурные замыслы и рискованные предприятия. Поначалу остальные члены нашей семьи отнеслись к этому настроенно и даже неприязненно, но потом смирились.

– Хаман с ними, пускай чудят! Всё пацаны под присмотром, – махнула рукой Вовкина мать. Больше нас не удерживали.

...Нешадно палит солнце, в струях раскалённого воздуха дрожат рыжие пологие вершины горных увалов по правому берегу Мергена, изредка налетающие порывы горячего ветра гонят впереди нас серые пыльные вихри. Сейчас бы прилечь где-нибудь в тени, на берегу говорливой речушки, ополоснуть ледяной водой горящее от зноя и пота лицо, но к речке надо спускаться на самое дно глубокого лога, густо заросшего пепельно-серыми от пыли, колючими кустами боярышника и облепихи. А один вид острых, в полпальца длиной колючек напрочь отбивает всякое желание продираться сквозь них. Мы допиваем остатки тёплой, ставшей слегка солоноватой и совсем не утоляющей жажду воды из фляжек и упорно шагаем дальше. А ещё говорят, что тут полно зверья! Который час тащимся мы безлюдной тропой, и только любопытные суслики, столбиками застывшие у входов в норки, да парящие в блёкло-синем, выгоревшем на солнце небе коршуны сопровождают нас. Давно осталась позади вторая стоянка, так называют здесь место днёвок скота, пасущегося в предгорьях, и теперь мы идём узкой вычной тропой, едва угадывающейся в седых зарослях полыни и степного ковыля – тырсы. Как нам объясняли в посёл-

ке, самые уловистые места начинаются почти у подножия хребта Академика Обручева. Однако сколько мы ни идём, а ослепительно блестящие под солнцем ледяные вершины словно и не приближаются.

Время от времени мы с Вовкой сворачиваем с тропы в сторону, туда, где среди рыжей, выгоревшей на солнце травы аппетитно краснеют крупные ягоды клубники. Они очень вкусны, эти слегка подвяленные на солнце, удивительно ароматные и сладкие ягоды. От их приторного сока слипаются пальцы и пить хочется ещё больше.

Наконец, когда казалось, сил больше нет, когда от жары кровь молотками стучала в висках и земля покачивалась под ногами, откуда-то потянуло блаженной прохладой, тропинка нырнула на дно лога и затерялась в высокой сочной траве. Серые от пыли, колючие кусты боярышника расступились, и перед нами открылась сказочной красоты поляна, вся золотая от цветущих жарков. Ближе к воде, в тени кустов шиповника и смородины склонились к земле крупные пурпурные цветы марьяны корня. Над поляной басовито гудели пчёлы и толстые шмели, а из гуши трав с треском вылетали большие зелёные кузнечики. После невыносимого пекла, которым тащились мы почти полдня – рай земной, да и только! На каждом шагу падали толстые стрелы дикого лука и таёжного чеснока – черемши. Речка, с журчанием вытекающая из-под громадного завала, в центре поляны разливалась глубоким омутом, а чуть ниже его, вся в брызгах и пене, уносила куда-то в полутёмное нагромождение обомшелых глыб. Она терялась в сплошном переплетении веток чёрной смородины, усыпанной янтарными ягодами облепихи. Во влажном воздухе витали запахи ананаса, чёрной смородины, черемши и ещё чего-то едва уловимого, пьянящего. Долина реки сузилась, и тайга по левобережью, до которой раньше было километров пять, подступила здесь почти вплотную к руслу.

Едва мы вышли на поляну, как на другом берегу омутка, прямо напротив нас, поднялись из высокой травы два больших чёрных ворона. Они неторопливо облетели поляну и уселись на лиственнице, почти у нас над головами, недовольно переговариваясь сварливыми хриплыми голосами, словно спрашивая: «И по кой чёрт припёрлись вы сюда? Кто вас звал?»

– Кыш! Пошли! – замахнулся на них Вовка подобранным сучком, но птицы лишь презрительно покосились на него.

– Ну вот, кажется, пришли. Давайте-ка, мальчишки, костерок сообразим, отдохнём, перекусим малость, а там посмотрим, может, и заночуем здесь. Займитесь дровишками, а я пойду посмотрю, чего это там вороны делали. Ишь, сидят, какие недобольные, – скомандовал отец.

Пока мы с Вовкой обследовали поляну и собирали по кустам сушняк для костра, он по камням перешёл на левый берег речки и скрылся в кустах. Через минуту оттуда с сердитыми криками вновь взлетели наши знакомые вороны и принялись кружить над поляной, поочерёдно угрожающе пикируя на торопливо идущего к берегу отца. Он был явно чем-то встревожен.

– Неважное местечко мы выбрали, мальчишки! – переводя дыхание, проговорил он и, видя недоумение на наших лицах, пояснил: – Медведь где-то рядом шастает. Он там, в кустах, лося задрал и припрятал. Землём присыпал, сучьями, одни копыта торчат. Вот вороньё и пирует. И следов свежих полно. Чайку-то попьем, пока светло, а вот на ночь здесь оставаться не резон. Как бы он к нам в гости не наведалься...

Долго уговаривать нас не пришлось. Чего греха таить, хоть и считали мы себя заправскими таёжниками, но ночевать рядом с медвежьей заначкой! Откуда и силы взялись? Наспех перекусили, взвалили рюкзаки и, поминутно оглядываясь, заспешили прочь, подальше от опасного места. Впрочем, как мы ни спешили, а день кончился ещё быстрее. Солнце почти скрылось за дальними увалами, только самый край ослепительно-жёлтого диска ещё виднелся над лохматыми вершинами, а в логу уже сгустилась тьма надвигающейся ночи. Километров через пять-шесть вышли мы наконец на небольшую полянку. Почти ошупью, ориентируясь на журчание воды, спустились к речке, отыскивали в рюкзаках фонарики и принялись обустроить наш первый ночлег.

Тёплая летняя ночь опустилась на землю. Непроглядная, чернильная темнота накрыла горы, тайгу, обступившую нас, только звёзды помаргивали на чёрном бархатном небе, да на юго-востоке, там, где остался посёлок, на самом горизонте красной точкой взшёл Марс. Какая-то невидимая в темноте птица села на верхушку лиственницы и долго шумно возлилась, должно быть, устраваясь спать. Костёр наш освещал неровным пляшущим светом лишь маленький пятачок, на котором стояла палатка. Где-то совсем недалеко от нас, заглушая журчание воды в речке, с шумом пришёл на водопой какой-то большой зверь. Мы ясно слышали, как он хрус-

тел береговой галькой, шумно сопя и отдуваясь, пил воду. Честно говоря, от столь близкого соседства было немножко не по себе. Мы навалили в костёр целую гору сушняка и, когда рыжие языки пламени взметнулись высоко в ночное небо, осветив прибрежные кусты, дружно принялись рубить колья и втыкать их в мягкую землю. Только когда наш бивак был окружён тремя рядами такого частокола, мы почувствовали себя в относительно безопасной обстановке и вспомнили об ужине.

Однако спокойно поужинать нам было не суждено. Когда разогреты были банки с тушёной, а на огне булькал закипающий чайник, над спящей тайгой зародился какой-то непонятный, странный шум, словно лёгкий ветерок потревожил листву на кустах, пробежался по кронам могучих лиственниц. Но дым от костра столбом поднимался в чёрное небо и не чувствовалось ни малейшего движения воздуха, а неясный шум, зародившийся где-то у подножия невидимых в ночном мраке гор, нарастал, надвигаясь, подобно шуму приближающегося дождя.

Отец, встревоженно прислушивавшийся к нему, принялся торопливо собирать наши разбросанные вещи, мы бросились помогать ему, но в ту же минуту началось что-то невообразимое. Из темноты на свет нашего костра полетели крупные, белые с грязно-серыми разводами на крыльях, мохнатые бабочки. Сначала их было немного. С тихим жужжанием они кружились над костром, падали в огонь, а на смену им летели всё новые и новые. С каждым мгновением их становилось всё больше. Теперь уже сотни и сотни их кружились над освещённым костром пятчком. Не прошло и минуты, как на нас буквально обрушилась живая серая мель. Небывалый, фантастический

смерч закрутился над поляной. Цепкие мохнатые бабочки сплошной живой шевелящейся массой мгновенно облепили крышу и стенки палатки, и она завалилась под их тяжестью, костёр шипел и грозил вот-вот погаснуть, над поляной плыл тошнотворный запах горящего хитина. Мерзкие твари лезли в лицо, набивались за ворот и в рукава штормовок.

— Бежим от костра, скорее в темноту! — отчаянно отмахиваясь, закричал отец.

Задыхаясь, мы бросились прочь из освещённого круга, под защиту густых кустов, и только здесь, в кромешной темноте, смогли наконец вздохнуть. Глаза слезились, в горле першило и слегка подташнивало, лицо и руки горели, словно нахлестанные крапивой...

Сколько продолжался этот кошмар, никто из нас сказать не мог. Всё закончилось так же мгновенно, как и началось. Наступила тишина, нарушаемая едва слышным шорохом, доносившимся буквально отовсюду. Ещё некоторое время мы сидели, не двигаясь, приходя в себя, а потом осторожно, стараясь не наткнуться в темноте на наш частокол, вернулись к костру. Он почти погас. С огромным трудом разыскали среди этого хаоса один из фонариков и, когда луч света разорвал темноту, ужаснулись. Все наши вещи, рюкзаки, разложенные продукты, дрова — всё было облеплено толстым слоем едва шевелящихся, умиравших бабочек непарного шелкопряда. Они падали на землю, хрустели под ногами, а там, где они только что сидели, оставались противные, липкие белёсые коконы, с тянущимися от них поблёскивающими ниточками паутины...

Ни о каком ужине, естественно, уже не могло быть и речи. Всё ещё не опомнившиеся после свалившегося на нас невиданного нашествия,

кое-как поставили липкую от множества коконов палатку и попытались навести хоть какой-то порядок, собрать разбросанные вещи. Впрочем, мы быстро отказались от этой затеи. Паутина так облепила всё, что её приходилось буквально соскабливать ножом. На наше счастье, завалившаяся палатка закрыла от бабочек всё, что в ней находилось, и мы, сбросив у входа в палатку липкие и вонючие штормовки, брюки и сапоги, смогли наконец улечься спать, положив в головы наше оружие. Дневная усталость, ночной налёт шелкопряда — всё это вымотало окончательно, и я, забыв про голод, уснул практически мгновенно.

Проснулся оттого, что кто-то с нутряным тихим завыванием распахивал нас, втискиваясь между отцом и мной. Пока спросонок пытался сообразить, кто бы это мог быть, проснувшийся отец сгрёб этого «кого-то», послышалась возня, сопение, потом сдавленный, испуганный вскрик Вовки и отчаянная ругань отца.

— Ты что же это делаешь, сукин ты сын!

Вспыхнул фонарик и осветил дрожащего Вовку и не меньше его испуганного и рассерженного отца.

— Ведь я ж тебя, дурака, только чудом не убил! Скажи спасибо, что я в темноте нож никак не мог найти! Что случилось?

Но до насмерть перепуганного Вовки, похоже, не доходило, что ему говорят. Он испуганно жался между нами, с ужасом глядя на вход в палатку. Только сейчас и мы заметили, что на поляне творится что-то неладное. По брезентовым стенкам пробежали голубоватые отсветы, словно кто-то обшаривал поляну лучом мощного фонаря. Волосы невольно зашевелились на голове, сразу вспомнились рассказы о всякой чертовщине, якобы виденной здесь. Отец приложил па-

лец к губам, давая понять, чтобы не шевелились и не шумели, но предупреждение это было излишним. Мы и так сидели, застыв неподвижно, ни живы ни мертвы от охватившего нас ужаса. Но сколько мы ни прислушивались, ни единого звука не доносилось со спящей поляны, и от этой тишины, от мечущихся сполохов света становилось ещё страшнее.

Сжав в руке поблёскивающий нож, отец осторожно отодвинул входной клапан, и то, что увидели мы, заставило испытать чувство облегчения, но лишь на короткое время.

Над острыми вершинами хребта, оказавшегося вдруг неожиданно близко, в полной тишине плясали яркие бело-голубые сполохи, словно там бушевала гроза, но ни единого звука не доносилось отсюда. При почти непрерывных вспышках снег на вершинах озарялся то розовым, то голубоватым, а то каким-то марсианским, красноватым светом. В этой безмолвной феерии будто очнувшись ото сна, ожила окружавшая нас тайга. Ожила и пустилась в безумную, беззвучную пляску-камлание. Метались по поляне, широко раскинув руки-сучья, гигантские, ломаные тени лиственниц; волна за волной, чёрным прибором, накатывали тени кустов. Как зачарованные, смотрели мы на эту жуткую, фантастическую картину. Постепенно зарево над хребтом стало меркнуть, вспышки становились всё слабее и реже, и наконец всё вновь погрузилось в непроглядную темноту, снова стали видны звёзды на небе, а там, где минуту назад буйствовало невиданное сияние, по крутым склонам, то скрываясь за скальными складками, то появляясь с каждым разом всё ближе, поплыло множество тусклых, холодных, призрачных огней. Они не рассеивали темноту, не давали теней, просто безмолвно плыли над чёрной щетиной спящей тайги. Один из этих светящихся холодным, голубоватым светом шаров пропал, должно быть, скрылся в соседнем логу, другой в полной тишине медленно проплыл над нашей поляной, касаясь вершинок прибрежных кустов, на мгновение замер прямо у нас над головами, и я ясно услышал едва различимое потрескивание. По телу побежали мурашки, спина покрылась противным холодным потом, а волосы на голове зашевелились, словно наэлектризованные...

Больше мы не сомкнули глаз до самого рассвета, а утром, когда под горячими лучами взошедшего солнца запарили остывшие за ночь камни, мы, не сговариваясь, дружно принялись торопливо отчищать от налипших коконов и собирать разбросанные вещи. Даже не завтракая,

покинули мы поляну, на которой провели такую тревожную ночь.

– Рядом с медвежьей заначкой, пожалуй, и то спокойнее было бы! – высказал общую мысль Вовка.

Обратный путь до медвежьей поляны прошли на одном дыхании. Мокрая от утренней росы трава путалась в ногах, мешала идти. Когда наконец мы добрались до собранной накануне вечером кучи хвороста, на нас в буквальном смысле не было сухой нитки. Но разве может расстроить такой пустяк, когда ярко светит солнце, над костром булькает чайник, а от птичьего гомона и стрёкота кузнечиков звенит в ушах? Разумеется, нет. Впервые за прошедшие сутки мы от души поели, напились чаю и наконец вспомнили об удочках и о том, зачем, собственно, и пришли в эти дикие безлюдные места.

Хариусы словно ждали нас. Едва только бурая «мушка» из медвежьей шерсти коснулась воды и пустила первые «усы», как последовал шумный всплеск и сильная крупная рыба, в дугу сгибая удилище, бросилась под завал. Тонкая леска с пением резала воду. С трудом подвожу рыбу к берегу и, ухватив пальцами под жабры, спешу с ней подальше от воды. Великолепный, сизо-чёрный, с воинственно растопыренным радужным плавником красавец хариус тяжело запрыгал во влажной от росы траве. Пока я любуюсь своей добычей, отец, перешедший ловить на другой берег, одну за другой, с шумом и плеском, выводит двух отличных рыбин. Больше в омутке не клюёт. Может, мы поймали всех хариусов, что были здесь, а скорее всего осторожная рыба, напуганная поднятым нами шумом, просто спряталась. Вовки не слышно. Только видно, как он взмахивает удочкой над кустами на соседней ямке. Проходя мимо него, я хотел поинтересоваться, как дела, но он предупреждающе поднёс палец к губам, а потом, не отрывая глаз от воды, приподнял из травы здорового, гораздо больше пойманного мной, хариуса. Вот так Мерген! Осторожно пробираюсь сквозь переплетение кустов к воде и на какое-то время забываю о рыбалке. Ягод вокруг – море, но пройти мимо такого куста просто невозможно. Под тяжестью гроздьев крупных рубиновых ягод ветки согнулись до земли, солнце ещё не успело высушить на них капельки росы, и от этого кажется, что внутри каждой ягоды сияет крохотное солнышко. Откладываю удочку, осторожно приподнимаю самую большую ветку, нависшую над полусгнившим лиственным пнём, подставляя ладонь под гроздь тяжёлых ягод, и замираю от ужаса. Из толстой моховой подушки, почти касаясь

моей ладони, поднимается голова крупной гадюки. Вероятно, именно страх и спас меня. Ведь сделай я в тот момент хоть малейшее движение, тотчас же последовал бы укус. Чем мог закончиться укус метровой гадюки в тайге, вдали от дома, от больницы, где можно рассчитывать на помощь, – можно только предполагать. Впрочем, на моё счастье, змея, видимо, была сыта и неагрессивна. Какие-то мгновения она рассматривала того, кто посмел нарушить её дневной отдых. Треугольная голова её с быстро мелькающим тонким язычком покачивалась, касаясь рукава моей куртки, и я ясно слышал тонкое шипение. Потом, успокоившись, она вновь улеглась, но, видимо, решив, что сон всё равно нарушен, бесшумно скользнула куда-то в траву мимо моих ног. Какая уж тут рыбалка! Подобрал удочку, на ватных ногах вернулся я к отцу.

– Ты что? Что с тобой? Что случилось? – засыпал меня вопросами не на шутку встревоженный отец. Впрочем, услышав мой рассказ, он успокоился и даже начал подшучивать надо мной.

– А ты, видно, забыл, что я тебе говорил, а? Ни один зверь никогда без крайней причины на человека не нападает! Ты что же думаешь, она только и мечтала тебя подкараулить да укусить? Да на что ты ей нужен? Просто ты появился неожиданно для неё, да ещё руку протянул, вот она и дала понять тебе, что готова защищаться. А раз ты не стал нападать, она и ушла. Эх ты, герой!

Ну, герой или не герой, а всё равно страшно. И хотя я прекрасно понимал, что отец прав, а всё-таки до самого вечера старался не отходить далеко от него, так было как-то спокойнее.

– Ну, мальчишки, если завтра ещё так порыбачим, то, пожалуй, рыбу не унесём! – протянул отец, оглядывая сложенный в общую кучу наш дневной улов.

Увлечённые ловлей, мы совсем забыли про ночные страхи и спохватились лишь тогда, когда стало заметно смеркаться. О том, что вечером, накануне, на левом берегу речушки, прямо напротив нашего лагеря, отец наткнулся на медвежью заначку, тоже никто не вспоминал.

Сумерки сгущались. Ещё можно было различить громадные лиственницы на другом берегу и чёткие силуэты гор на фоне подсвеченного закатом неба. В двух шагах от нас шумел и бурлил Мерген, перекачивая по дну разноцветную гальку. Бесшумная серая тень мелькнула над поляной и растворилась в темноте. Яркий огонь костра выхватывал из темноты кусты на берегу, рыжие отблески его как в

зеркале отражались в чёрной воде реки. Над костром, распространяя на всю округу непередаваемый аромат, бурлил котелок с ухой, рядом парил наш походный чайник. И вдруг из этой темноты, заглушая плеск воды и гул пламени, раздалось утробное «Ух-ху! Ух-ху!», а следом лешачий, леденящий душу хохот.

– Филин развлекается! – усмехнулся отец. Мы это, конечно, тоже знали, но на всякий случай подсели поближе к огню. Филин, ещё пару раз ухнув на нас из темноты, улетел. Сытный ужин, уютное тепло костра, тревоги и страхи прошедшей ночи – всё это вдруг разом навалилось на нас. Приятной тяжестью налились руки и ноги. В полудремотном состоянии мы лениво препирались, кому идти на речку мыть котелок, когда затрещали кусты на противоположном берегу и в освещённое костром пространство вывалился медведь. Не зря говорят: «У страха глаза велики». В неверном пляшущем свете костра зверь показался нам огромным. Скорее всего это был хозяин той заначки, на которой пировали вороны. Наверное, он шёл на водопой, а может, его привлёк свет костра и наши голоса. Кто знает? Медведь не торопясь напился, фыркая и шлёпая по воде мохнатыми лапами. Повернул в нашу сторону громадную лобастую голову и с шумом втянул воздух. У него получилось что-то вроде «Ф-ух!». Отсветы огня красными точками вспыхивали в его глазах. Нас разделяло каких-нибудь десять-пятнадцать шагов. При желании медведь шутя преодолел бы это расстояние одним-двумя прыжками.

На наше счастье, такого желания у него не возникло. Он ещё постоял, принюхиваясь к незнакомым запахам, и присматриваясь к незнакомым существам, сжавшимся у огня, громко фыркнул, должно быть, запах дыма раздражал его, неторопливо повернулся и, неожиданно бесшумно для такого огромного зверя, скрылся в кустах.

Мы поспешно разложили вокруг нашего лагеря ещё два костра и, до самого рассвета не сомкнув глаз, медленно жарились внутри этого треугольника, а едва рассвело, собрали удочки, свернули палатку и зашагали к дому.

Всю дорогу нам казалось, что из кустов, сомкнувшихся над шумящим в логу Мергеном, за нами неотрывно следят чьи-то недобрые глаза, и мы, забыв про усталость, всё прибавляли и прибавляли шаг до тех пор, пока горы не расступились и впереди не показались крыши нашего посёлка.

Соседи встречали нас как героев, а Дорофеич, которому мы щедро выложили десяток отменных хариусов, только покачал головой.

– Шибко отчаянный народ вы, робята! Прямо как я, покуда помоложе был! Я ишло и чичас ничо, тока вот ноги, слышь, подводить стали. Ревматизма паскудная замучила. А так, у ково хошь спроси, любой скажет, Дорофеич, мол, наипервейший ведмежатник. Мне ведмедя завалить было, что раз плюнуть. Да...

Гордились мы и тем, что наш поход развеял недобрую славу, укрепившуюся за верховьями Мергена, и уже к следующему выходным соседки, собираясь за ягодами, приглашали маму:

– Пойдём на Мерген, Ивановна! Ягоды ноне тама страсть сколько!

А если кто-то вспоминал про загадочные огни, про непонятное свечение, бабы лишь отмахивались:

– Да полно тебе пужать-то! Мальчонки звон две ночи в тайге ночевали и не спужались, а ты...

Правда, в рассказ о ночной встрече с медведем верили не все, но и здесь Дорофеич поддержал нас своим авторитетом.

– Ведмедь-то чать умная скотина, не тебе чета! – в сердцах говорил он такому неверующему. – Пошто он середь лета на человека бросаться станет, когда у ево жорева кругом от пиза?

Так закончился наш необычный поход за «чёрными» хариусами в долину блуждающих огней.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Трудна и опасна миссионерская деятельность священников по распространению православной веры в отдалённых местах России, особенно в Сибири. Вот как описывает миссионер чукотский о. Венедикт в своём дневнике одну из поездок к чукчам и алеутам.

«Взятой пищи хватило лишь на пять дней, а с этого момента нам и собакам стала угрожать голодная смерть. Начавшись 18 декабря, голод не отпускал нас 18 дней – до 5 января 1899 года. Мы стали кормить собак распаренными кожами, служившими нам подстилками, и ремнями от юрт, а сами питались соскобленной с лиственничного дерева внутренней кожицей, очищенной от коры. Эта горькая похлёбка хотя бы немного заглушала голод и поддерживала наши угасающие жизни. Позже стали есть ремни от юрт, распаренные в кипятке и порезанные на куски. Ели сухие нитки из оленьих жил. Истощённые до крайней степени, последние четыре дня мы голодали уже буквально и только разводили огонь, чтобы согреться и попить горячей воды. На пятый голодный день два проводника отошли подальше от стоянки, чтобы в снежной яме развести костёр и укрыться от пронизывающего холода. И тогда вдруг пришло спасение: они увидели тропинку, ведущую к человеческому жилью. На этот раз мы были спасены».

«Современная летопись», 1900

МУРАВЬИНЫЕ ПОХОРОНЫ

В своих исследованиях о жизни муравьёв г-жа У. Геттон приводит такой эпизод. «Мне удалось увидеть, как муравьи хоронят своих собратьев. Вокруг нескольких трупиков собралась целая куча муравьёв. Все они выстроились в шеренгу по два в ряд, двое первых подняли муравья, затем двое других – второго и так далее. Потом все двинулись в путь, впереди шли два муравья с ношей, следом два муравья без ноши... Получилась целая процессия, построенная по каким-то неписанным правилам. Время от времени пара, нёсшая трупик, останавливалась, и её сменяла следующая. Сопровождающие траурную процессию вырыли целюстями несколько ямок, в каждую положили по трупiku, затем засыпали их землёй. Но это ещё не всё. Несколько муравьёв почему-то попытались убежать, отказавшись выполнять общую работу. Их вернули, и толпа муравьёв тут же прибила их. Была вырыта общая яма, куда уложили "преступников"».

«Facts», 1890

РАСТРОИВШАЯСЯ СВАДЬБА ИМЕЛА ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

У императора Павла I и его супруги Марии Фёдоровны родилось десять детей. Старшей, родившейся в 1783 году, была Александра. Рождение девочки не стало для бабушки Екатерины II радостным событием: она хотела, чтобы это был мальчик. Насчёт девочек императрица имела своё мнение: их

ждёт несчастная жизнь, так как они «будут плохо выданы замуж». Екатерина II как в воду смотрела... Но это предсказание исполнится позже. А пока маленькая Александра отличалась редкими способностями, которые проявились так рано, словно княжна спешила жить... «Она говорит на четырёх языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавишине, танцует, понимает всё очень хорошо и проявляет в характере чрезвычайную кротость», — с гордостью писала бабушка о семилетней девочке. Тринадцати лет Александра напечатала в одном журнале два своих перевода с французского, названия которых говорят о широте её кругозора: «Бодрость и благодеяния одного деяния» и «Долг человечества» (!).

За четыре года до этого Екатерина II задумала брак Александры Павловны с сыном короля Швеции Густава III 14-летним Густавом (будущим Густавом IV), стремясь упрочить влияние России в Швеции. Александра и Густав знали друг друга лишь по портретам и описаниям и очень нравились друг другу. Княжна даже начала изучать шведский язык. Переговоры длились четыре (!) года.

В августе 1796 года 18-летний Густав IV в сопровождении регента и многочисленной свиты прибыл в Петербург. Началась последняя стадия переговоров, на 11 сентября было назначено обручение. Но дело вдруг не заладилось. Императрица с царственной семьёй в сопровождении двора, дипломатического корпуса и духовника ожидала шведского короля в тронной зале, как вдруг ей доложили, что король в последнюю минуту отказался подписать соглашение, потребовав исключить из брачного контракта пункт о сохранении Александрой Павловной православной веры. Екатерина II была настолько потрясена, что «с нею сделался удар», ставший началом болезни, от которой она в том же году умерла. О потрясении, пережитом невестой, история умалчивает...

Через три года Александра Павловна сочеталась браком с эрцгерцогом австрийским Иосифом, но он не принёс ей счастья. Она скончалась после родов от молочной горячки. Было ей 17 лет.

Н. Сергеева

СМУТНОЕ ПРЕДВИДЕНЬЕ

Чешский писатель Карел Чапек (1890–1938) приобрёл мировую известность своим знаменитым романом «Война с саламандрами». Писателя-фантаста занимала тема возможной гибели человеческой цивилизации. Самую главную опасность для современного человечества Чапек видел в существах, которых он назвал саламандрами. Они в ускоренном темпе

прошли все этапы человеческого развития и теперь угрожают землянам. В этой утопической фантастике просматриваются реально сбывшиеся предсказания. Первый удар саламандр наносится по территории США — по штату... Луизиана. «В час ночи жители Нью-Орлеана почувствовали сильный подземный толчок... Бешеным порывом пронёсся с воем шквал, разбивший окна и сорвавший крыши... На город обрушился ливень илистой грязи... Плотины на Миссисипи грозят прорваться... Опасаются, что на побережье погибло много людей... Всё побережье... ночью было залито гигантской волной, везде видны разрушенные или повреждённые дома». Эта цитата, напоминающая обстановку действия разрушительного урагана Катрина, взята из романа «Война с саламандрами», опубликованного в сентябре 1935 года.

В. Большаков

РОКОВАЯ ОПАСНОСТЬ

В литературном архиве Ф. М. Достоевского в первые годы советской власти были обнаружены четыре письма публициста и литературного критика Д. И. Писарева (1840–1868) к своей матери Варваре Дмитриевне. Написаны они в 1862 году, когда за антиправительственный памфлет Дмитрий Иванович был арестован и заключён в Петропавловскую крепость, где провёл четыре года и четыре месяца. Два года спустя двадцативосьмилетний Писарев умер. Письма эти были пересланы весной 1878 года Фёдору Михайловичу с сопроводительным письмом. Варвара Михайловна благодарила писателя за присланные книги и «за дружеское отношение к моему сыну». «Может, Вам приятно будет прочитать письма человека, который так чтит Ваш талант, — писала она. — В 1863 году... он писал мне, что в крепости застрахован от всяких несчастных случайностей, что, например, любя купаться, он мог бы утонуть, а тут поневоле ограждён от этой опасности».

Писарев трижды подвергался опасности утонуть. Первый раз — в раннем детстве: он едва не утонул, купаясь в речке в своём имении. Второй — студентом первого курса, когда переходил по льду Невы. Оба раза его спасали. В июле 1868 года, менее чем через два года после освобождения, Писарев утонул, купаясь в море. «Странно, — пишет мать, — но он как будто предчувствовал, что утонет».

К. Розова

ЛЕГЕНДАРНЫЙ АДМИРАЛ НЕЛЬСОН

Легендарный английский адмирал Нельсон (1758–1805) стал символом человека, постоянно преодолевающего собственные слабости. Самые большие неприятности ему доставляли глаза. Обычно Нельсона изображают с повязкой на одном глазу, потерянном в результате ранения в 1794 году. Очень плохо видел и другой глаз, повреждённый от ранения в голову в 1798 году. За год до этого адмиралу была предоставлена пенсия по инвалидности, так как он потерял в бою правую руку. Нельсон постоянно испытывал головную боль. Чтобы унять её, он даже вынужден был принимать опиум. В начале 1801 года зрение его единственного глаза ухудшилось настолько, что речь зашла об операции. Слабо видящий глаз адмирала был налит кровью, заволакивался пеленой от образовавшейся ката-

ракты, так что он мог видеть лишь левым его уголком. На операцию Нельсон не согласился, опасаясь неудачи. Тем не менее, стараясь подержать в глазах соотечественников героический образ, даже в 1804 году, за год до гибели, пресса сообщала, что боевой адмирал прекрасно видит. Это в немалой степени успокаивало общество из-за возможной вы-

садки Наполеона на Британских островах. Имя Нельсона действовало магически.

Последним сражением Нельсона стала знаменитая битва у мыса Трафальгар, разигравшаяся 21 октября 1805 года. 27 английских кораблей противостояли 18-ти французским и 15-ти испанским. Рано утром моряки увидели своего бесстрашного адмирала в парадном мундире с орденами. Он был прекрасной мишенью. Пуля стрелка из Прованса попала в левое плечо адмирала, пробила лопатку, раздробила два ребра, прошла через лёгкие и остановилась в позвоночнике. Еле живой, парализованный Нельсон продолжал отдавать приказания. «Слава Богу, я исполнил свой долг», – были его последние слова. Он умер с успокоительным сознанием одержанной под его руководством победы.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Нужно искоренить мысль, что плотская жизнь составляет для нас всё. Это мнение служит препятствием для более полной жизни души и заставляет нас воображать, что телесной жизнью всё исчерпывается... нужно дорасти до чувства, что душа пребывает всегда, будь то во плоти или вне её, и что конкретная физическая жизнь есть только средство проявления истинного «Я». Отбрасывая прежние мысли о сравнительной важности нашей плотской жизни, мы не должны впадать в другую крайность – полное отсутствие забот о вашем физическом теле. Не будьте безрассудны и не относитесь к вашему телу и вашей физической жизни как к чему-то недостойному вас. Относясь к телу и плотской жизни с презрением, вы как бы отказываетесь от той лестницы, которая может помочь вам достичь высот совершенства. Вы должны почитать жизнь и беречь её, должны беречь своё тело, как те, кто думает, что оно и есть их «Я». Нужно смотреть на тело как на орудие души и духа, и оно должно содержаться в необходимой чистоте, здоровье и силе. Надо употреблять все средства для продления жизни в том теле, которое дано вам. Ваша жизнь – нечто чудесное, и вы всегда должны жить настоящим, извлекая из него в полной мере ту радость, которая имеется в каждом мгновении жизни для духовного развития человека. Все естественные удовольствия даны человеку для пользования ими, но не одно из них не должно стать властелином человека. Всегда нужно оставаться человеком, а не рабом в своём отношении к радостям жизни. Не падайте духом, если вы найдёте, что в вашей натуре сохранилось ещё много животных черт, они есть у всех нас с той лишь разницей, что некоторые научились управлять ими и держать в узде, в подчинении и послушании вышшим свойствам нашей природы... У вас нет ни одного качества или достоинства, которое бы не было достоянием всего человечества и которого всякий человек не мог бы достичь с течением времени.

*Рамачарака,
философ*

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

По странному стечению обстоятельств, а возможно, совершенно преднамеренно, 1 марта 1887 года, день в день через шесть лет после смертельного покушения террористов на Александра II, было совершено покушение на его сына Александра III. Одним из покушавшихся был старший брат В. И. Ленина Александр.

Николай Александрович (будущий Николай II) поехал с отцом в Петропавловскую крепость на панихиду по Александру II. «Могло произойти нечто ужасное, – писал в дневнике Николай Александрович, – но, по милости Божией, всё обошлось благополучно: пятеро мерзавцев с динамитными шашками были арестованы около Аничкова!»

Казнь террористов не была публичной. Власти опасались проявления симпатий к преступникам. Казнь состоялась

20 мая в стенах Петропавловской крепости. Российская пресса умолчала об этом событии. Сохранилось лишь свидетельство французской газеты «Cri du Peuple», симпатизирующей террористам: «В предыдущих казнях "великодушное" правительство даровало всем осуждённым по отдельной виселице. На этот раз всё было иначе: для пяти казнённых было поставлено три виселицы, и, таким образом, Шевырёв и Ульянов вынуждены были присутствовать при мучениях своих товарищей: в продолжении получаса у них перед глазами было потрясающее зрелище троих повешенных, извивающихся в мучительных конвульсиях. В то время как многие присутствующие не могли сдержать слёзы, Ульянов и Шевырёв оставались спокойными...»

Юрий Туйск

«ЦВЕТНИК» ПОД СВОДАМИ ХРАМА

Как всякое истинное произведение искусства, Исаакиевский собор в Петербурге прекрасен всегда и каждый раз по-новому. В солнечный летний день кажется, что он невесомо парит над городом и Невой. Зимним холодным вечером, когда мороз выбелит инеем его могучие колонны и портики, храм выглядит отчужденным из серебра. Во время грозы, при голубом блеске молний, Исаакий представляется старинной гравюрой, на которой искусная рука художника четко начертила не только строгие контуры здания, но и косые струи дождя. Всё в этом грандиозном сооружении необычно и уникально – и снаружи, и внутри. Собор можно уподобить архитектурному «оркестру», первую скрипку в котором играет камень.

...12 июня 1996 года я собирался провести за городом, но поездка не состоялась, и тогда я решил сходить хоть на пару часов в Александровский сад, где так легко дышится, особенно когда цветут липы, а с Невы веет прохладой. Отыскав на одной из скамеек свободное место, я оказался в обществе милой пожилой женщины. Мы поговорили немного «про жизнь», а потом моя собеседница неожиданно спросила меня, явно не сомневаясь в положительном ответе: «Вы идёте на службу в Исаакий?» И тут я узнал, что раз в год, в день святого Исаакия Далматского (в честь этого легендарного византийского монаха IV века собор получил своё название), в храме проходит праздничное богослужение с крестным ходом. Через несколько минут я уже поднимался по широким

гранитным ступеням западного портала, чтобы войти в здание через огромную двустворчатую дверь, украшенную рельефами святых.

Так волею провидения я впервые оказался на литургии в соборе, в котором, конечно же, не раз бывал и раньше (здесь находится один из самых известных музеев города). Однако это посещение не походило на предыдущие. Казалось, будто неведомая сила оторвала меня от привычной суетной жизни и перенесла в некий волшебный мир, где царили Свет и Радость. Священнослужители объясняют такое состояние души присутствием в храме Святого Духа. Собственно, эту «небесную» атмосферу и призваны создавать Дома Бога, но, пожалуй, ни в одном из них не чувствуешь такой духовной благодати, как здесь.

Служители культа ходили по собору с молитвами в своих расшитых золотом и бриллиантами одеждах, чистые голоса филармонического хора славили с клироса Господа, а я думал о человеке, которого Всевышний избрал для сооружения этого выдающегося храма.

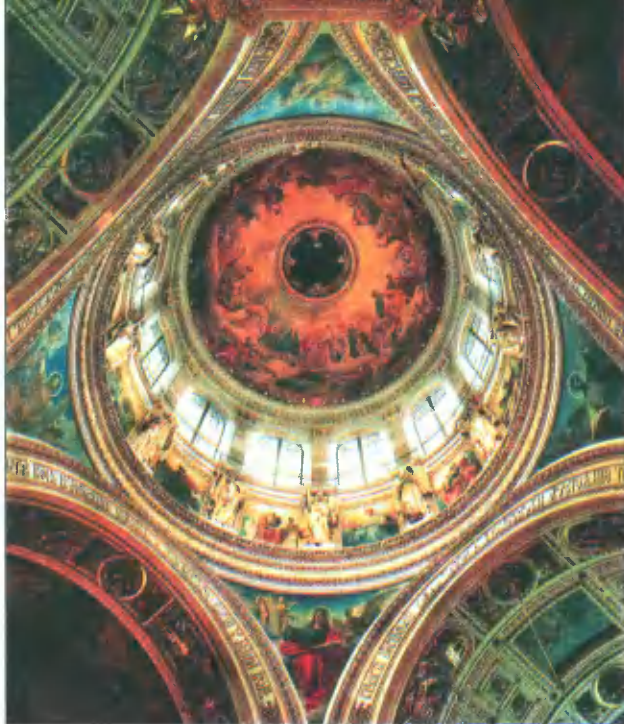
Как уже говорилось, он освящён в честь Исаакия Далматского – небесного покровителя Петра I (с днём памяти святого – 30 мая по ст. стилю – совпал день рождения царя). Таким образом, Исаакиевский собор – это достойный памятник основателю Петербурга.

Т. Готье, автор книги «Путешествие в Россию», писал о создателе храма Опусте Монферране: «Он не стремился удивить, но искал красоты, и, ко-

нечно, Исаакиевский собор – самая прекрасная церковь, построенная в наше время». Архитектор тонко чувствовал красоту камня и сумел подобрать для украшения портиков и купола такие граниты, вид которых был способен удовлетворить самый изысканный вкус. Он ездил на карьеры Пютерлакса в Финляндии, чтобы отыскать тот единственно-неповторимый коричнево-красный камень, приобретающий после полировки зеркальный блеск. Из финского гранита было изготовлено 48 колонн высотой 17 метров, диаметром – 1,8 метра и весом 114 тонн каждая. Оригинальная система устройства строительных лесов позволяла 128 рабочим поднимать и устанавливать эти исполинские блоки всего за 40–45 минут. Ничего подобного строительная техника до той поры не знала. Труд сотен тысяч безвестных умельцев, возводивших храм, смело можно приравнять к подвигу. Монферран с величайшим уважением отзывался о строителях собора. «Русские рабочие честны, мужественны и терпеливы... отличаются добротой и простодушием, кои очень располагают к ним», – писал он.

После установки гигантских колонн началось сооружение кирпичных стен собора. Их толщина колеблется от 2,5 до 5 метров. Стены облицовали серым мрамором, который прекрасно сочетается с красным гранитом колонн, тёмно-зелёной бронзой многочисленных скульптур, установленных на кровле собора, и золотом купола. Проектируя самую сложную часть сооружения – его барабан и купол, Монферран тщательно изучил подобные конструкции, использованные в зна-

Исаакиевский
собор.
Барaban
главного купола

База колонны

менитых храмах мира, и принял смелое решение – создать впервые в истории архитектуры лёгкий, но прочный металлический трёхстворчатый купол с внутренним диаметром 22 метра. Зодчему помогли своими расчётами математики Клапейрон, Ламэ и другие. Все металлические части конструкции были изготовлены в Петербурге на заводах Берда (ныне Адмиралтейский). В результате вес купола Исаакия составил «всего» 2200 тонн – значительно меньше веса каменных куполов соборов Св. Петра в Риме и Св. Павла в Лондоне. Вызолоченная огнём способом наружная поверхность купола (на позолоту ушло 100 килограммов червонного золота) – самая большая в России и одна из крупнейших в мире. Золотая «шапка» храма хорошо видна на расстоянии до 50 километров и является своеобразным маяком для морских и воздушных судов.

Божественная симфония красок живописи, мозаики и камня, звучащая под сводами собора, не оставляет равнодушным никого из посетителей. По завершении строительства Исаакия петербургские журналы «Иллюстрация» и «Сын отечества» отмечали, что храм «внутренним видом изумляет взор» и «трудно, даже невозможно выразить то впечатление, какое производит он на входящего». И неудивительно! По количеству и разнообразию использованного в облицовке цветного камня собор не знает себе равных. Здесь представлены 43 вида минералов и горных пород из разных уголков мира! В отделке здания применены серый рускиальский и жёлтый сиен-

ский мраморы, придающие интерьеру тёплый живой колорит, а также ласкающие взор розовый тивдийский, зелёный генуэзский и красный французский мраморы. Пол собора выстлан тёмно-коричневым шокинским порфиром, а в его центральной части под куполом играет розовым и вишнёво-красным огнём так называемый «розос» («роза»). Нижняя часть стен и громадных пилонов, разделяющих храм на три помещения – нефа, обрамлена плитами чёрного аспидного сланца. Добавьте к этому позолоченные базы и капители колонн, пилястры и полупилястры и украшающие их круглые медальоны, десятки прекрасных картин и плафонов кисти знаменитых художников, декоративную скульптуру и красочные мозаики, и вы представите себе всё сказочное великолепие этого зала площадью свыше 4000 квадратных метров!

Но, пожалуй, больше всего поражает в храме его главный иконостас, вырезанный из белоснежного итальянского мрамора. Сквозь бронзовые царские врата в глубине алтаря виден светящийся витраж с изображением Иисуса Христа – самый большой в мире. Этот шедевр искусства изготовили в 1841–1843 годах в Мюнхене. Особую торжественность придают иконостасу восемь 10-метровых колонн и две пилястры, облицованные уральским малахитом. По обе стороны от царских врат можно видеть ещё одно самоцветное чудо – установленные на пьедесталах две лазуритовые колонны высотой почти 5 метров и диаметром 0,43 метра. Камень был привезён из далёкого Бадахшана (Аф-

ганистан). За свой сочный глубокий синий цвет памирский лазурит считается лучшим на планете. В алтарь ведут ступени, вырезанные из редчайшего малинового кварцита. Этим же камнем отделан широкий фриз, проходящий по всему периметру стен.

Освящение Исаакиевского собора состоялось 30 мая (11 июня) 1858 года – ровно (день в день) 41 год спустя после того, как молодой Монферран приступил к проектированию храма. Архитектор хотел быть погребённым в одном из склепов собора, но Богу было угодно, чтобы зодчего похоронили в Париже. Забытый на своей родине, во Франции (местонахождение могилы Монферрана до недавнего времени оставалось неизвестным), автор Исаакия и Александровской колонны получил в России заслуженное признание ещё при жизни. В соборе хранится бесценная реликвия – бюст архитектора, выполненный его учеником А. Фолетти из различных пород цветного камня, использованных в отделке здания. Лицо Монферрана изваяно из белого итальянского мрамора, его волосы – из серого гранита, плащ и воротник – соответственно из шокинского порфира и аспидного сланца. Награды зодчего скульптор вырезал из малинового кварцита и цветных мраморов.

Тем, кто прибывает в Петербург авиарейсом в пору белых ночей, на подъёме к северной столице открывается дивная панорама. Готье описал её одной фразой: «Ничто не сравнится великолепием с этим золотым городом на серебряном горизонте...»

ПОЧЕМУ НЕ НЫЛИ РАНЫ У ШАМИЛЯ?

25 августа 1859 года Шамиль, вместе с сорока верными сподвижниками-мюридами, был окружён русскими войсками и их дагестанскими союзниками в крепости Гуниб и сдался на милость победителей. С первых же часов плена к нему относились с почестями, достойными главы побеждённого государства.

В Калуге, месте его почётной ссылки, для него был подготовлен один из лучших домов города с прекрасным садом для прогулок и небольшой мечетью во дворе. Сюда же переехало всё его многочисленное семейство. Император Александр назначил Шамилю высокое денежное содержание, позволявшее ему себя не ограничивать.

Приятным неожиданным событием для Шамиля был приезд к нему из столицы А. Руновского – корреспондента медицинской газеты «Друг здоровья». Он хотел узнать из первых рук о способах лечения ранений горцев. Эта тема была близка имаму. Все 25 лет боевых действий ему приходилось заниматься как здоровьем раненых и больных воинов, так и своим собственным, которое он не очень-то щадил.

Публикация появилась в «Друге здоровья» № 27 1861 года, которую мы с небольшим сокращением воспроизводим.

Пленный Шамиль перед главнокомандующим князем А. И. Барятинским в Гунибе 25 августа 1859 года. Картина Т. Горшельта

ИСЦЕЛЕНИЕ РАНЕНИЙ

На Кавказе познания людей, лечащих раны, которых у храбро воевавших горцев было предостаточно, отличались гораздо большей основательностью, а их медикаменты – разнообразием и действенностью. Многочисленные полностью исцелённые раны у воинов убедительно это подтверждали. Не менее, а более, чем у других воинов, было ран на теле Шамиля. Особенно поражала зажившая сквозная штыковая рана, которую он с гордостью и даже с удовольствием показывал: сперва – шрам на груди, куда вошёл штык, а затем другой шрам – на спине, где он вышел, пробив насквозь лёгкое. Шамиль, получив смертельную рану, всё-таки был вылечен своим тестем Абдул-Азисом, хотя тот и прибыл только через двадцать пять дней после ранения.

В то время считалось, что нет такой раны от огнестрельного или холодного оружия, которую дагестанские малообразованные медики не вылечили бы, за исключением смертельных ран, но и тут бывали исключения, пример тому сквозная рана Шамиля.

Отличительная особенность горских медиков состояла в том, что после лечения ранений тела их пациентов не получали никаких болезненных последствий, обычно сопровождавших особенно пулевые ранения. Убедительно это подтверждает заживление ран Шамиля – несмотря на тяжелейшее штыковое ранение, а также 40 ран от огнестрельного и холодного оружия, он никогда не чувствовал ни малейшей боли в теле: ни во время ненастной погоды, ни перед её наступлением. Правда, причиной тому являлось и железное здоровье горца, достигнутое благодаря его неуёмному стремлению к физическому совершенствованию. В молодости он научился лучше других бегать, прыгать и плавать и всегда побеждал именитых противников. Впоследствии это часто его спасало. Например, 17 октября 1832

года в узком ущелье на подступах к селению-крепости Гимры русские войска окружили немногочисленный отряд горцев. Шамиль был исколот штыками, но благодаря своей силе и ловкости сумел скрыться в темноте. Три месяца он залечивал раны.

Из числа средств, употребляемых горскими врачами для залечивания ран, Шамиль назвал только смесь, составленную из равных частей воска, коровьего молока и древесной смолы, которой всегда пользовался его тесть и личный врач Абдул-Азис. О прочих медикаментах он сказал, что в их состав входят различные растения, известные только горским врачам. Шамиль при этом подчеркнул, что таких хороших результатов в лечении ран не могла достичь даже официальная российская медицинская наука.

Ни трудная походная жизнь в горах Кавказа, ни многочисленные тяжёлые ранения не смогли сломить дух и подорвать здоровье имама Шамиля. Поражение, а затем жизнь в провинциальной Калуге в короткий срок превратили его в больного старика. Учитывая плохое состояние здоровья, в 1869 году ему было разрешено переехать в Киев в более благоприятном климате. Через полгода имам по разрешению правительства выехал в Мекку, а затем – в Медину, где и скончался 4 февраля 1871 года.

МАСТЕР-КЛАСС НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ

Работа над иллюстрациями к роману «Мастер и Маргарита» помогла мне заново открыть для себя и, надеюсь, для читателей мир героев давно любимого мной произведения М. А. Булгакова. Такими словами художник А. Симанчук начал беседу с нашим корреспондентом.

- Андрей Ильич, скажите откровенно: не боялись ли вы браться за самый «нехороший» роман Булгакова?

— Не то чтобы боялся, но опаска была... Я до «Мастера и Маргариты» иллюстрировал Гоголя, для этой же книжной серии. Ну, представляете себе, «Вия», например... Во время работы у меня постоянно гасло электричество, а когда закончил, перебои прекратились! Перья, кисточки у меня регулярно пропадали: только что лежали на месте — и уже их нет! Находил в самых неожиданных местах... Конечно, просил вежливо: «Николай Васильевич, верните кисты!» Возвращал. Но портрет его моей работы на меня так плохо смотрел... пришлось к стене повернуть...

С Михаилом Афанасьевичем было легче, он не возражал против моей работы. Но без загадочного также не обошлось. Одно издательство выпускало собрание его сочинений, вышло два тома, а когда дело дошло до «Мастера и Маргариты», с моими иллюстрациями, издательство исчезло из Москвы. Его долго разыскивали, и до меня дошли слухи, что оно возникло в Твери в виде... продовольственного магазина! Я позвонил туда, но мне сказали, что они никакого отношения к тем делам не имеют и вообще «из другой оперы»... Зажили-

ли не только мой гонорар, но кинули Сергея Михалкова, который тоже пытался до них добраться и тоже безуспешно.

— Замечательный магазин!..

— Да, кого — в Ялту, кого — в Тверь... А потом «Детская литература» сделала мне такое же предложение. Для меня иллюстрировать любимого писателя было примерно как для хирурга — оперировать своего родственника. Когда в душе накоплена масса решений и подходов, ощущаешь себя сороконожкой, не знающей, с какой ноги пойти.

Сначала я сделал один вариант обложки, где изображена была сфера, символ нашего мира, пронзенная шпагой Воланда. Мир ведь лежит во зле, согласны? Где-то выглядывал Бегемот, виднелась засохшая роза. И во всем отражались страницы романа.

Но мне сказали: это слишком философски, наши подростки не поймут... То меня просили дать на обложку виды Москвы, то главных героев, то чёрных коней... Я нашёл выход: изобразил Мастера и его подругу внутри сферы, так как они во власти Воланда, и роман, в котором перекрещиваются нити Ершалаима и Москвы.

Этот вариант приняли. А месяца через полтора, когда пришёл в издательство, увидел книгу в другой обложке и без одной иллюстрации...

Без той, где Левий Матвей возле тела Иешуа, с ножом в руке. Единственное изображение Иешуа, кроме того, где Он — вдалеке на кресте, они выбросили!

— Вам мешали или помогали во время работы? Ведь вы подключились к булгаковской ауре, весьма непростой...

— Воланд мне точно не мешал, а Михаила Афанасьевича я побаивался. Редакторши мне говорили: делайте иллюстрации попроще, пониже, это слишком хорошо... А я отвечал: мне же Булгаков во сне являться будет и строго спрашивать за то, что я с его миром сделал.

— «Мастера» каждый раз читаешь будто впервые, открывая всё новое и новое... Были ли у вас личные открытия?

— Очень любопытна в романе тема смертей. Откуда, к примеру, появилась Гелла, с уродливым шрамом на шее? Вспомним «Белую гвардию», где Николка Турбин с Ириной Най-Турс ищут в морге тело полковника. Николка видит там мёртвую женщину со шрамом во всю шею, и ему она кажется очень красивой и похожей на ведьму... Может, Геллу оживили и сделали членом свиты? Поэтому-то Булгаков и «забыл» её в момент отбытия Воланда из Москвы: ей не в кого было превращаться...

Также очень интересна «птичья» тема. У меня на многих иллюстрациях присутствует ласточка, но не простая. В полёте она похожа на букву W. Помните, Воланд на Патриарших говорит, окончив рассказ о Понтии Пилате: я сам там был, и в дворцовой колоннаде, и в саду с Каиафой... Предположить, что он был невидим, было бы слишком просто. Он был там инкогнито, то есть под иным обликом. Не был ли он той ласточкой, что дважды пролетала над Пилатом, после чего тот в корне менял своё решение об Иешуа? Она первый раз пролетела – и он сделал уступку: сперва признал Иешуа виновным, но объявил душевнобольным и решил заключить Его в своей резиденции в Кесарии Стратоновой, она пролетела второй раз – он узнал о доносе Иуды, дело стало политическим, и он вынес приговор. У романа Булгакова было много редакций, что-то отсеивалось, но ласточка была с самого начала! Во время распятия над крестами – два орла, я думаю, что это – Воланд и Абаддонна. Воробушек в квартире профессора – Азazelло.

Кстати, о нём. Иешуа на кресте убивает некий персонаж, гнусавый, маленький, попавший копьём точно в сердце. Азazelло, как мы помним, убивал именно так, любым оружием и из любого положения. Получается, что последнюю милость Носителю Света оказывает служитель Тьмы. У Булга-

кова взаимоотношения Света и Тьмы органичны, они нужны друг другу...

Символ религиозного фанатизма, Левий Матвей, видит, как Солнце, воплощение Света, которому служил Иешуа и служит он, его ученик, сжигает учителя, принося Ему страшные мучения. И, когда он проклинает Бога, называя его богом разбойников, чёрным богом – тогда приходит гроза, мрак и учитель Матвея получает наконец быструю смерть. Получается, что Тьма может быть милосерднее, и главная мысль романа – избавление может прийти не только от Бога?

– Сколько времени вы работали над иллюстрациями? Каковы образы героев в вашем понимании?

– Работал я месяца три, для меня это – на одном дыхании. Долго не удавались второстепенные сцены, например, как должны распадаться гости и декорации на балу Воланда. Но справился... Они как бы взлетают и рассыпаются прахом, пеплом.

Смотрите: вот едут таксисты, и червонцы в их руках превращаются во пчёл. А вокруг, на втором плане – храмы и колокольни без крестов. Если вы отказались и от Бога, и от Его противоположности, тогда – чьё же это всё? Вот Воланд и приходит: вы решили, что сами управляете жизнью – а чего вы стоите сами? Сейчас проверю...

Одна исследовательница Булгакова, Галинская, выдвинула интересную гипотезу относительно того, кем мо-

жет быть Коровьев. Настольной книгой Михаила Афанасьевича была энциклопедия Брокгауза и Эфрона, с их подробными статьями о крестовых походах против альбигойской ереси на юге Франции. Там были отсылки к определённым поэмам, доступ к которым он, судя по всему, получил. Он даже пользовался в «Мастере» приёмами того времени, когда глава заканчивается определёнными словами и с тех же слов начинается новая глава.

Когда во время осады альбигойской крепости погиб католический военачальник Ги де Монфор, один из трубадуров высказал каламбур, что в городе от всеобщей радости «из тьмы сотворился свет». А ведь эта «неудачная шутка» должна была задеть и тех, и других... Этот поэт, трубадур и музыкант был изображён в одеянии фиолетового цвета и с очень печальным лицом. Может, это и есть Фагот?..

Булгаков совершил потрясающую вещь: в письме к Сталину сказал, что его революция не интересует, что он писатель не советский, а мистический. И Сталин его не тронул! Он, как бывший семинарист, знал, что Мастер – это не просто талантливый писатель, это, по средневековой терминологии, знаток и толкователь священных текстов. Сталин позволил играть «Дни Турбиных» в одном московском театре. Видимо, тоже решил, что Мастер заслужил покой...

Беседовал Антон Васильев

1/21
Наша
картинная
галерея

Андрей
Симанчук
«Голгофа»

